

*Каждый день, уходя на работу,
он кладет в карман шесть камешков,
которые напоминают ему о долге
творить добрые дела.*

Кевин Алан
МИЛН

РОМАН

*Шесть камешков
на счастье*

Annotation

Нейтан Стин живет по принципу: делай добро – и получишь добро в ответ. Каждый день уходя на работу, он кладет в карман шесть камешков, которые напоминают ему о долге творить добрые дела. Но только ли потребность в благородных поступках заставляет его помогать людям? Или есть другой мотив? Тайный мотив?

- [Кевин Алан Милн](#)
 -
 -
 - [Пролог](#)
 - [Часть I](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Часть II](#)
 -
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)

- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Часть III](#)
 -
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
- [Часть IV](#)
 -
 - [Глава 44](#)
 - [Глава 45](#)
 - [Глава 46](#)
- [От автора](#)
- [Автор выражает свою благодарность...](#)
- [К размышлению](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)

- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)

Кевин Алан Милн

Шесть камешков на счастье

© Рапорт И., перевод на русский язык, 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

*И вот некто,
подойдя, сказал Ему:
Учитель благий! Что
сделать мне доброго..?*

*Евангелие от Матфея,
глава 19, стих 16*

Пролог

Нэйтан

Есть ли разница между просто скрытным человеком и человеком, который что-то скрывает? Я всегда полагал, что есть. В первом читается разочарование и тяга к обману, второй же, напротив, склонен доверять людям. И все же я сомневаюсь, что моя жена согласилась бы с моей логикой в данном случае, если б знала, от кого сегодня я получил сообщение по электронной почте.

Говорят, здесь, в Техасе, все имеет большие масштабы. Если бы масштаб той тайны, которую мне нужно было хранить, можно было измерить, я бы, пожалуй, согласился с этим утверждением.

– Сколько сегодня камней, дорогой? Все шесть? – спрашивает Хэлли.

Мы в спальне, и она крутится рядом, переодеваясь. Любому другому такой вопрос показался бы странным.

– Да, – отвечаю я, ослабив узел галстука и расстегнув верхнюю пуговицу рубашки. – Но сегодня все больше по мелочам. Так что переложил только маленькие камешки. Не то что вчера.

Я опускаю руку в правый карман брюк и достаю шесть небольших камешков. Все они красные, но у каждого свой оттенок. Я сжимаю их в кулаке, легонько трясу, вспоминая все происшедшее за день, бросаю на блюдце на туалетном столике и продолжаю готовиться ко сну.

– Да брось! – пристаёт Хэлли. – Не скромничай. Ты же знаешь, я обожаю подробности.

«О да, уж я-то знаю. А ты знаешь, как я люблю тебя дразнить», – думаю я про себя, а вслух интересуюсь:

– И что мне за них будет? Поцелуй?

Хэлли хихикает.

– Давай так – я подумаю над этим, а ты пока расскажешь мне все самое интересное!

– Идет, – тоже со смешком соглашаюсь я. – Что бы тебе рассказать... Я встретился с Мартином в перерыве на ланч, и мы потрепались. Я ведь еще не говорил, что его уволили? Месяц назад. И жена его тоже работы лишилась, так что ему сейчас туго. Думаю, он рад был ненадолго слинять из дома. Я ему подбросил пару вакансий, так что, надеюсь, он... – я быстро просовываю голову в ворот пижамы, – ...оклемается.

Хэлли тоже надевает пижаму.

– Продолжай! – Она в нетерпении.

– Так вот... Ммм... Я оставил официантке хорошие чаевые. Даже, наверное, больше, чем стоило, – не могу сказать, что обслуживала она меня так, что невозможно было придаться, но было видно, что лишние деньги ей не помешают. Что тебе еще рассказать?.. Ну, парочка мелочей на работе: стажер провалил экзамен, я его подбодрил, у секретарши возникли проблемы с компьютером, я показал ей, куда надо ткнуть... и еще всякое прочее. А по дороге домой я заскочил к Дэйву с Терезой – принес им поесть.

– А я-то думала, ты зашел в китайскую забегаловку, только чтобы мне не пришлось готовить, – снова хихикает Хэлли.

– Пусть будет так, – смеюсь я в ответ. – Но, по правде сказать, меня очень беспокоит Тереза. Ей становится все паршивее, и лучше бы они с Дэйвом разрешили мне помочь им расстаться.

Я бросаю беглый взгляд в зеркало и оглядываю свою фигуру. Неужели у меня отросло брюшко? Пытаюсь втянуть живот – не тут-то было. Наверное, я слишком много времени провожу в зале суда и слишком мало – в спортивном зале. Впрочем, телосложение – не главное в жизни. Хэлли подходит сзади и обнимает меня за мою обширную талию.

– Ты хороший человек, Нэйтан Стин. Ты и твои милые камешки. Нашему миру нужно побольше таких людей.

– Нашему миру нужны придурковатые чуваки с камешками? – хмыкаю я.

Она смеется и тычет мне кулачком в бок:

– Я не об этом!

Коротким рывком я перебрасываю ее и чмокаю в щеку:

– Ну хватит обо мне. А ты как? За ужином ты была не слишком-то разговорчива.

– Да? Наверное, дети столько всего хотели тебе рассказать, что я решила им не мешать, – уклоняется Хэлли от прямого ответа.

– Нет, тут явно была другая причина. Мне ли тебя не знать? Выкладывай, какие проблемы?

Хэлли протяжно вздыхает, садится на кровать и откидывается на подушки.

– Неужели я такая насквозь предсказуемая?

– За столько лет ты уже давно для меня как открытая книга. Так что не финти!

Она, должно быть, тоже считает, что я для нее – открытая книга, и, наверное, в каком-то смысле это и правда так. Вот только в моей книге есть

пара глав, о существовании которых Хэлли и не догадывается.

– Ну... Эта женщина... – мнется моя жена.

– Погоди-ка, – я оживляюсь, – позволь мне угадать. Кто-то умер, на похороны нужны были цветы, и ты растрогалась. Я прав?

Хэлли хватается в изголовье кровати подушку и запускает ею в меня. Подушка шмякается по моему колену.

– Не просто «кто-то»! А совсем молодой мужчина. К слову, моложе тебя. И вдруг с бухты-барахты – сердечный приступ! Осталась семья. Похоронами заниматься некому: жена одна бегает, на ней лица нет, а дети с няней.

Я поднимаю с полу подушку и ложусь рядом с Хэлли под одеяло. Пару мгновений молчу, воззрившись на жену полными восхищения глазами. Потом спрашиваю:

– И какова была твоя скидка?

Хэлли улыбается:

– Пятьдесят процентов. На все.

– Кто бы сомневался в твоей отзывчивости! – Она пытается вклиниться с замечанием, но я продолжаю: – И именно поэтому ты необыкновенный человек. Возможно, слишком сопереживающий клиентам, чтобы твой бизнес процветал, но ведь за это я и люблю тебя еще сильнее.

Я еще раз целую жену.

– И все же это так грустно, правда? Она не выходит у меня из головы. И мысли дурные все лезут и лезут... Был – и нет человека... Представь: я вдруг умру. А? Что тогда? Кстати, когда ты в последний раз мерял давление? Когда ты вообще в последний раз был у врача? – Голос жены становится строгим и наступательным.

– Думаешь, у меня лишний вес? – кротко осведомляюсь я.

– Дурак! – снова тычет мне Хэлли в бок кулачком. – Нет, я думаю, к твоим формам нет повода придирааться. Но хорошо бы, чтоб так думал и твой доктор. Завтра с утра первым делом звоню ему и записываю тебя на прием. Еще не хватало, чтобы ты на мне отдал концы...

– Да брось ты, я здоров, как племенной бык! К тому же, если мне предначертано умереть молодым, никакой доктор тут не поможет.

– Неважно, ты все равно пройдешь медицинский осмотр. И как можно скорее. Я готова на все, чтобы не дать тебе покинуть меня.

– Только ради тебя. Но я обещаю, что не умру.

Хэлли накрывает своей ладонью мою и сильно сжимает.

– Прекрасно. Потому что без тебя я ничто.

– Неправда, и ты это знаешь. А вот представь себе меня без тебя... Я

был бы просто сумасшедший с камешками в карманах.

– Со мной или без меня, но ты в любом случае просто сумасшедший с камешками в карманах, мой драгоценный.

Я смеюсь, но ничего не отвечаю. Время позднее, я порядком устал. У меня был трудный день, и теперь самое время, чтобы наша с Хэлли уютная болтовня перетекла в крепкий здоровый сон. Хотя она права: камешки я носил в карманах еще задолго до нашей с ней встречи и, даже если бы с ней что-то случилось, продолжал бы носить их и дальше.

Пока камешки не сотрут в пыль или пока я сам не умру. Так я себе пообещал и во что бы то ни стало сдержу обещание.

Подумав об этом, я мысленно вернулся к событиям тридцатидвухлетней давности и вспомнил нескладную, в чем-то нелепую и не всегда опрятную девушку, над которой издевались все в нашем классе, Мэдди Мак Фэдден. Мэдди, которая была настолько же умной, насколько странной. Ту Мэдди, которую в школе все терпеть не могли.

Давным-давно, когда мы с Хэлли еще только встречались, я рассказал ей, почему с седьмого класса ношу эти камешки в брючных карманах. Я боялся, она не поймет или, еще хуже, подумает, что у меня крыша поехала. Но, слава богу, она нашла эту мою причуду в некотором роде вполне привлекательной. Впрочем, я не рассказал Хэлли всего, опустив пару второстепенных деталей, которые в масштабе всей ситуации не имели значения, – и пару довольно важных вещей, которые как раз значение-то имели.

Правду говорят: дьявол – в деталях.

Но что, если бы я рассказал Хэлли о Мэдди сейчас? Если бы она узнала, что мы с ней по-прежнему поддерживаем отношения? Если бы я сказал ей, о чем Мэдди писала мне сегодня на электронную почту? Ну уж нет, все это точно бы ей не понравилось. К тому же есть вещи, которые нельзя говорить никому. Обещание есть обещание.

Хэлли перекатывается на кровати и кладет руку мне на грудь, чем возвращает меня в настоящее.

– Дорогой, ты уже минуту разглядываешь потолок, – сообщает она. – О чем таком ты задумался?

– Да ни о чем, – ласково бурчу я. – Размышляю, насколько трудный предстоит завтра день.

Я удобно устраиваюсь на кровати, целую любимую на ночь, выключаю светильник на тумбочке и закрываю глаза.

Я засыпаю, и возникает знакомое ощущение – сосет под ложечкой. Я всегда испытываю этот трепет, когда вспоминаю о прошлом. Оно

становится все сильнее, и я уже почти слышу слова своего отца-пастора: «Быть честным – не просто лучший выход, Нэйтан, это единственный выход».

Так ли это? Неужели другого выхода нет? Неужели в мире есть лишь черное и белое, или все-таки бывают мгновения, когда благородные мотивы оправдывают существование некоторых оттенков серого? Честно говоря, не знаю. Возможно, папа и был прав. Возможно, поэтому я ему никогда и не говорил, что тогда произошло. И возможно, поэтому до сих пор у меня дыхание перехватывает всякий раз, как я думаю об этом, потому что от всей этой горькой правды хочется плакать. А правда в том, что лучший мой поступок за всю жизнь – и единственное доброе дело, которое действительно имеет значение, – ложь.

Часть I

Камни и кости... И Стины

Глава 1

Элис

Помни, кто ты.

Задолго до того, как я забираюсь на переднее сиденье к папе в машину, я знаю, что и сегодня по пути в школу он напутствует меня все той же фразой. Это стало для него ритуалом – его визитной карточкой. С тех самых пор, как я пошла в школу, изо дня в день он на прощание говорит мне одни и те же слова. Если считать, а я считала, сегодня ровно семь лет, два месяца и девятнадцать дней, как это все началось.

Мой папа Нэйтан – образец классически правильного человека. Именно это я в нем и люблю: его предсказуемость. Я знаю, что он сделает в следующую секунду. Люблю его «мантры», по которым он живет и о которых постоянно напоминает, вроде «Помни, кто ты», или «Не переживай по пустякам», или «Все мы лишь перекасти-поле», или его любимое – «Одно ведет к другому». На этой предсказуемости и основано мое доверие. Я уверена, что могу рассчитывать на него, если начинаю переживать по пустякам. Достаточно обсудить их с отцом, и я уже готова к решению больших проблем.

В последнее время моя жизнь состоит из череды больших проблем. По крайней мере, мне они кажутся таковыми, но опять же я девушка не такая уж крупная, так что это может зависеть от перспективы.

Если говорить о размерах, я, тринадцатилетняя девочка, едва выросла из шестого^[1]. И я самая маленькая в классе. Я говорю «девочка», потому что в моем классе есть мальчик ниже меня ростом, но я не беру его в расчет, потому что у него и родители коротышки. Не люблю говорить «компактный», в конце концов, он же не модель компьютера, но это слово для него прекрасно подходит – он замечательно себя чувствует, несмотря на свой рост. Чего не скажешь обо мне. То, что я малявка, делает меня объектом насмешек.

Пока папина машина сворачивает на школьную парковку, я прислоняюсь лбом к прохладному стеклу, рассматривая группу подростков в тренчах, с кольцами в носу и выкрашенными в черный цвет волосами. Взглянув на них, я задумываюсь, какие новые сюрпризы преподнесет мне мой седьмой класс. Каждый день что-то новенькое. В основном издевки и колкие замечания. Я уже знаю, кого мне следует избегать, но это неважно – уж они-то знают, как меня найти. И всегда знали.

Я все еще помню свой первый день в детском саду. Мама поправляла мою косичку, а к дому уже подъехал гигантский желтый автобус с кучей детишек.

– Вот. Теперь ты настоящая принцесса, – сказала мама. – И вести себя в классе будешь как принцесса, хорошо?

– Да.

– Молодец! Я буду здесь ждать, когда ты вернешься на автобусе домой, хорошо?

Я кивнула и обняла ее ногу.

Папа подошел ближе, улыбаясь, и произнес волшебное заклинание:

– Элис, у тебя все получится, я знаю. Просто помни, кто ты! – Он запнулся, потом спросил: – Кто ты?

– Я Элис, глупенький, – хихикнула я.

Папа улыбнулся еще шире, нагнулся и поцеловал меня в лоб.

– Да, милая. Ты Элис. Но ты гораздо больше, чем просто Элис.

– Я Элис Стин?

– И даже больше, Тыковка. Иди, мы потом поговорим об этом, водитель уже заждался. Проведи время в школе хорошо и будь самой лучшей, Элис Стин!

И мы правда поговорили об этом потом. И не единожды. Вот только разговоры эти закончились выводами только один раз. Это было несколько лет назад. В тот день мы с моим старшим братом сильно опаздывали в школу: тот слишком долго искал чистые трусы. И папа предложил подбросить нас до школы по пути на работу.

– Эй, Тай! – окликнул он, уже остановив машину у здания школы и открыв дверь, чтобы мы с братом могли выйти.

– Знаю-знаю, – пробубнил в ответ Тай. – «Помни, кто ты».

– Именно. Помни, кто ты.

Я ждала, что сейчас Тай отпустит одну из своих фирменных колкостей, к которым так охотно прибегают подростки в его возрасте, но он лишь улыбнулся:

– Я помню, отец.

Как только Тай ушел, я вскарабкалась на его место и всю дорогу до моей школы просидела рядом с папой, впереди.

И вдруг спросила:

– Папуля, скажи мне еще раз, что ты имел в виду?

– Что я имел в виду под чем, милая? – Папины мысли были явно где-то далеко.

– Ну, вот это: «помни, кто ты такой».

– А!.. Ну... Кто ты?

– Ты прекрасно знаешь и без меня, кто я.

– Знаю, что знаю. А вот знаешь ли это ты сама?

– Да.

Отец взглянул на меня сверху вниз. Мы стояли на светофоре и ждали, пока стайка подростков перейдет дорогу.

Он сказал:

– Тогда расскажи мне, кто ты.

– Ну... – задумчиво протянула я. – Я Элис. Учусь в третьем классе. Люблю танцевать и рисовать. Я твоя единственная дочь. И я твой самый умный и самый-пресамый любимый ребенок.

Папа хмыкнул:

– В правильном идешь направлении, Эл. А еще?

– Ну, не знаю... Я красивая. Так?

– Конечно, ты красивая. Но я ведь спрашиваю тебя о чем-то гораздо большем. Знаешь, неважно, кто ты прямо сейчас, важно, как осознание себя поможет тебе в будущем стать такой, какой ты хочешь быть.

– Я хочу быть богатой, – простодушно призналась я.

Папа закатил глаза, но они по-прежнему искрились, как и каждый раз, когда мы с ним говорили. Казалось, он становился счастливым от одного взгляда на меня. Он сказал:

– Не ту цель ты перед собой ставишь, милая. Слушай: ты ведь сама сказала, что ты наша с мамой единственная дочь. Так? О чем это говорит?

– Что вам пора завести еще одного ребенка?

– Холодно. Еще одна попытка.

– Эмм... Не знаю... Что я похожа на вас?

– Больше на маму, надеюсь. Но уже теплее. Ты не только похожа на нас, ты такая же, как мы, даже больше, чем ты думаешь. Внутри тебя частичка нас с мамой, ты – наша дочь, а это значит, что у тебя...

– Герпес? Мама говорит, что если у меня начнется герпес, когда я вырасту, то это, скорее всего, я унаследовала от тебя.

Папа покачал головой и рассмеялся:

– Да, наверное, ты и вправду мой самый умный и самый-пресамый любимый ребенок. Но я имел в виду то, что у тебя в душе, Эл. Ты и так уже прекрасный человек, но если будешь стараться, то станешь еще лучше. И я не говорю, что ты должна пытаться во всем быть похожей на меня. Ты должна стать источником добрых поступков. Не забывай о том, как много у тебя возможностей, и старайся непременно их использовать.

Папа на мгновение умолкает – и добавляет:

– Ты хоть что-нибудь из этого поняла?

К тому моменту мы были уже почти возле школы.

– Да, думаю, да, – ответила я. – Спасибо, пап.

Спустя полминуты мы подъехали к парковке и остановились около тротуара, но я была еще не готова выйти из машины.

– Папочка, а ты, когда был ребенком, тоже хотел быть похожим на своего отца?

Улыбка на папином лице померкла.

– Конечно. – Он чуть помедлил, словно мысленно возвращался к чему-то давно позабытому. – Ты знаешь, он ведь мне каждое утро перед школой повторял те же слова, которые я тебе говорю. «Помни, кто ты, Нэйтан. И дай нам с матерью повод тобой гордиться!»

– И? – спросила я.

– Что «и»? – не понял папа.

– Ты дал ему повод для гордости?

Отец вздохнул.

– По большей части да, дорогая.

– Как же тогда получается, что теперь он почти к нам не приезжает?

Этот вопрос мы с Таем, а иногда и мама задавали не первый год.

– У вашего дедушки очень много дел.

– Ты всегда так говоришь!

– Потому что это правда. Пастор – сложная профессия, требующая много времени. А теперь тебе пора в школу. Хорошего дня, Тыковка, – вздохнул папа, взглянув на часы. И широко улыбнулся.

– И?.. – вкрадчиво начала я.

Он снова улыбнулся и потрепал меня по волосам.

– И помни, кто ты!

– Хорошо, пап. Люблю тебя, – ответила я и выпрыгнула из машины.

– Все хорошо? – спрашивает отец, останавливая автомобиль перед зданием школы. Я выбрасываю из головы воспоминания тех давних времен, когда была еще в третьем классе, и отвечаю, глядя ему прямо в глаза:

– Да. Просто с нетерпением жду начала еще одного дня в моей полной шика и гламура жизни семиклассницы.

– Я могу тебе чем-то помочь? – интересуется папа.

– Если ты переведешь меня на домашнее обучение, это будет как нельзя кстати! – Я расплываюсь в улыбке.

– Другие предложения есть? – смеется папа.

– Не-а. Переживу. Обычно же как-то я с этим справляюсь, – отмахиваюсь я.

Отец хмурит брови.

– Может, мне снова поговорить с директором? Наверняка он как-то сможет помочь.

– Ни в коем случае! – взвиваюсь я. – Когда ты с ним в последний раз поговорил, ребята, которых он наказал, обо всем узнали, и стало только хуже. Я должна справиться с этим сама.

Пару мгновений папа молча глядит на меня – и расцветает:

– Ты ведь знаешь, как сильно я тобой горжусь?

Я возвожу глаза к небу, но, надо сказать, почти незаметно.

– Мне пора – а то опоздаю...

– Ладно-ладно. Увидимся вечером. Помнишь, у Тая сегодня игра? Я люблю тебя, Эл, – с нежностью говорит мне отец.

– Я тоже тебя люблю, папочка! – Я выбираюсь из машины и почти уже ухожу. Но что-то не так, и, сделав пару шагов, я останавливаюсь и оборачиваюсь. Папа опускает стекло:

– Элис...

– Я знаю, пап!

Но он все равно выкрикивает свое коронное:

– И помни, кто ты!

Вот же ж старый дурак. И хотя всю эту трогательную сцену видит компания ребят, стоящих неподалеку, и я уверена, что уже красная как рак, я не могу не улыбаться.

– Хорошо, пап!

Как только его машина скрывается вдаль, моя улыбка исчезает. Я уже, наверное, и не вспомню, когда в последний раз за все время моей учебы в школе я хотела улыбаться. Ладно, вспомню. Чуть больше года тому назад, но такое впечатление, что с того момента прошла целая вечность. Это было в прошлом году, когда я только-только пошла в шестой класс. Тогда Эшли Симмонс, моя закадычная подруга – она жила в соседнем доме, – девушка, которую мечтал поцеловать каждый из парней в нашем классе, решила, что я пагубно влияю на ее репутацию. Знаете, как это обычно бывает: я небольшого роста и не блещу красотой, а высокая и красивая Эшли явно не обременена интеллектом, и, соответственно, она решила, что в школьной тусовке я, словно якорь, утяну ее на социальное дно. То есть, конечно, она не говорила мне ничего подобного, это лишь мои домыслы. Но вместо того чтобы прямо сказать: «Элис, ты мне больше не нравишься» или «Я не хочу с тобой больше тусить», Эшли просто начала меня

игнорировать, что, на мой взгляд, много хуже. И ладно бы только это. Но как-то раз во время урока физкультуры, когда мы переодевались в форму, Эшли перешла в наступление.

– О! Мой! Бог! – заорала она. – Элис, ты что, носишь еще прошлогодний лифчик?!

Мое сердце остановилось.

– Что?.. О... нет. То есть... Вряд ли, – проямлила я.

– Конечно! Ты что, не помнишь? Я же с тобой была, когда твоя мать помогала тебе его выбирать! – напомнила Эшли мне со смешком, похожим на тот злобный смех, которым смеются колдуньи в ужастиках. – Вот же, на нем божьи коровки, на них ты и запала тогда!

Мне не нужно было смотреть на свой лифчик – я и так знала, что на нем божьи коровки. Поэтому я сделала вид, что ничего не слышала, и как ни в чем не бывало принялась натягивать на себя футболку с логотипом школы. Вот только Эшли еще со мной не закончила.

– Какой у тебя размер, минус один? – язвительно поинтересовалась она.

– Да ей вообще в началке самое место, – подключилась одна из новых подружек Эшли. Подпевала липучая.

– Угу, пусть подрастет сначала, – поддакнула ей другая.

– Может, ей нужно волшебное печенье, чтобы чуток подрасти? – хихикнула Эшли. – Как Алисе в Стране чудес.

Оценив свою «остроумную» фразу, Эшли зашлась хохотом как ненормальная:

– Алиса в Стране чудес! У нас теперь своя собственная Алиса в Стране чудес!

И все принялись повторять за ней, в промежутках подхохатывая мне вслед.

Сомневаюсь, что это было смешно. И вряд ли остроумно. Но кто меня спрашивал? Мое мнение не брали в расчет. Крутые девчонки ржали как лошади, а значит, теперь надо мной начнет издеваться вся школа. Естественно, уже к перерыву на ланч новое прозвище прилипло ко мне намертво. Теперь в коридорах меня останавливали те, с кем я даже никогда не разговаривала, чтобы отпустить остроуту из серии: «Ты, должно быть, Алиса в Стране чудес – по тебе же видно, что ты потерялась». Или что-то в таком духе: «Привет, девчонка, а где твой Чеширский Кот?» А один парень попросил показать ему моих божьих коровок.

На следующий день Эшли совсем обнаглела. Я стояла у своего шкафчика и ждала, когда прозвенит звонок. И вдруг увидела ее в

окружении свиты новых подружек.

– Привет, Элис! – пропела Эшли приторно-сладким голосом. – Гляди, что я для тебя испекла.

В руках у нее была бумажная тарелочка, накрытая фольгой. Я сорвала фольгу и увидела пустую тарелку с единственной печениной посередке. Буквы, написанные на нем глазурью, складывались в предложение: «Съешь меня!»

С тех пор я навечно стала объектом для издевательства. Удивительно, какие жуткие вещи подростки могут говорить, когда учителя не слышат. И конечно же, с тех пор каждый месяц я получала печенье с надписью «Съешь меня!», присланное очередным идиотом, который не хотел, чтобы надо мной перестали смеяться.

Но ходить в школу мне тем не менее нужно. Так что я делаю глубокий вдох, расправляю плечи, прохожу через школьные стеклянные двери и иду навстречу новому дню. Слава богу, сегодня пятница. Если я смогу пережить следующие восемь часов, в моем распоряжении будут все выходные, чтобы зализать раны, поплакаться в жилетку родителям и морально подготовиться к следующей неделе.

– Эй, ты! Что, ищешь Белого Кролика? – кричит мне вслед кто-то.

Или:

– Ты не ошиблась адресом, девочка? Начальная школа дальше по улице.

«Помни, кто ты такая, – говорю я сама себе и продолжаю идти. – Все будет хорошо».

У меня есть редкий дар обычно оказываться правой. Вот такая вот я умная. Но на этот раз я ошибаюсь. Все *не* будет хорошо. К концу дня все эти блески социального унижения станут лишь крошечной точкой на радаре моих проблем.

Папа прав: не стоит переживать по пустякам. Да и по-крупному переживать не стоит. Сохраню-ка я свои нервы до того момента, пока гигантский снежный ком жизненных трудностей не снесет мой маленький мир к чертям собачьим.

Глава 2

Тай

По сравнению со всеми остальными столами в школьном кафетерии стол старшаков, как его называют между собой школьники, стоит на возвышении. Небольшом – но достаточном для того, чтобы мы, те, кто заслужил право за ним сидеть, имели полный обзор всего происходящего рядом.

– Чувак, по-моему, те новенькие девчонки на нас пялятся! – говорит Диллон.

Диллон всегда думает, что девчонки на него пялятся, хотя это редко соответствует действительности. Я даже не понимаю, про каких конкретно девчонок он говорит, но и неважно.

– Ну так чего бы тебе не стрелкнуть номерок? – говорю я с каменным лицом.

– Ты что, серьезно? – таращит Дилл глаза.

– Да брось ты, Дилл, они же новенькие, – отвечаю я.

Диллон немногим позволяет себя называть сокращенным именем. Видимо, потому, что воспоминание о жуткой кличке Дилл-дебил, прилепившейся к нему в младших классах, все еще его травмирует. Но мне он разрешает, потому что мы близкие друзья. Сколько себя помню, всегда с ним дружил.

– Да, но они же такие классные! – не унимается мой друг.

Я наконец перевожу взгляд в ту сторону, куда уставился Диллон. Ну да, он прав: среди них есть парочка симпатичных. И они правда на нас смотрят. Как только девушки замечают, что и я смотрю на них, то начинают кокетливо похохатывать. А потом одна из них машет рукой.

– Чувак, она мне махнула, – истекает слюной Дилл.

Я не хочу его разочаровывать и говорить, что махали не ему. Не помню, как зовут эту девушку – Энджи, Анжела, Агнес? – но я ее сразу узнал и могу с уверенностью сказать, что она меня тоже.

Мы столкнулись на перемене. Она спускалась по лестнице, споткнулась, и все ее вещи рассыпались по ступенькам. Я подошел и помог их собрать.

Переборков смущение (еще бы, перед всей школой грохнуться на лестнице – не самое приятное), девушка подала голос:

– Ты ведь нападающий, да? Тай Стин?

– Да, это я.

Да, это я. Люди знают обо мне только то, что я нападающий. Меня знают не за хорошие оценки и даже не за мои человеческие качества. А за то, что я неплохой нападающий. К тому же мне все равно приходится лупить и лупить голы, чтобы не упасть в глазах окружающих.

Как только девушка поняла, с кем разговаривает, тут же смутилась еще сильнее, чем от мысли, что только что грохнулась на лестнице у всех на глазах.

– Спасибо за помощь, – промямлила она. И после паузы: – Почему ты мне помогаешь?

Вспомнил – *Анжелика!* Точно, так ее зовут. Вопрос Анжелики показался мне любопытным, но воспринял я его без энтузиазма. Единственным вариантом ответа, пришедшим мне в голову сразу же, был «Так бы поступил мой отец», но это звучало бы совсем по-идиотски, поэтому я ограничился лишь: «А почему нет?» – отдал девчонке ее вещи и отвалил.

Но с того момента этот ее вопрос прочно засел в моей голове. *Зачем я ей помог?*

– Почему бы тебе не махнуть в ответ? – говорю я Диллону.

– Ты что, серьезно? – загораются у того глаза.

– Брось, Дилл. Они же новенькие, – вздыхаю я.

И делаю паузу, скользя взглядом по группам школьников в кафетерии. Столовая похожа на сад во дворе нашего дома: на первый взгляд не подкопаться. Но если присмотреться, замечаешь то сорванные цветы, то сорняки, вылезшие тут и там.

Я присматриваюсь повнимательнее.

За столом по правую руку от моего сидит мальчишка. Судя по всему, его цель – стать частью этого стола, чтобы никто его не заметил. За соседним столом – Маршал. Этого парня я знаю потому, что он один из двух старшеклассников, которые помимо меня входят в школьную футбольную команду. Сейчас Маршал издевается над кем-то из младших. На пареньке – его жертве – ковбойская шляпа, и Маршал срывает ее с его головы, пасуя одной из девушек за соседним столом. Та, в свою очередь, перекидывает шляпу другому младшему, который натягивает ее на себя, подбегает к ближайшей урне и запикивает туда шляпу. Парень, у которого отобрали ее, кажется, готов расплакаться. На другом конце столовой я вижу девушку с выкрашенными в розовый цвет волосами. Она показывает средний палец группе чирлидерш, которые, судя по всему, только что сказали ей какую-то гадость. Посреди всей этой суматохи я замечаю парня,

с которым мы вместе ходим на физику, – по-моему, его зовут Марк или как-то похоже. Он что-то высчитывает на калькуляторе. Вдруг какой-то верзила-старшеклассник в футболке с изображением Че Гевары ни с того ни с сего пронесется мимо и что есть силы бьет его по затылку. Марк делает вид, что ничего не произошло, но, как только обидчик скрывается из виду, кривится от боли.

Сорняки и сорванные цветы. В школьной столовой их куда больше, чем хотелось бы.

– Ну и что ты затих? – осведомляется Диллон.

– Да просто задумался, – отмахиваюсь я от него.

– О чем это?

Хороший вопрос. Я даже не знаю, о чем задумался. А если и знаю, то Диллу это никак не получится объяснить – он понятия не имеет, что такое быть сыном Нэйтана Стина. И я отвечаю вопросом на вопрос:

– Как думаешь, если бы я сейчас запустил в кого-нибудь картошкой с кетчупом, хорошая бы получилась драчка?

– Чувак, не смей даже думать об этом!

– Что это вдруг?

– Тебя же могут временно исключить! А без тебя сегодняшняя игра коту под хвост.

– И что? Есть же Джим, он клево играет.

– Но он тебя не заменит, Тай.

– А может, он... Хотя нет, проехали.

– Нет, не проехали. Что – он?

Ну вот, лучше бы я прикусил свой длинный язык!

– Ну же, Тай, – подзадоривает меня Дилл. – Давай, колись.

Я знаю, Диллон не успокоится, пока я не отвечу, поэтому для затравки кидаю фразу, которая почти ничего не объясняет:

– Ну... я тут думал, а что, если Джим хочет быть нападающим в стартовом составе больше меня? Может, мне вообще это все надоело?

– Заткнись, чувак. Ты меня пугаешь.

– Я серьезно, Дилл. Может, без меня будет лучше.

– Совсем сбрендил. Что бы там кто ни сказал, а только с тобой нам светит чемпионский титул в лиге. Не то чтобы все остальные совсем уж мусор, но без тебя игра не игра.

Диллон даже не догадывается, насколько он прав. Каким-то образом у него получилось выразить словами все то, что крутилось у меня в голове с момента этого идиотского диалога с – как ее там звали? – ах да, Анжеликой. Я знаю, что футбол и помощь девчонке, споткнувшейся на

лестнице, – совершенно разные вещи, но в каком-то странном смысле они очень похожи. Если на поле я налажаю, команда проигрывает, и я буду знать, что всех подставил. Во втором случае все куда сложнее, но не менее драматично – а все из-за папочки моего, джентльмена чертова. Нет, правда, он как мать Тереза местного разлива. Точнее, отец Тереза. Словно помочь всем в том нуждающимся: друзьям, соседям, знакомым, прохожим на улице, даже тем, кто его терпеть не может, – является целью его жизни. Мой отец выручает всех и вся каждый раз, когда ему представляется такая возможность. И чем старше я становлюсь, тем больше понимаю, что он ждет подобного отношения к людям и от меня.

Вот только я не уверен, что смогу быть как он.

Я не могу быть таким, как мой папаша, поскольку знаю: если у меня не получится – а у меня точно не получится, – я его подведу. Да, я помог растяпе-новенькой подобрать учебники на лестнице, но по доброй воле или потому, что испугался, что скажет папа, если я поступлю иначе?

Что за бред я несу?

Ну и что, что я помог ей? Это что, имеет какое-то значение? Нет, конечно. От этого ничего не изменилось: везде по-прежнему есть кто-то, кому нужна моя помощь, – к примеру, тот мальчишка, чью шляпу выбросили в мусорную корзину, или Марк, который до сих пор трет место затрецины. Если я не могу помочь им всем, зачем вообще утруждаться?

– А может, – бормочу я себе под нос, – вместо того чтобы переживать о сорванных цветах, легче быть сорной травкой?

Диллон слышит только конец предложения.

– Травкой? – уточняет он резким голосом. – Тай... Чувак... И думать забудь! Так ты точно вылетишь из команды!

Мне становится так смешно, что смех на минуту спасает меня от размышлений

– Да я не про ту травку!

И вдруг мой телефон вибрирует. Ну конечно, очередное длинное сообщение – от кого бы вы думали? – от «отца Терезы».

«Привет, Тай. Мы, скорее всего, не увидимся до начала матча, поэтому я просто хотел пожелать тебе удачи. Я знаю, как сегодняшняя игра для тебя важна. И ты покажешь всем настоящий класс! Порадуй своего папу и забей гол, ладно? В любом случае я тобой горжусь. Отец».

– Это от девушки? – очень хочет знать Диллон.

– Ага, – встаю я с места, схватив поднос с остатками ланча. – И

хорошенькой. Кстати, она спрашивает про тебя.

Дилл быстро подхватывает свой рюкзак и догоняет меня.

– Врешь или правда? – спрашивает он с надеждой.

– Нет, Дилл.

– Тогда от кого?

– Всего лишь от папы.

Да. Всего лишь от моего папы. От моего такого внимательного, заботливого, всегда готового прийти на помощь папы, который всего лишь продолжает быть идеальным самим собой.

Уточняю – я не хочу показаться неблагодарным. Да, такого отца хотел бы иметь каждый. Диллон, например, своего отца вообще не знает.

Но в то же время Диллону повезло: его ни с кем не сравнивают. От него ничего не ждут. И никто не требует, чтобы он оправдал ожидания. Никто не оценивает все его поступки по «шкале идеальности».

Глава 3

Хэлли

Говорят, нужно уметь отвлекаться от суеты и любоваться красотой окружающего мира – допустим, цветами. Для меня это проще некуда: вся моя жизнь состоит из этих самых цветов. Каждый день я только и занимаюсь, что покупаю, обрезаю их, составляю из них букеты и продаю. Спросите себя: разве есть в мире место, которое пахнет лучше? Думаю, вряд ли. Разве что, наверное, прачечная. Вот только прачечную нельзя открыть просто так, в отличие от магазина цветов.

Я делаю глубокий вдох и вбираю в себя аромат. И вдруг соображаю, что мне надо спешить. Сегодня пятница, а значит, пора прикрывать лавочку – мой цветочный салон «Бархатные лепестки» должен закрыться к половине шестого, чтобы я успела доставить букеты по адресам и не опоздать на матч: Тай сегодня играет со своей школьной футбольной командой.

Я мысленно пробегаюсь по списку неотложных дел, составляемому на каждую пятницу.

Выключить неоновую вывеску – галочка.

Выбросить отрезанные стебли в мусорный бак на улице – галочка.

Отправить факс поставщику по поводу следующей недели – галочка.

Закреть кассовый аппарат – галочка.

Поблагодарить Господа за моего прекрасного мужа, который взял на себя очередной взнос по кредиту на развитие малого бизнеса, вместо того чтобы купить себе новую машину, – галочка, галочка и галочка. *Как же я его люблю!*

Впрочем, неоновую вывеску я выключила уже четверть часа назад. Чтобы никакие «потенциальные» покупатели меня не сбивали с программы. Если бы не одна из моих постоянных клиенток, пожилая женщина по имени Мэри Лу, которая каждую неделю покупает одну гвоздику, я бы сделала это еще раньше. К сожалению, клиенты, заказывающие цветы по телефону, вывеску все равно не видят. Так что естественно, что без двух минут в половине шестого я собралась уходить. И тут звонит телефон.

И еще раз звонит.

И еще.

А через минуту я совершаю чудовищную ошибку – снимаю трубку.

– Салон «Бархатные лепестки», – радушно представляюсь я. – Меня зовут Хэлли. Чем могу вам помочь?

– Вы еще работаете? – уныло спрашивает кто-то на другом конце провода.

– Теоретически да, но закрываемся через минуту.

Повисает пауза – и собеседник отвечает потерянным голосом:

– Ясно.

Я в нетерпении поглядываю на часы. В такое время мне бы не следовало совать нос в чужие дела, но я ничего не могу поделать с собой.

– Вы чем-то расстроены...

Не буду скрывать, люблю, когда клиенты рассказывают мне о своей жизни. Иногда я в ответ хохочу, иногда это трогательные истории, но беседы всегда напоминают мне о важности моей работы для человечества. За три года, что открыт мой цветочный салон, я успела понаслушаться всякого – от «Мне нужно семьдесят роз, таких же прекрасных, как моя женушка, ей сегодня исполняется семьдесят» до «Если в ближайшие полчаса вы не доставите мне хотя бы какой-то букет, боюсь, мне придется самому подать на развод». Каждый день я прихожу на работу лишь потому, что мои цветы могут кому-то сказать, как его любят и ценят.

– Да нет... Ничего... Если уж вы закрылись, то и закрылись, – слышу я в трубке.

Я бы с радостью позволила этому человеку на том и завершить разговор, но что-то в его голосе говорит мне, что ему действительно нужна моя скорая цветочная помощь.

– Так... погодите секундочку, – тяну я. – Да, мы практически закрылись, но рабочий день – что лосины: при желании его можно чуть-чуть удлинить.

Невидимый мужчина оживает:

– Ах так... Спасибо, мэм. Тогда скажите, есть у вас белые каллы? Во всех других магазинах кончились. А моя дочь Лилли их очень любит. Она... в общем, последние несколько недель она пролежала в больнице, а теперь доктор сказал, что больше ничего сделать не может.

Долгая пауза. Слишком хорошо мне знакомая: жуткая пауза-крик, когда человек пытается взять себя в руки.

Мужчина продолжил:

– Они посоветовали ей вернуться домой... К близким... Чтобы они были рядом, когда Лилли...

Бывают моменты, когда мне хочется врезать самой себе по своему любопытному носу. И сейчас как раз этот момент.

Но... Знаете, иногда людям просто необходимо выговориться. Так что, может быть, мое любопытство им как раз на руку. Бывает, что в одиночку не справиться... Но ведь в жизни каждого случается и хорошее, и плохое. Закон жизни. И каждый раз, снимая трубку, я знаю, что сейчас мне могут рассказать не о страстной и вечной любви, а о болезни или даже о смерти. Слушать об этом не так приятно, но никуда не денешься.

– Сколько ей лет? – спрашиваю я деликатным тоном.

– Десять, – отвечает мужчина в трубке.

Мне хочется разрыдаться. Нэйтан прав, я слишком чувствительна.

– Сколько вам нужно цветов? У меня еще несколько заказов, так что через полчаса я буду у вас. Разве что попаду в пробку, тогда задержусь.

Подумав мгновение, мужчина решает – одиннадцать! Я его понимаю: вдруг сработает магия чисел и дочь проживет еще год...

Я запираю дверь магазина и начинаю колдовать над букетом: свежие белые каллы с мазками лиловой лаванды... Конечно, за лаванду он не заплатит, но и плевать... букет вышел что надо, девочке должен понравиться. Я отвожу руку с букетом в сторону и люблюсь. Здорово! Подношу к лицу цветочное облако и вдыхаю его аромат.

Снова звонит телефон.

Уверенная, что это отец Лилли, я поднимаю трубку.

И понимаю, что голос в ней мне не знаком. Помедлив секунду, спрашиваю: «Кто это?», чтобы убедиться, не ошиблась ли я.

– Мэм, это Рэй Линн Харпер из полиции. Я говорю с Холли Стин?

– Хэлли, – не понимая, о чем, собственно, речь, автоматически поправляю я.

– Ой, прошу прощения, мисс Хэлли.

– Вы не могли бы позвонить в другой раз? Вы ведь по поводу пожертвований? Мой муж уже внес взнос за этот год. А я сейчас тороплюсь...

– Нет, мэм, я... не по поводу пожертвований, – мягко говорит незнакомка, и что-то в ее голосе включает во мне чувство тревоги. Пауза затягивается. Тревога во мне стремительно нарастает и почти достигает пика:

– Я звоню по поводу вашего мужа, мэм. – Снова пауза. А я почти теряю сознание. – Дело в том, что сегодня на шоссе произошла авария.

У вас когда-нибудь было ощущение, что ваше сердце остановилось?

– И? – сиплю я.

– И... ну, я еще не знаю деталей... Однако боюсь... ваш супруг пострадал. Вы должны приехать в больницу, как только освободитесь.

Я не слышала ни звука бьющегося стекла, ни плеска воды. Но, взглянув себе под ноги, я увидела лужу белых калл с мазками лаванды.

– С ним... все в порядке? – Голос у меня становится деревянный.

Она не отвечает. Ну что же она не отвечает?!!

Наконец женщина медленно цедит слова:

– Мэм, мне действительно жаль, но... Боюсь, что ваш муж погиб. Мне нелегко это вам сообщать, простите... В больнице вас будет ждать наш офицер. Нам нужно обсудить с вами некоторые детали...

Рэй Линн Харпер продолжает что-то мне говорить, но слова сливаются в сплошной поток звуков, смысла которых я не понимаю. У меня все плывет перед глазами, мысли путаются.

Нэйтана больше нет? Он погиб?

Я падаю на пол.

Не могу вспомнить, как я добралась до машины или как ехала. Почему я еду в больницу? Я должна сейчас везти букет белых калл одной девочке. Кто-то что-то напутал?..

– Вы можете подтвердить, что этот мужчина – Нэйтан Стин? – спрашивает меня судебно-медицинский эксперт в больнице.

Я не могу отвести взгляда от лица своего мужа. Его руки, ноги и тело все искалечены, но лицо выглядит так, словно он спит. Конечно, это мой муж. А кто же еще? Но зачем они меня сюда притащили? Это же его машина попала в аварию? Разве нельзя было пробить номера по базе или заглянуть в водительские права?

Я еле заметно киваю.

– Да, – через секунду говорю я, и слезы сдавливают мне горло. – Это он.

Они увозят Нэйтана, а миловидная женщина – социальный работник – протягивает мне какие-то бумаги. И объясняет, что подтвердить личность погибшего нужно еще и для того, чтобы можно было закрыть дело.

Закрыть дело?

Как так – закрыть дело? Что они такое говорят? Они только что увезли на каталке в морг Нэйтана Стина! Моего мужа и моего лучшего друга! Замечательного человека. И остается теперь всего ничего – вот так просто: закрыть дело?

– Миссис Стин, – говорит социальный работник, когда я подписываю последний документ, – я знаю, сегодняшней день был для вас слишком трудным. Вы уверены, что сможете добраться домой самостоятельно? Или, может быть, мне вызвать машину?

– Спасибо, – мертвыми губами говорю я. – Думаю, справлюсь сама.

Глава 4

Элис

Одно время я притворялась, что тащусь от футбола. Нет, может, конечно, мне и приятно было смотреть, как Тай забивает свои замысловатые голы, а все неистово ему аплодируют, а уж мама с папой вообще приходят в немой восторг, созерцая удачный тачдаун, или еще какой-нибудь финт в исполнении сына, или то, как он лихо перехватывает мяч у противника, но в целом матч утомлял меня. Думаю, это касается спорта в целом – он не стимулирует мое серое вещество. И ходят смотреть игру люди совсем другие, чем мне бы нравились: мне с ними неинтересно, они каждый раз вдохновенно орут на трибунах.

Раньше я не пропускала ни одного матча. Но с недавних пор вечер пятницы – время для моего «я». Я. Одна. Наедине с собой. Дома. Можно читать, смотреть телевизор и заниматься тем, что взбредет в голову. В прошлую пятницу я в четвертый раз перечитывала «Энн из Зелёных Мезонинов»^[2]. А в позапрошлую – выучила первые восемьдесят два элемента периодической таблицы, в том числе и лантаноиды. А в позапозапрошлую – стащила мамин лифчик и долго прикидывала, через сколько лет смогу носить вещь такого размера.

Хотя если бы не все эти отпетые пакостники, я так и ходила бы с родителями каждую неделю на матч. Последняя игра, на которой я побывала, состоялась в конце августа – с нее начинался новый сезон. Когда команда нашей школы разгромила противника, я не уехала с родителями, а какое-то время ждала Тая на стадионе: хотела, чтобы меня кто-нибудь засек со звездой команды, – может быть, хоть это изменило бы их ко мне отношение?

Только я жестоко ошибалась.

Пока я ждала, когда Тай переоденется, меня заметила Эшли и подослала свою подружку Бриджит, одну из тех тупоумных блондинок, с копной волос на башке. Та незаметно подкралась и сунула мне в капюшон гадкую склизкую мерзость – хот-дог с горчицей, кетчупом и острой приправой. Но куда более мерзким было другое. Я обернулась, поняв, что что-то не так, а Тай – совсем недалеко от меня! Он все прекрасно заметил и не реагировал! Прошел мимо, не сбавляя темпа, и, поравнявшись со мной, пробормотал: «Не хотел бы я быть на твоём месте».

«Не хотел бы я быть на твоём месте»? Да я и сама не больно хотела!

Пятна кетчупа и горчицы отстирались, конечно. А мое чувство собственного достоинства так и осталось запятнанным. Как и мнение о братце Тае. Причем упал он в моих глазах ниже плитуса.

Так что я уж лучше посмотрю какую-нибудь познавательную передачу про древних майя на историческом канале, чем буду любоваться, как мой придурок братец принимает поздравления от толпы озверевших фанатов. Голос за кадром как раз объяснял, почему племена, населявшие южную часть Мексики и всю Центральную Америку, приносили человеческие жертвы, когда я услышала, что к дому подкатила машина. И когда мама вошла ко мне, я продолжала смотреть на экран. Но вернулась она домой намного раньше обычного – не настолько уж я увлечена разглядыванием жутковатого вида алтаря для жертвоприношений, показанного крупным планом на телеэкране, чтобы этого не заметить. Не смотря в ее сторону, я спрашиваю, почему она не на матче.

– Элис, – как-то глухо говорит мама, – нам нужно поговорить.

– Можно попозже? Они как раз сейчас будут показывать, как у женщин вырезали сердце! – с неохотой отвечаю я.

– Рассказать тебе, что они при этом испытывали? – совершенно загробным голосом бормочет она.

Звучит очень странно. Я поднимаю глаза. Мамино лицо все перекошено, и ее душат слезы.

– Мамуля? Что с тобой? – дрогнувшим голосом спрашиваю я.

Та молча падает на подушки рядом со мной и обнимает меня.

Меня начинает трясти. Я не понимаю, дрожу ли сама или это потому, что дрожит мама, но меня всю трясет. Я вдруг чувствую жуткое беспокойство. Вечер пятницы не должен заканчиваться *вот так*.

Что происходит? Мама никогда не пропускает матчи, когда Тай играет. И я никогда не видела, чтобы она плакала по пустякам. И уж если она падает на диван и цепляется за меня, как за спасательный круг, то что-то точно случилось.

– Элис, милая... У нас все очень плохо, – всхлипывает мама.

Я делаю глубокий вдох. Наверное, речь идет о ее отце, моем дедушке, который живет в Огайо. В последние пару лет его здоровье ухудшилось. Я готовлюсь услышать, что он скончался. Вот только начинает мама предложение почему-то со слов «Твой папа...».

Меня тут же перестает трясти – тело вытягивается и становится твердым, как струнка. Так речь не о дедушке Джайлсе?

– Папа? – формулирую я по буквам. – Что с папой?

– Эл, – продолжает мама, руками размазывая ручьи слез, стекающих

по щекам. – Сегодня он попал в аварию на машине. И погиб. Я не буду врать или смягчать факты. Твой отец умер.

Мне хочется закричать, ударить кого-нибудь со всего маху, но мама так крепко держит меня, что я не могу шевельнуться. Я просто реву вместе с ней, пока не понимаю: плакать больше нечем, слезы кончились...

Глава 5

Тай

Интересно, можно ли ослепнуть, если пару раз посмотреть на стадионные прожектора? Я сейчас иду по самому гигантскому школьному стадиону в Техасе... Наверное, здешние прожектора запросто могут ослепить? Даже если на пару минут потеряю зрение, этого хватит, чтобы мы проиграли...

Таковы мои мысли. Я иду по полю и изучаю варианты, как можно спасти наше положение. Как бы мне хотелось, чтобы яркий луч прожекторов хоть на несколько мгновений ослепил полузащитника команды противника. Он ведь достаточно тупой, чтобы на него посмотреть?

В газетах пишут, что главный козырь футбольной команды школы Мескита – это я, но сам я совсем не уверен в этом. В каждой игре очень достойно выглядит вся команда. А я всего лишь капитан и главный нападающий, что делает меня легкой мишенью для журналистов: когда мы выигрываем, они превозносят меня до небес, а когда проигрываем – смешивают с грязью.

Сегодня явно предстоит последнее. Грязевые ванны от местной прессы. Мы играем на своем поле против «Норс Мескит», нашего главного соперника. И бессовестно проигрываем. Поэтому сейчас я бы использовал любое, даже не самое честное, средство, чтобы изменить ситуацию. Не ради себя, скорее, ради команды. И фанатов, которые сегодня пришли на матч, надеясь увидеть, как я буду блистать. И ради папы. Конечно, он написал в эсэмэс, что в любом случае мной гордится, но я знаю, как его глаза загораются каждый раз, когда я забиваю гол.

Я бросаю быстрый взгляд на места, где чаще всего сидят папа с мамой. Обычно я сразу различаю отца в толпе, но сегодня никак не могу разглядеть его лицо среди десятков других.

Через минуту начнется четвертая четверть матча. Только что мы отставали на три очка, но благодаря слаженным действиям зарабатываем еще четырнадцать, мяч оказывается в штрафной зоне, и мы переходим к финальному тачдауну.

– Победа наша! – кричу я своим, когда мы устраиваем совещание на поле. – Мы их сделали! Сейчас запутаем их маневрами! Их защитники в основном на центральном фланге, так что, ресиверы, двиньте прямо на них

– как будто пытаетесь прорваться к воротам, а потом рассредоточьтесь по углам. И тут я! Остальные действуют по обычной схеме, в третьей четверти можете взять налево.

Я останавливаюсь и внимательно смотрю на линейных игроков, надеясь, что они осознают, насколько сильно от них зависит успех нашего плана.

– Держите защиту ровно столько, чтобы я успел перехватить пас – тогда мы заработаем шесть очков. Просекли?

Диллон – третий крайний от центра в линии нападения – явно собирается что-то сказать. Обычно я не в восторге от болтовни, когда мы обсуждаем тактику, но Дилл – помощник капитана, и ему можно. И все-таки я в глубине души жду, что он скажет что-нибудь более вдохновляющее, чем в прошлый раз – тогда его хватило только на «Будьте мужиками – на нас же девчонки смотрят!».

– Ммм... чувак, – цедит он, – а чего это твоя мать разговаривает с Роулинзом?

Я вместе с ним задираю голову и умоляю Господа, чтобы Диллону показалось. Но мама и правда на трибуне, и без плаща, а сыпет мелкий противный дождь, и она правда разговаривает с главным тренером. И это в такой важный момент моей футбольной карьеры! Почему нельзя было выяснить с ним отношения на прошлой игре?

Присутствие матери явно выбивает меня из колеи, и я набрасываюсь на Диллона, хотя он-то здесь ни при чем...

– Да кто ж ее знает? – говорю я вслух. – Может, жалуется на жестокое обращение команды противника.

И прежде чем кто-то из линейных игроков успеваает открыть рот, я снова поворачиваюсь к ним и что есть силы ору:

– Держите оборону, мать вашу! Давайте надерем им задницу, а?!

Наше сборище дружно улюлюкает и рассасывается, все занимают свои позиции, обозначив место в борьбе за мяч. Меня не оставляют мысли о маме и тренере, но я помню, какие наставления давал мне отец, когда я подавал заявление в лигу: «Твоя сила – не в руках, а в голове. Внимательно следи за происходящим на поле, и ты победишь. А вот если не будешь сосредоточен, пиши пропало!»

Я делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться, и даю команде сигнал к началу действий.

Мяч в моих руках возвращает меня к действительности и усиливает внимание. Я поворачиваюсь и в тысячный раз делаю вид, будто собираюсь дать пас левому полузащитнику, а потом внезапно отступаю на три шага

назад и ищу глазами принимающего, которому мог бы передать мяч. Но вижу лишь, как полузащитник команды противника, словно огромный бронетранспортер, несется в мою сторону.

Что за?..

Я инстинктивно сворачиваю вправо, приближаясь к открытому участку возле трибун, откуда смогу дать нормальный пас или хотя бы определить правильное расстояние.

И тут опять вижу маму.

Только вот она уже не просто разговаривает с тренером, она его обнимает. Прямо на глазах у всего стадиона.

Ну и дела!

Ошарашенный этим зрелищем, я на какое-то неуловимое мгновение замедляю бег, и этого оказывается достаточно, чтобы произошла катастрофа.

Я чувствую невероятной силы удар, сбивающий меня с ног. Оказывается, я не заметил опекавшего меня крайнего правого защитника, хотя и уверен, что увернулся бы, не отвлекись я на маму. Грохаясь со всеми этими защитными накладками на газон, я все еще не могу отвязаться от мысли, что такое происходит с моими родителями. Почему, вместо того чтобы смотреть матч, мама обнимается с тренером? И где, черт побери, отец? Чушь какая-то!

И как раз перед тем, как я впахиваюсь в лужайку, мяч выскальзывает у меня из рук – теперь исход матча решен. В следующую секунду защитник команды противника, к тому моменту уже оказавшийся на моей линии нападения, перехватывает мяч и отбегает на восемьдесят два ярда в противоположном направлении. Тачдаун – и вот мы окончательно продули.

Защитники понуро бредут к трибунам. Я не шевелюсь. Не то чтобы я не мог, да только не хочется. Я просто лежу на спине и не в силах подняться с газона. Не хочу видеть горькие физиономии товарищей по команде – они-то рассчитывали, что я обеспечу победу. И уж тем более не хочу видеть толпу. Ее бодрящее улюлюканье сменилось мрачной тишиной. Но больше всего я не хочу видеть, как мама обнимает тренера Роулинза.

Наконец ко мне подгребает Диллон. Я получаю такой силы затрещину, что вскакиваю как ошпаренный. И так он делает на каждой игре.

– Соберись. Ну, такой был удар. Тут любой сплеховал бы. Они тебя обхитрили, – говорит Диллон.

– Знаешь, что-то мне подсказывает, что пятнадцать тысяч зрителей на трибунах с тобой не согласятся. Хотя... Погоди, четырнадцать тысяч девятьсот девяносто восемь. Не думаю, что мама с Роулинзом видели эту

жуть, – отвечаю я.

Диллон глупо лыбится:

– Не знаю. Тренеру как будто под дых со всей дури вкатили. Кстати, поторопись – он хочет с тобой поговорить.

Глава 6

Хэлли

На улице моросит дождь, и я продрогла. Надо было надеть плащ... и взять зонт... Или вообще не приходить.

Боже, о чем я только думала?

Мне всего-то надо было дождаться, пока Тай вернется домой после матча, и тогда сообщить ему... Но, посоветовавшись с Элис, мы решили, что нужно пойти на игру. «Папа хотел бы, чтобы кто-нибудь из нас был с Таем!» – настояла Эл. Я знала, что с ней не поспорить, и мы поехали. Но когда я припарковала машину за несколько домов до школы, Элис отказалась вылезать, сославшись на то, что якобы не хочет, чтобы ее в заплаканном виде заметили эти «уроды-семиклашки».

– Прекрасно, – сказала я. – Тогда обещаю тебе, что останешься в машине, пока я не вернусь. Мы с Таем будем скоро.

Как только я вижу счет на табло, я понимаю, что Элис долго ждать не придется. Осталась всего пара минут до конца четвертой четверти. Если я окажусь на трибуне, когда игра закончится, то смогу сразу забрать Тая.

Я продираюсь сквозь толпу, стараясь быть незаметной, и оказываюсь перед скамьей игроков. В эту зону зрителей не пускают, но я уверена, что никто не будет против.

Разглядеть тренера Роулинза совсем не сложно – выше всех игроков на голову, с бритой головой, он активно раздает указания.

Мой взгляд скользит в сторону поля, туда, где сейчас пробегает Тай. Он принимает мяч, отступает назад и передает пас в сторону. Трибуны режут.

Практически тут же из громкоговорителей слышится голос: «Номер семь, Тай Стин, передает пас номеру пятьдесят шесть, Чаду Хэстингсу. Возможно, это ознаменует первое поражение команды в желтых куртках!»

Когда голос диктора затихает, кто-то рядом произносит:

– Миссис Стин?

Это голос одного из тренеров, вставшего со скамьи позади меня. Мы встречались в прошлом году, на вечеринке, где собрались все члены команды, но имя его я вспомнить не могу.

– Все в порядке? – спрашивает тренер.

Я не хочу лгать, но говорить о случившемся у меня тем более нет никакого желания, поэтому я качаю головой.

– Ну же, идите сюда! – говорит он.

Я решаю подойти к нему. Если откажусь, он станет уговаривать, а это заметят все. Нет уж.

– Простите, – продолжает тренер, когда я подхожу к его скамье, – но выглядите вы... Что случилось?

– Мне просто... нужно поговорить с сыном.

Тренер бросает взгляд на поле и смотрит на табло со счетом.

– Сейчас, мягко говоря, не лучший момент. Но пойдете.

Он проводит меня сквозь толпу игроков. Они все насквозь мокрые – пот и дождь стекают с них градом. Мы подходим к главному тренеру Роулинзу, и второй тренер говорит:

– Оставайтесь тут, мэм. Как только игра закончится, тренер Роулинз к вам подойдет.

Услышав свое имя, исполин Роулинз смотрит на нас. Сначала он меня не узнает, но через несколько секунд понимает, что мое лицо ему знакомо.

– Вы ведь супруга Нэйтана? Тай – ваш сын? – спрашивает Роулинз.

– Меня зовут Хэлли, – отвечаю я, кивая. Не удивительно, что он не помнит мое имя, – мы встречались всего пару раз. Роулинз оглядывает меня:

– Да, точно, Хэлли. А я Рэнди.

Он отвлекается на поле – Тай дает пас замыкающему нападению, а тот продвигается дальше. Затем игроки команды Тая собираются в круг, и тренер снова поворачивается ко мне.

– Хэлли... Не могу не заметить – у вас макияж размазался. Все в порядке?

Я отрицательно кручу головой, так, как только что делала в ответ на такой же вопрос второго тренера.

– Боюсь, что нет, – всхлипываю я.

Изо всех сил стараюсь сдерживать слезы, но, похоже, мой организм сильнее меня. Роулинз хмурится. Видимо, мой ответ его совсем не устроил. Поэтому я спрашиваю:

– Вы, кажется, были знакомы с Нэйтаном?

– Да, еще со школы, – честно отвечает тренер.

– Вы дружили? – задаю я новый вопрос.

Роулинз кивает:

– Что-то вроде того. Не очень долго.

– Если можно, я хотела бы поговорить с сыном, как только игра закончится. Мне нужно... к нему.

Тренер не скрывает своего недовольствия:

– Что происходит, миссис Стин? Конечно, момент не самый подходящий, но если что-нибудь не так, скажите мне, и я постараюсь помочь.

Когда я это слышу, мне приходит в голову мысль, что, когда я сообщу обо всем Таю, присутствие тренера ему не помешает.

– Ну... – я решаю рискнуть, – дело в том, что...

Трибуны ревут, но ни я, ни тренер не обращаем на них внимания.

– В общем... Произошла авария. Я не хочу вас обременять... Но, может быть, вы сможете помочь Таю справиться... Вы ведь для него пример для подражания... – Я шмыгаю носом.

– Нэйтан что... умер? – медленно роняет Роулинз.

– Да... – Слезы снова душат меня. – Сегодня. Совершенно неожиданно...

Я запинаясь. Больше просто не могу говорить.

На мгновение лицо Рэнди принимает такое странное выражение, что я не могу прочесть его мысли. Губы его дрожат. Он расставляет руки, и я внезапно оказываюсь в его объятиях. Не знаю, сколько я там пробыла – полминуты? Минуту? Раздается сообщение об окончании матча. Я поднимаю глаза. Команда Тая проиграла, их соперник ликует – тагдаун в зоне защиты.

Наконец Рэнди меня отпускает и кричит Диллону, чтобы тот привел Тая. А тот лежит на газоне неподалеку от нас.

Даже несмотря на то, что на моем сыне форма, по тому, как он идет, я понимаю: он о чем-то таком догадывается. Как только Тай подходит к нам, Рэнди, приобняв его за плечо, бормочет: «Ты молодец – очень хорошо играл».

– Что происходит? – спрашивает Тай тренера, кивнув в мою сторону.

Роулинз предлагает найти место посуше, чтобы мы могли нормально поговорить. Он ведет нас в небольшое помещение под трибунами, где хранится спортивный инвентарь. Диллон видит, что мы уходим, но сомневается, идти ли ему следом, и тогда я подаю ему знак рукой. Не только ради Тая. Просто Нэйтан почти заменил Диллону отца, и я должна сообщить и ему тоже.

Когда в кладовке загорается лампочка, Тай наконец снимает шлем. Большинство знакомых говорят, что он больше похож на меня, чем на Нэйтана, но в данный момент я замечаю его невероятное сходство с отцом. У меня сердце разрывается оттого, что Тай смотрит на меня в ожидании. В ожидании тех слов, от которых разобьется его сердце.

– И? – произносит Тай. – Кто-нибудь скажет мне, в чем дело?

Я смотрю на него, и вдруг перед глазами все начинает расплываться – это наворачиваются слезы. Я смахиваю их с ресниц, подхожу к сыну и обнимаю его. Обнять моего Тая намного легче, чем огромного Рэнди Роулинза.

– Мам, – бормочет Тай, обнимая меня, – просто скажи. Что бы там ни было, я хочу слышать.

Я прижимаюсь к нему еще крепче и шепчу – точнее, рыдаю – ему на ухо:

– Случилась авария, Тай. Он погиб.

Резким движением сын отстраняется, чтобы видеть мои глаза.

– Кто... погиб?

Я больше не могу ничего произнести, только стою, смотрю на него и реву. Через пару мгновений до него доходит смысл сказанного. Его глаза наполняются слезами, губы начинают дрожать. Тай понял, о ком я.

– Нет! *Как?*

Я не успеваю ответить – Диллон спрашивает:

– А что, кто-то умер?

– Сегодня отец Тая попал в аварию. Он погиб, – тихо отвечает Рэнди.

Диллон всхлипывает и обхватывает руками нас с Таем. Тренер обнимает нас всех.

Пока я стою в маленьком подсобном помещении, еле освещенном светом единственной лампочки, в объятиях сына, его друга и мужчины, которого я практически не знаю, в моей голове прокручиваются события сегодняшнего дня. Нет, этот день не должен был закончиться так. Мы с Нэйтаном должны были встретиться перед игрой. Мы бы съели по хот-догу и выпили по бутылочке содовой, пока наш сын играет в футбол, – он ведь так это любит. Его команда выиграла бы, и после матча мы бы отправились куда-нибудь это отметить. Нэйтан рассмешил бы меня парочкой забавных историй, а я ему бы поведала, как трепетно выбирала каллы для Лилли. А он рассказал бы мне, что хорошего сделал за этот день и сколько камешков переложил из кармана в карман. Потом мы бы вернулись домой, провели время с детьми, и он бы поцеловал меня на ночь.

И все в мире было бы так, как положено.

Но все не так. И, боюсь, ничто уже никогда не исправится.

Глава 7

Мэделин

От стука в дверь я подпрыгиваю в кресле. Сажусь прямо и натягиваю улыбку, надеясь, что тот, кто сейчас войдет, поверит в мою игру.

Моя улыбка совершенно не выглядит натурально. Мне даже... как-то неловко, что я улыбаюсь.

Я знаю – не нужно было писать то письмо Нэйтану. Но я написала, и мне необходимо знать его ответ. Очень сложно планировать поездку на двоих, когда не уверен, поедете ли вы оба.

Дверь открывается, и в проеме оказывается девушка с темными волосами, уложенными в причёску «боб»:

– Профессор Цукерман?

– Да, – холодно отвечаю я. – Чем могу быть полезна?

– Здравствуйте. Меня зовут Эми, я новый администратор. Я решила принести почту сама, чтобы со всеми познакомиться, – лопочет брюнетка.

Она пересекает помещение, протягивает мне стопку журналов, на которые я зачем-то подписалась от университета, и говорит:

– Если вам что-нибудь понадобится, просто позвоните. Я сижу на том же месте, где сидела Синди. Номер тот же, ну и все прочее.

– Спасибо, Эми. Все поняла. Приятно с вами познакомиться, – вежливо отвечаю я.

Как часто меняется мелкий административный персонал! Калейдоскоп какой-то! Но я привыкла. В большинстве своем на такую работу устраиваются старшекурсники, которые хотят наладить деловые контакты в той области, в которой пишут диплом. В результате обе стороны в выигрыше: студенты получают небольшой оклад и необходимый опыт, а мы узнаём их получше, чтобы потом предложить программы для молодых специалистов.

Как только за Эми захлопывается дверь, я снова устремляю взгляд на свой рабочий телефон. Я и так уже слишком много времени убила в раздумьях, стоит ли ему позвонить. «Прекрати это ребячество!» – говорю я себе и набираю номер его мобильного.

Он не отвечает, и включается голосовая почта. Я дожидаюсь гудка и выпаливаю:

– Привет, Нэйтан. Это Мэдди, я по поводу моего предложения. Обещаю, если ты съездишь со мной на неделю в Калифорнию, с тайнами

будет покончено. Разве ты не этого хочешь? Это очень важно, поэтому перезвони мне, пожалуйста. Я позвоню тебе на работу. Люблю.

Нэйтан предупреждал меня, что будет лучше, если я не стану звонить ему на работу – и уж тем более домой, – но я *правда* должна с ним поговорить. Вот уже три дня прошло с тех пор, как я отправила ему письмо, и мне необходимо знать ответ.

Я делаю быстрый вдох и набираю другой номер.

Долгие гудки, потом женский голос:

– Здравствуйте. Вы позвонили в «Уитейкер, Стин и Брэннерман». Чем могу помочь?

– Я хотела бы поговорить с мистером Стином, – нетерпеливо говорю я.

Повисает пауза. Слишком длинная какая-то пауза. Затем женщина отвечает:

– Боюсь, это невозможно.

– Он, наверное, сегодня не работает, да? – Я не скрываю разочарования.

– А вы... его клиентка? – Голос женщины слегка дрожит. Сказать, что я клиентка? Вот уж нет, еще станет копаться в бумагах и искать мою фамилию...

– Нет, просто подруга, – говорю я тихо.

Наверное, я очень сильно преуменьшаю действительность, но в каком-то смысле это правда.

– Ну... – продолжает женщина нерешительно, – на меня возложили печальную обязанность сообщать всем, кто хочет связаться с мистером Стином, что он... В общем, он умер.

Она только что сказала то, о чем я подумала?

– Вы... серьезно? – Я ошарашена.

– Да, мэм. Ужасно. Мы тяжело переживаем эту потерю, – говорит женщина и прерывается, словно ждет, что теперь я что-то скажу. Но я просто не знаю, что сказать, и поэтому она продолжает:

– Вы говорите, что мистер Стин ваш друг. Но если так случилось, что он помогал вам с каким-либо делом, его партнеры будут рады закончить работу. Все деньги, которые они заработают на делах мистера Стина, будут выплачены его семье.

– Вы точно меня не разыгрываете? – спрашиваю я в совершеннейшем оупении.

– Нет, мэм. Думаю, за подобные розыгрыши меня бы давно уволили. – По голосу слышно, что моя невидимая собеседница грустно улыбается.

То есть Нэйтан... погиб? На меня накатывает тошнота.

– Могу ли я еще чем-нибудь вам помочь? – спрашивает секретарь.

– Нет, – шепотом отвечаю я, – спасибо большое.

Вешаю трубку и несколько минут буравлю взглядом стену, пытаюсь переварить то, что мне сказали.

– Что ж, – бормочу, – полагаю, вопрос решен. Нэйтан не полетит со мной в Калифорнию...

Волна чувств с головой накрывает меня...

Глава 8

Тай

Ничто не вечно в этом мире.

Эти слова я впервые услышал от своего отца, когда мне было шесть лет. Тогда умерла моя аквариумная рыбка по имени Клоун. Но одно дело, когда у маленького мальчика умирает его питомец-гуппи за десять центов. И совсем другое – когда взрослый сын теряет замечательного отца, погибшего в расцвете сил. После папиной смерти могу сказать: эту фразу я ненавижу. Потому что все еще помню ее. Ненавижу, потому что оборвавшаяся так внезапно жизнь моего отца подтверждает ее истинность.

За последние пару дней с момента аварии у меня сложилось впечатление, что вся наша семья умерла вместе с папой. Мне кажется, мы угодили в ад, – я больше не в силах был слышать мамины рыдания. Дом опустел, а мы впали в ступор.

К нам приходят люди, говорят, каким прекрасным человеком был наш отец, пытаются нас утешить – дескать, он прожил жизнь с достоинством и помог стольким страждущим, что имя его никогда не будет забыто. И они, как мне кажется, правы. Но в то же время от осознания того, какую жизнь он прожил, и того, каким прекрасным человеком он был, нам всем только больнее.

Утро в понедельник начинается со звонка из больницы: нас просят забрать личные вещи отца.

– Да не нужна мне его одежда! – слышу я мамин крик в телефонную трубку. – А разве у него было что-то еще? Приготовьте камни из его карманов и бумажник. Остальное можете выкинуть.

Мамино эмоциональное состояние, кажется, с каждым днем становится хуже. Вести машину она не может, и я вызываюсь отвезти их с Элис в больницу. Как я и думал, с папиными камнями она обращается так, словно это бриллианты в тысячу каратов. Закрывает глаза и сжимает их в кулаке, но чувствует камни скорее душой, чем пальцами. А потом съеживается, начинает всхлипывать, затем плакать и снова рыдать – все эти метаморфозы происходят с ней в течение нескольких секунд. Два медбрата рядом делают вид, что не замечают ее истерического припадка. Мы с Элис обнимаем ее за плечи.

Как только она чуть-чуть успокаивается, сразу же говорит, что нужно принести цветы тому, кому папа пытался помочь на шоссе. Сейчас этот

человек в реанимации и ждет пересадку сердца. Нам сказали, что его зовут Хесус Рамирес.

Надо же. Папа практически помог Иисусу^[3].

Когда мы заходим в палату, вся семья Рамиреса встречает нас у его койки. Я почти никого не запомнил по именам из этих восьми человек. Среди них и мальчик, который был в машине, когда с папой случилось несчастье. Жена Хесуса, Мария, единственная из всех более-менее сносно говорит по-английски, поэтому берет на себя обязанности парламентаря.

– Мой муж быть грустным, что ваш муж погибнуть, – говорит она. И кивком указывает в сторону сидящих у койки ее мужа родственников: – Мы все быть очень грустными.

Мама тоже кивает и изображает улыбку. Затем протягивает свой фирменный букет со словами:

– Передайте мужу – пусть его сердце побыстрее пройдет.

Мария переводит Хесусу слова мамы, а потом отвечает:

– Мой муж говорить, что он надеяться, что боль в ваше сердце тоже быстро пройдет.

Она проводит кистью руки по груди, как бы показывая, что имеет в виду.

И тут Элис, которая с самого вечера в пятницу не сказала почти ни слова, вдруг начинает расспрашивать Марию об аварии. Я рад, что у нее хватило смелости: те сводки, которые предоставили сотрудники больницы, язык не поворачивается назвать исчерпывающими.

С минуту-две Мария и Хесус что-то бурно обсуждают на испанском, затем Мария снова оборачивается к нам:

– Хорошо, я говорить. Мой муж и мой сын Пауль – он быть восемь лет. Они ехали, и у Хесуса вдруг болеть сердце. Он сказать, болеть так сильно, что он бояться, как бы не попасть в авария. Они останавливаться и ждать, что сердце пройти. Но боль все сильнее, и Хесус не иметь сил ехать. Опасность. Мой муж бояться умереть прямо там, в машина. Но тут мистер Нэйтан, он ехать за ним следом и остановиться и прийти на помощь. У Хесус не иметь с собой телефона, но мистер Нэйтан – у него быть, и он вызывать «Скорую».

Мария делает паузу и спрашивает о чем-то своих мужа и сына по-испански. Они быстро отвечают, и она продолжает рассказывать. Только теперь намного тише и медленнее:

– Быть дождь. В октябре обычно не бывать так много дождь. Когда мистер Нэйтан вызвать «Скорую», другая машина занести на скользкой дороге. Она врезаться в наш минивэн, и мы врезаться в стенку. Ваш папа...

Ваш муж... Его зажать между машина и стена. Он не мочь спрятаться.

В палате наступает гробовая тишина.

Значит, вот оно как. Папу зажало между машиной и бетонным ограждением шоссе.

Кажется, сейчас мама грохнется в обморок. Поэтому я говорю спасибо семье Рамиресов и вывожу ее из палаты прежде, чем это произойдет.

По пути домой мама почти не говорит ни слова. Впервые после моей пятничной футбольной катастрофы выражение ее лица меняется. Она больше не выглядит грустной. Скорее злой.

– Мама, ты похожа на папины камни, – говорит вдруг Элис.

– Это как же? – спрашивает мама.

Краем глаза все еще поглядывая на дорогу, я перевожу взгляд направо – на мамино лицо. На котором напряжена каждая мышца и которое постепенно краснеет. Моя сестра права: оно выглядит точно как папины камни.

– У тебя лицо каменное, – отвечает Элис. – Ты что, на кого-то злишься?

Мама оборачивается к ней, и Элис, сидящая сзади, на миг встречается с ней взглядом.

– Может быть, – отвечает мама.

– Как это – может быть? – спрашиваю я.

– Я еще не решила, – рычит она. – В конце концов, злиться тоже нужно осознанно. – С мгновение она молчит, видимо, размышляя над этим, а потом говорит: – Хорошо, я решила. Да, теперь я официально в бешенстве. Но знаю, что так не должно быть, и оттого еще больше злюсь на себя.

– Так на кого ты злишься? – спрашивает Элис и тут же деликатно предлагает варианты ответа: – На водителя, чья машина врезалась в папу?

– Нет, конечно же, – возражает мама. – Это произошло не по его вине, и было бы неправильно злиться на него из-за случившегося.

– Но и Рамирес тоже не виноват, – пытаюсь я обратить мамино внимание на обстоятельства. – Да, у него был сердечный приступ, но разве это его вина?

Мамина нижняя губа начинает предательски подрагивать. И я замечаю боковым зрением скорбные признаки, которые снова отражаются на ее лице.

– Ты прав, Тай, – бормочет она вполголоса. – Он ни в чем не виноват... Поэтому я его ни в чем и не виню.

Она пару раз шумно вздыхает, тупо уставившись в окно на

проплывающий мимо пейзаж. И добавляет:

– А вот на твоего отца...

Элис раскрывает рот – она поражена тем, что только что услышала:

– На папу?

Я в не меньшем замешательстве от сказанных мамой слов:

– Как ты можешь винить папу?

На секунду в маминых глазах загорается какой-то странный огонек, но его тут же гасит очередной приступ рыданий.

– Потому что надо было думать головой! – ревет мама, и по щекам ее струятся слезы. – Он подвергает свою жизнь опасности ради совершенно незнакомых людей, не задумываясь о том, каково нам. Знаю, все скажут, что он был героем. И он был им. Но разве можно быть таким эгоистом? Ваш отец только и думал, что о том, как бы помочь людям, забывая при этом, что у него есть его собственная семья! Ведь теперь нам придется жить дальше – у вас нет больше папы, а у меня нет больше мужа. За его великодушные платить приходится нам.

Вся оставшаяся часть поездки проходит в абсолютной тишине. Не знаю, потому ли, что ни Элис, ни я не хотим беречь мамины раны, или же потому, что в чем-то насчет папы она все-таки права.

Но в каком бы жутком состоянии мама ни была в больнице или по пути домой, худшее еще впереди. После ужина в четверг, отправив нас в постель, она запирается в их с папой ванной комнате и рыдает, как нам с сестрой кажется, целую ночь. Когда она перестает рыдать, я пытаюсь проверить, все ли в порядке, и громко зову ее, но мама не отвечает. И еще раз. И снова нет ответа. Я смотрел достаточно фильмов, прочитал достаточно книг и знаю, что люди – даже такие разумные, как наша мама, – могут с собой сделать в приступе депрессии, поэтому быстро приношу отвертку и разбираю замок.

Элис торопит меня, пытаюсь вспомнить все, что надо сделать в таких случаях, сколько человеческий мозг может обходиться без кислорода и тому подобное.

Я очень боюсь, что за дверью маминой комнаты меня ждет что-то ужасное. Чувствую, как к горлу подкатывает тошнота: если я увижу, что случилось самое страшное, удержаться у меня вряд ли получится.

Когда мы вместе с Элис вваливаемся в комнату, у нас перехватывает дыхание: мама лежит прямо на полу, на банном коврикe. Я подбегаю к ней и начинаю трясти что есть сил. Через мгновение она открывает глаза. Сначала не понимает, что происходит. А потом покрывается краской стыда.

– Простите, милые мои, – нетвердым голосом сипит мама. – Кажется, я

заснула...

Все ясно. Никаких передозировок таблетками или алкоголем. Просто уставшая от слез женщина, которая только что овдовела, рухнула без сил. Мы помогаем маме дойти до постели, прикрываем ее одеялом. Возвратившись к себе в комнату, я тоже начинаю плакать и, полностью обессиленный, засыпаю.

На следующее утро около половины десятого меня будит мамин призыв к «серьезному разговору». Ничего не понимая и еле отодрав голову от подушки, я плетусь на ее голос. Мама в пижаме сидит на уголке их с папой кровати – такая же измученная, как накануне, но более спокойная.

Элис тоже здесь, прижимает папину подушку к груди.

При виде меня мама начинает:

– Прошлая ночь была... неправильная. Я знаю. Вы наверняка вообразили самое ужасное – судя по разобранному замку. Простите меня. Я не хотела вас напугать. Просто... Мне было очень плохо.

– Мы в курсе, мам, – бормочу я в ответ. – Все нормально.

– Да, мамуль, все нормально, – эхом повторяет за мной Элис.

– Я просто хочу, чтобы вы знали: все равно все будет хорошо. Через подобное пройти нелегко, но мы должны. Другого выхода не существует.

Из маминых уст эти слова звучат так, будто она пытается убедить саму себя. Но она продолжает:

– Да, вашего отца больше нет. Но я-то с вами, и я никуда от вас не денусь. Так и знайте. Понятно?

Элис кивком соглашается, а меня вдруг прорвало:

– Прекрати убеждать нас, что все в порядке, – из всех нас тебе хуже всего! Я не хочу выслушивать очередную благую речь. Сейчас мне просто хочется обратно в кровать.

Но маму остановить невозможно!

– Это не очередная благая речь, Тай, – вкрадчиво возражает она. – Я хотела бы кое-что показать вам с Элис.

В уголках ее губ намечается что-то похожее на улыбку – первая позитивная реакция на окружающее за все эти дни. Она подходит к папиному рабочему столу в углу комнаты, где стоит его ноутбук.

– Во вторник звонил один из отцовых партнеров, приносил свои соболезнования... – голос ее неуловимо споткнулся, – в общем, он дал мне пароль от его компьютера, чтобы мы могли сохранить себе его личные файлы. Потом они заберут ноутбук.

Элис, отложив подушку, подходит к ней:

– Еще и недели-то не прошло, а они уже отбирают его ноутбук?

– Скажите спасибо, что нам дают доступ ко всем его файлам. Это широкий жест... – Мама вводит логин и пароль и сразу же кликает по иконке браузера.

Маму нельзя назвать компьютерным гением, но для женщины за сорок, которая никогда не работала за компьютером, она все делает на удивление правильно. Каким-то образом она смогла научиться управлять сайтом своего магазина, оплачивать счета через Интернет, и у нее даже есть свой блог с постоянно увеличивающимся числом подписчиков – она дает советы по составлению цветочных композиций. Кажется, с каждым, с кем она хоть раз говорила в реальной жизни, мама дружит теперь на Facebook. Мне даже неловко – у ее аккаунта друзей больше, чем у меня, раза в три. Так что я совершенно не удивляюсь, когда она заходит на свою страничку.

– Мне под утро приснился кошмар, – продолжает она, как только страница полностью загрузилась. – И я проснулась ни свет ни заря. Спать совсем не хотелось. И я решила покопаться в папином ноутбуке. Как-то так вышло, что первым делом я зашла на Facebook.

Странно, но я слышу в голосе мамы едва различимое воодушевление.

– Так вот. Я получила множество приглашений от тех, с кем мы даже и не знакомы, подписаться на новый паблик, который кто-то создал совсем недавно... – Мама кликает на очередную ссылку, перед нами появляется страница, и Элис первая читает название вверху – «Одно доброе дело». А ниже – папино фото. Он улыбается своей извечной лучезарной улыбкой.

Я про себя читаю колонку слева от фотографии. Эти слова написал тот, кто создал группу:

В память о Нэйтане Стине, который отдал свою жизнь, помогая людям. Без лишних слов, он охотно и самоотверженно поддерживал ближнего своего, не ожидая ничего взамен. Однажды я спросил его зачем, и он просто ответил: «Делай добро – и получишь добро в ответ». Нэйтан сделал для меня столько «добрых дел», но я знаю, что был не единственным, кому он очень помог. Этот сайт посвящен друзьям – или поклонникам – Нэйтана Стина, и здесь собраны многие его хорошие поступки. Мы любим и скучаем по тебе, Нэйтан... Покойся с миром.

На мгновение в комнате воцаряется тишина – и Элис начинает рыдать, а вслед за ней мама. Думаю, это их первые светлые слезы после случившегося.

Не вытирая слез, мама продолжает просматривать материал на странице. Хорошо, что она, судя по всему, уже не злится на папу. Надеюсь, теперь все как-то нормализуется.

Я кладу руку на мышку и листаю вниз. Паблик был создан не больше трех дней назад, а у него уже больше пятисот подписчиков и две с лишним тысячи комментариев – от историй про то, как папа делал подарки на Рождество нуждающимся, как помог другу найти новую работу, до простых вещей: как он придержал для кого-то дверь или внимательно выслушал в нужный момент.

Самый новый пост написан неким Дэвидом Бреннерманом – одним из партнеров в юридической конторе, где работал папа:

То доброе дело, которое для меня сделал Нэйтан, было буквально на прошлой неделе. Моя жена заболела, и Нэйтан привез нам поесть – чтобы моя и без того больная Тереза не страдала от моей ужасной кулинарии. Это был очень приятный сюрприз. Конечно, с голоду мы бы не умерли, но Нэйтан превратил тот вечер в нечто совершенно особенное. Самое хорошее в его порыве – он просто дал нам понять, что кому-то не все равно. Таким был Нэйтан – никогда не оставался равнодушным к чужой беде.

Я помню тот вечер – папа и нам с Элис заказал еду в китайском ресторане. Это было в четверг, как раз накануне футбольного матча. Тогда мы все вместе в последний раз перекусили.

Наш последний ужин.

Еще один пост:

Когда мы учились в колледже, Н.С. даже прогулял контрольную, чтобы побыть со мной. Дело в том, что мои родители решили развестись и я была в потрясении. Конечно, Нэйтан сделал для меня гораздо больше хорошего, но этот его поступок я никогда не забуду.

Один из папиных клиентов пишет:

У мистера Стинна были строгие моральные нормы, что очень важно для адвоката защиты. Он был не только человеком честным и кристально чистым, но и невероятно отзывчивым. Он защищал меня даже несмотря на то, что у меня не было средств для оплаты его услуг. Он действительно взялся за мое дело, зная, что я не смогу ему заплатить, пока с меня не снимут обвинение. А теперь скажите, кто еще на такое способен??? Только Нэйтан Стинн. Боже, храни Нэйтана.

Намного ниже я вижу пост, написанный, судя по всему, женщиной, которая знала отца еще ребенком:

Я могла бы рассказать о сотнях и тысячах добрых дел, которые Нэйтан сделал для меня за всю мою жизнь. Перечислю только некоторые из них. Вам они могут показаться вполне обычными, а для меня эти его поступки были ОЧЕНЬ важны. В день, когда мы впервые познакомились,

он извинился. В тот же день он нежно взял меня за руку. Мы сидели рядом. Он посвятил мне стихотворение. Он верил в меня. Он танцевал со мной. Он пожертвовал ради меня многим. И в конечном счете... спас мне жизнь.

Я перечитываю пост еще раз, но теперь обращаю внимание на имя его автора. Которое говорит само за себя. *Мэделин Цукерман.*

Я прокручиваю страницу дальше вниз и спрашиваю:

– Мама, ты прочитала этот пост?

Мама кивает:

– Да, с утра. Наверное, написала какая-то девочка, которая когда-то была влюблена в Нэйтана.

– Да, но «спас мне жизнь»... Тебе не кажется, что это слишком?

– Ну, может быть, помог принять правильное решение в трудной ситуации – чтобы не было потом больно или стыдно... Да там что угодно могло быть. Ведь у вашего папы был талант, и талант редкий – замечать, когда кому-то плохо, и помогать, чего бы это ему ни стоило.

Мама замолкает – смотрит на меня, на Элис, опять на меня...

– И ты, Тай, пошел в него. И ты, Элис... Конечно, иногда вы друг к другу несправедливы, но вы так же добры и внимательны к людям, как и ваш папа.

Я немедленно отвергаю сравнение:

– Папа вне конкуренции! – Я тычу пальцем в экран. – Вот кто настоящий Супермен!

Несколько секунд мы молчим. Потом Элис хрипло бормочет:

– Да... Только вот Супермен не погиб в аварии. Получается, папа смог помочь всем, кроме себя.

На этой печальной ноте дискуссия обрывается.

Глава 9

Элис

Если вы когда-нибудь теряли близких, то, возможно, знаете немного о том, что такое замороженный ужин быстрого приготовления. Я же до недавних пор понятия об этом не имела. Обозвала эти ужины «готовыми к разогреву блюдами». Они быстро заполнили все свободное место в нашем морозильнике. Мама говорит, что очень здорово, когда друзья приносят тебе еду. Я попробовала парочку таких и осмелюсь не согласиться с этим утверждением.

С того момента, как мама показала нам страницу на Facebook, посвященную папе, она только и делает, что лежит на кровати в своей комнате. Ну и, само собой, кому-то звонит и что-то узнает насчет завтрашних похорон. Не знаю, чем там Тай собирается заняться, – наверное, поспать. Я же провожу время, просматривая старые записи в блоге, вспоминая старые добрые времена – прошлую неделю, когда единственным, что меня волновало, были всего лишь насмешки одноклассников.

В шесть часов вечера я возлежу на диване с ноутбуком в руках. Мама заходит на кухню, швыряет очередной ужин быстрого приготовления в духовку. Хотя еду нам приносили всю неделю, это первый раз за последнее время, когда мы вместе собираемся за «семейным столом».

– Что ж, – говорит мама, как только мы расселись перед тарелками с едой. – Сегодня очередная запеканка с овощами. Выглядит вроде бы... аппетитно.

– Да, выглядит нормально, – замечает Тай. – Только у меня впечатление, что...

– Что кого-то не хватает, – говорю я.

Взоры всех троих устремлены на пустующее место за столом.

Не надо было так говорить. Поднимаю глаза и вижу, что мама снова на грани истерики – вся покраснела и дрожит мелкой дрожью.

Сделав пару глубоких вдохов, она говорит:

– Ты права, Элис. – И продолжает, словно выдавливая из себя слова: – Кого-то не хватает. Но мы по-прежнему семья. Ты, Тай и я. – Мама указывает на каждого из нас по очереди. – Мы все еще здесь – вместе – и должны жить дальше. Этот ужин – хорошее начало новой жизни. Так что

давайте просто поедим, насладимся едой и представим, что...

Решимость пропадает с ее лица. Я понимаю, что это значит. Теперь еще пара минут, и она разревется.

– Может, тебе пойти прилечь, мам? – быстро предлагаю я.

– А я не хочу есть, – говорит Тай, оттолкнув от себя тарелку.

Наши с Таем комментарии запросто могут довести маму до истерики... И, похоже, это происходит. Она падает головой на стол, прямо между блюдом с запеканкой и своей тарелкой, и между всхлипами причитает: «За что?», «Это несправедливо!», «Он должен был подумать о нас!» и «Пожалуйста, Господи, верни мне моего мужа!».

Тай пронзает меня красноречивым взглядом:

– Видишь, что ты натворила!

Я люблю своего брата, но иногда я его ненавижу.

– Я? Это же ты «есть не хочешь»!

– И? Это же ты утром за завтраком брякнула, что Супермен не может умереть.

Я, сощутив глаза в злые щелки – «уничтожающий» взгляд, отточенный в школе в прошлом году, – возмущенно бросаю ему:

– Неважно. Это не меняет того факта, что ты просто придурок, которого совершенно не волнуют чувства других людей. Ты всегда думаешь только о себе, какой ты крутой!

В самый разгар нашего препирательства звонят в дверь.

– Я открою! – в один голос кричим мы с Таем, прекратив ругаться и рванув к входной двери.

Мама остается сидеть за столом и тщетно пытается собраться с духом.

– Ммм... Мам, – говорю я минуту спустя, войдя в столовую, – у нас гости.

– Я не в настроении принимать гостей, – отвечает она, по-прежнему пряча лицо в ладонях. – Скажите, что момент неподходящий.

– Мы уже поняли, – говорит дедушка Стин, входя вслед за мной. – Для всех нас момент неподходящий. Правда, надеюсь, ты все же не отправишь нас восвояси только из-за этого.

Его голос звучит устрашающе, почти как папин, и этого достаточно, чтобы мама подняла голову.

– Привет, Хэлли, – продолжает дедушка. – Извини, что мы без приглашения. Мы не знали, к какому часу доберемся, но приехали сразу же с самолета. Даже не зарегистрировались в отеле, потому что сначала хотели узнать, как дела у тебя и у наших внуков.

Мама вытирает лицо, внезапно смутившись, – должно быть,

представила себе, как она выглядит.

– О, – стонет она, – я так рада, что вы здесь, Тим. И вы, Колин. Не нужно ехать в отель. Оставайтесь здесь. Побудьте с нами.

Бабушка и дедушка обмениваются торопливыми взглядами. Бабушка подходит ближе и кладет руку маме на плечо.

– Мы не хотим вас обременять, дорогая. У тебя и так дел по горло, а тут еще и мы.

Мама вытирает слезы и выпрямляется.

– Вы ведь еще не заплатили за номер? – спрашивает она.

– Нет, – отвечает дедушка, – только забронировали.

– Тем более, – решительным голосом говорит мама. – Вы остаетесь здесь. Вы ведь наша семья, а сейчас нам нужна поддержка всех ее членов.

Кристи Лав Баркер

22 октября

Около семи лет назад мы с мужем еще жили в Техасе. Я была беременна вторым ребенком и чувствовала себя очень плохо. Муж остался без работы, а я пыталась хоть как-то подработать. В тот день была буря, я ехала на работу и, не справившись с управлением, выехала на встречу. Моя машина перевернулась и свалилась в канаву. Потрясенная, я не могла выбраться из перевернутой машины, и мне оставалось лишь ждать. В этот момент по встречной полосе ехал муж моей подруги, и, хотя он был не первым, кто остановился, он первым выскочил из машины, чтобы помочь мне. Уже то, что он остановился, было хорошим поступком, но потом он сделал нечто удивительное – накинул на меня свое пальто и спросил разрешения помолиться вместе со мной, чтобы с моим ребенком все было в порядке. Вскоре приехали полицейские и помогли мне выбраться из машины. В тот день Нэйтан Стин стал моим ангелом.

Глава 10

Элис

МОЯ ЛИЧНАЯ СТРАНА ЧУДЕС:

26 октября

Дорогой блог, это я, Элис.

Время уже позднее, и я не знаю толком, с чего начать, так что, думаю, просто скажу... жизнь продолжается.

Для некоторых из нас, во всяком случае.

Сейчас, однако, жизнь, кажется, идет намного медленнее, чем на момент моего предыдущего поста. Медленнее и скучнее. Ведь есть же такое слово? Скучнее? А впрочем, неважно. Из всех слов мира не найдется таких, чтобы описать то, что мне сейчас приходится переживать.

Честно говоря, я по-прежнему сомневаюсь, стоит ли писать здесь об этом, поэтому не заходила сюда на этой неделе. Не думаю, что кто-то, кроме меня, вообще читает мой блог, так что не знаю, почему так боюсь написать обо всем, о чем думаю и что чувствую. Может, я сама боюсь своих слов. А может быть, я просто боюсь реальности.

А реальность такова...

19 октября официально стал худшим днем, который только может быть. Может, не для всех, но для меня безусловно. День уже начался плохо: я понадеялась, что, так как это была пятница, дети в школе будут слишком заняты мыслями о выходных и оставят меня в покое на некоторое время.

Зря надеялась.

Не прошло и пяти минут с момента моего прихода в школу, как Лиза Диллендер остановила меня в коридоре и сказала, что находит мой прикид симпатичным. Надо было видеть мои глаза – мне первый раз за долгое время сказали что-то хорошее. Но, конечно же, потом она спросила, не купила ли я все это на распродаже.

Я хотела посмеяться над тем, как она примитивна. А еще хотела ударить ее. Но просто заставила себя улыбнуться и пошла дальше. И за

спиной слышала смех всех ее идиоток-подружек.

Почему они такие стервы, а?

В прошлом месяце я взяла в Далласской центральной библиотеке книгу об издевательствах в школе. Там было написано, что есть несколько ключевых факторов риска: если подросткам не хватает внимания в семье, если их родители обращаются с ними плохо или не любят их в полной мере или если у них есть друзья-хулиганы, то, вероятнее всего, они будут издеваться над другими детьми. Иногда дело просто в их низкой самооценке, которую они хотят поднять за счет унижения других.

Прочитав книгу, я пыталась представить себе, какие мотивы движут моими мучителями. Так, в случае с Лизой я подумала – у нее проблемы с самооценкой. То есть, конечно, она красивая и популярная, но в глубине души понимает, что тупа как пробка, и наверняка ее это страшно злит. То, что я умнее практически всех ее сверстниц и ее самой в том числе, наверное, и заставляет ее издеваться – чтобы вроде как мы оказались на одном уровне.

Ох, похоже, я совсем отвлеклась от темы. А может, нарочно пытаюсь не писать дальше о событиях 19 октября.

Так вот, возвращаясь к реальности...

После второго урока настала очередь Майка Смитса – чувака с жуткой родинкой на руке, из которой растут густые темные волосы. Он дождался, пока учитель подойдет к кому-то в конце класса, и сказал мне:

– Эй, Элис, ты любишь креветки?

Я ответила, что да, а он и его приятели начали ржать, когда Майк сострил:

– Тогда сожри саму себя!

Думаю, у Майка проблемы с родителями – он не чувствует родительской любви.

А потом, во время перерыва на ланч, какая-то дура случайно толкнула еще одну дуру, которая, в свою очередь, случайно вывалила зеленое желе прямо мне на колени. И обе ржали как сумасшедшие, как и все в столовой,

кто это видел. Прежде чем уйти, первая дура улыбнулась и сказала с вызовом:

– Оставь желе себе, Элис. Мама говорит, для младенцев это лучшее питание!

В самом деле? Я думаю, что родители обеих уделяют им мало внимания.

Но знаете что? Меня ничто из этого особенно не волнует. Разве что чуть-чуть, иначе я бы не писала здесь. Но в конечном счете все поступки этих малолетних дебилов не имеют для меня никакого значения. Если они думают, что могут причинить мне боль или заставить страдать, то ошибаются. И вот почему...

Тем вечером я узнала, что такое настоящая боль. И поняла, каково это – когда тебе так плохо, что жизнь теряет всякий смысл.

Я узнала, что мой отец умер.

Если говорить точнее, погиб – не покончил с собой, его не убили, ничего такого. Просто нелепая случайность. И вот теперь его больше нет... и я скучаю по нему.

Когда мама сообщила мне это, я подумала: какая-то глупая шутка. Не то чтобы по маме было видно, что она шутит, – совсем наоборот. Она выглядела совершенно убитой (и, кстати, выглядит так до сих пор). Кажется, я даже рассмеялась, потому что не знала, как быть. Подумала: «Элис, лучше посмеяться, потому что тогда еще пару мгновений ты сможешь верить, что это всего лишь шутка!» Ведь не могла же мама говорить всерьез? Как можно просто зайти в дом и с порога объявить, что мой папа оказался в неправильном месте в неправильное время и поэтому погиб? Разве может это быть правдой, а не какой-то жуткой шуткой?

Вот только это оказалась далеко не шутка.

Все, что мама сказала, было правдой. Я знала это, даже когда еще смеялась. Прочитала по ее глазам. Это было написано на ее лице, и в ее позе, и в том, как она рухнула на диван рядом со мной.

К тому моменту она уже побывала на опознании и последние два часа провела в беседах с полицией и персоналом больницы. Она выглядела настолько потерянной, что я удивилась, как это они разрешили ей вести

машину. Но они разрешили, и вот теперь она разбила мой мир, сообщив жуткую новость.

Услышав которую, я чуть не умерла.

Мы проплакали, обнявшись, целый час, а потом отправились на матч – рассказать все Таю. Хотя я предпочла остаться в машине... Последнее, что мне сейчас было нужно, – очередные издевательства моих идиоток-одноклассниц, которые из моих слез раздули бы целое представление.

Почему все это случилось со мной? Почему они такие сволочи? Почему именно мой папа должен был умереть?

Неважно. Как я уже сказала, жизнь продолжается.

Мы с Таем не ходили в школу на этой неделе. Похороны завтра.

Я не хочу видеть папу в гробу.

Хотя... по крайней мере, поход на похороны – это лишний повод выйти из дома. Мы отсиживались всю неделю, питались едой, которую нам приносили знакомые люди. Единственное, чем мы заняты за последнее время, – читаем, что пишут о папе на Facebook, чтобы не умереть от тоски. Удивительно: комментарии приходили от людей со всей страны и даже парочка – от иностранцев. Папа всегда говорил, что нужно постоянно искать способы помочь людям, но я никогда не понимала, как много он действительно успел сделать для других.

А теперь позвольте мне добавить быстрый заключительный комментарий, на случай, если кто-нибудь это читает. Я хочу, чтобы вы узнали последнее, что мой папа сказал мне перед школой в прошлую пятницу, и, следовательно, последние слова, которые он говорил кому-нибудь из нас, членов его семьи: «Помни, кто ты».

Так вот, я знаю, кто я, и никогда не забуду. И другим не позволю...

Я дочь Нэйтана Стина.

Трэвис Нэф

23 октября

Мне нужно было установить паркетные полы и положить плитку в доме. Нэйтан узнал, что я собирался заниматься этим сам, и несколько дней приходил помогать. Конечно, не сказать, что пользы от него было слишком много, но дополнительные руки и инструмент мне оченьгодились.

Роб и Дженни Келли

23 октября

В прошлом году Нэйтан случайно написал мне, что у него осталась пара блюд из бизнес-ланча, и предложил завезти еду к нам домой. Он понятия не имел, что Дженни целый день было плохо, а я не мог придумать, что приготовить детям на ужин. Его эсэмэс была настоящим спасением. Одно доброе дело; один хороший ужин; один великий человек.

Глава 11

Тай

Пятница, полпятого утра. Я знаю, зачем встал я, но понятия не имею, зачем кому-то еще в такую рань быть на ногах. Я сижу неподвижно на кухне и слушаю, как кто-то спускается по лестнице.

– Да, мисс Мэй, – слышу я чей-то голос. Это, безусловно, дедушка, но он изо всех сил старается говорить как можно тише. – Да, я еще у телефона. Что я могу для вас сделать? – Он останавливается, не дойдя до кухни, так что еще не заметил меня. – О, мне так жаль, – после долгой паузы говорит дедушка. А затем: – Если бы я был в городе, сразу бы пришел. – Еще одна пауза.

– Верно, я в Техасе. – Снова тишина, но только на короткое время. – Нет, я не думаю, что койоты здесь крупнее.

Еще пару минут он слушает – и говорит:

– Конечно, Мэй. Звоните мне в любое время. До свидания.

Я слышу сигнал окончания разговора, и дедушка появляется в дверях кухни.

– О, привет, Тай, – говорит он, едва войдя. – Я думал, что я тут один.

– Нет. Я встал еще пару часов назад.

Я жду, пока дедушка усядется рядом со мной, а потом спрашиваю:

– Много звонков в такой ранний час?

– О, просто моя подружка звонила узнать, как у меня дела, – отвечает дедушка. Он говорит это с совершенно невозмутимым видом, я даже почти верю, что у него есть подружка на стороне. Вот только папа тоже любил пошутить подобным образом, поэтому я спускаю все на тормозах.

– Круто, – говорю я с не менее невозмутимым видом. – А бабуля-то в курсе?

Дед хмыкает:

– Это старая мисс Мэй, восьмидесятивосьмилетний седовласый ангелочек из числа моих прихожан. У нее небольшие проблемы с памятью – знаешь, не узнает собственных детей, иногда забывает, какой сегодня день недели. Но почему-то не забывает обо мне. И когда у нее что-нибудь случается, сразу мне звонит.

– А в чем сегодня дело? – интересуюсь я.

– В кошке, – отвечает он сухо.

– В кошке?

– Ага. В кошке по имени Принцесса. Как сказала Мэй, «вчера мою Принцессу сожрали койоты», – объясняет дедушка.

– Ох. Жуть какая!

– Да уж. Вот только этого не было. Ну, то есть в любом случае – не вчера вечером. Койоты разодрали бедную кошечку мисс Мэй три или четыре года назад, но периодически ей кажется, будто это произошло только что. В итоге она звонит мне. Уже в седьмой или восьмой раз. – Он делает паузу. – Хорошо, что у кошек только девять жизней.

В подобной ситуации папа сказал бы точно так же. Они с дедушкой настолько похожи, что мне даже не по себе. Поэтому я никогда не мог понять, почему они с папой не были близки. Ведь при таком сильном сходстве должны были быть. Но между дедушкой и отцом всегда стояло нечто невысказанное, своего рода пропасть, которую замечали все члены нашей семьи. Хотя со стороны это не очень бросалось в глаза. То есть они не были врагами, но по паузам в разговоре или взглядам становилось ясно, что что-то не так. Я спрашивал у папы несколько раз, в разных ситуациях, и каждый раз он отвечал, что все это ерунда. Но однажды признался, что у него с отцом не все было так хорошо, как хотелось бы. И добавил, почти про себя:

– Просто всегда будь со мной честным, и у нас с тобой все будет иначе.

Это было единственное объяснение, которого я смог от него добиться. Неужели папа винил дедушку в том, что тот не был с ним откровенен? И из-за этого они не были близки?

Думаю, этого я никогда не узнаю.

Дедушка мгновение смотрит на меня, и его улыбка меркнет. Он читает меня, словно открытую книгу.

– Ну так что, – говорит он, взглянув на часы, – о чем ты сейчас думал?

– Да так... о разном, – отвечаю я. – Знаешь, не хотят мозги мои отдохнуть.

– Это наследственное, – удовлетворенно кивает дедушка. – Твой отец был таким же. Ты унаследовал это от него, а он от меня, так что вини меня, если хочешь.

– Обычно я могу отключаться, если нужно, но в последнюю ночь как-то не получилось. Я просто не могу перестать думать о...

Дедушка долго выжидает, прежде чем пытается закончить мою мысль:

– О твоём отце?

– Да, – говорю я так тихо, что едва сам себя слышу. – И о многом другом.

– Поделишься со мной?

– Не хотелось бы, – отмахиваюсь я.

Дед вопросительно вскидывает брови и расплывается в улыбке:

– Справедливо. Ты уже завтракал?

– Так рано? Нет, конечно.

– А вот мой желудок говорит, что самое время перекусить. Не возражаешь, если я что-нибудь приготовлю? Бьюсь об заклад, дюжий парень вроде тебя никогда не против поесть.

Конечно, я умираю с голоду!

– Да, я бы перекусил. Что ты хочешь приготовить?

– Ну, надо посмотреть, какие продукты есть. Думаю, яичницу с беконом, мясо с овощами и, может быть, оладьи с сиропом, – расписывает дедушка.

– Блинчики?

– Нет, оладушки. Почти то же самое, но с более классным названием. Как тебе идея?

– Нравится, наверное, – пожимаю я плечами.

Дед похлопывает меня по руке.

– Что ж, давай проверим.

В течение следующих тридцати минут мы бок о бок готовим. В результате у нас столько еды, что можно накормить всю мою футбольную команду. Все это время мы не переставая болтаем, удивляя друг друга то одним, то другим. К моему изумлению, разговор течет не менее гладко, чем сироп для блинчиков из свежееоткупоренной бутылочки. И постепенно я понимаю, что почти совсем не знаю своего дедушку. Они с бабулей живут так далеко, что мы видимся отнюдь не часто. Обычно они приезжают раз в год, всего на пару-тройку дней, а несколько лет и вовсе не приезжали. Может быть, если бы не было между папой и дедушкой этого неловкого молчания, последний навещал бы нас чаще. Во всяком случае, теперь, когда мы одни в кухне, треплемся и готовим, у меня такое чувство, словно я знаю его, на самом деле ничего о нем не зная. Если, конечно, в этом есть хоть какой-то смысл.

Потом мы садимся завтракать, и разговор снова возвращается к тому, с чего начался.

– Ну, так ты поделишься со мной своими мыслями? – спрашивает дедушка.

Я втыкаю вилку в стопку блинов – ой, простите, оладушек.

– Какими именно? Поделюсь, но сначала ответь мне на один вопрос, – подмигиваю я ему.

– Идет, – сразу же подхватывает интонацию дедушка. – Валяй!

– Хм, ладно, – отвечаю я. Как бы так сформулировать вопрос, чтобы при этом не показаться чересчур назойливым?.. – В общем, мне всегда было любопытно, почему вы с папой... ну... не очень-то ладили?

Дед удивлен. Не то чтобы его застал врасплох мой вопрос – скорее то, что я вообще это заметил.

– Это он сказал тебе, что мы не ладили?

– Нет. Просто я вроде как сам догадался. Даже когда ты приходил в гости, вы с папой почти не разговаривали. А если и разговаривали, то как-то странно, – честно делюсь я своим ощущением.

– Тай, я очень любил твоего папу. Он был прекрасным человеком, замечательным отцом и мужем. У него была замечательная работа. И прекрасная жизнь.

– Я знаю. Но ты ведь не ответил на мой вопрос.

Мгновение он молчит.

– Ты мне задал самый трудный вопрос на свете. Честно говоря, я даже не уверен, что смогу на него ответить.

Он останавливается перевести дыхание.

– Ты когда-нибудь клал камешек перед ручейком воды? Так вот, даже самый маленький камешек может разделить ручеек на два отдельных потока. Иногда они обходят его и снова соединяются, а иногда каждый течет дальше сам по себе. Думаю, со мной и Нэйтаном было что-то подобное: на нашем пути встало препятствие, и мы так и не смогли соединиться вновь.

Дед накалывает на вилку ломтик бекона и откусывает кусочек.

– Впрочем, в этом моя вина. Долгое время я думал, что Нэйтан – блудный сын, и просто ждал его возвращения. Но в какой-то момент – видимо, слишком поздно – до меня дошло, что, возможно, это я блудный отец. Я сделал все, что мог, чтобы наладить наши отношения, и в некоторой степени они наладились. Но между мной и твоим отцом всегда оставалась какая-то недосказанность, и мы так никогда и не смогли до конца сблизиться.

– А в чем был камень преткновения? – спрашиваю я.

Дед пытается улыбнуться:

– Все это было очень давно, Тай. И подробности не самые приятные. Не стоит и говорить. К тому же теперь моя очередь задавать вопросы. – Я выжидательно смотрю на него. – Я выполнил свою часть обещания. Ну, ответь мне, из-за чего же ты не спал всю ночь?

И ничего не происходит...

– Из-за футбола, – отвечаю я.

Дед снова удивленно вскидывает брови, но уже не так сильно, как в прошлый раз.

– Футбола? А что не так с твоей футбольной карьерой? – спрашивает он.

– Ничего. Только то, что вчера я решил ее закончить. Еще до того, как лечь спать, написал сообщение тренеру.

– Тай, но зачем, зачем ты это сделал? – изумляется дедушка. Интересно, что он имеет в виду: почему я ушел или почему написал тренеру? Наверное, первое.

– Я еще не решил однозначно. Вот почему я всю ночь не спал – пытался понять, – отвечаю я.

– Мне казалось, тебе действительно нравится играть в футбол... – Он все еще недоумевает.

– Да, я обожаю играть в футбол.

– Тогда зачем бросать?

Я очень хотел бы не знать почему, но, к сожалению, знаю точно. Или, по крайней мере, я сократил количество причин до одного конкретного повода, хотя и не могу в полной мере сделать из него нормальную, логичную для окружающих причину.

– Все непросто, – бормочу я. Угу, прямо библейская истина!

– Это из-за того, что случилось с твоим отцом? – спрашивает дедушка.

Чтобы понять, что происходит в моей голове, нужно очень сильно постараться, так что лучше даже не начинать. Я просто киваю и говорю самое правдоподобное, на что способна моя фантазия:

– Папа был моим самым преданным фанатом. Он научил меня играть, еще когда я был ребенком. Теперь просто нет смысла продолжать, ведь рядом нет его, чтобы меня подбадривать.

Я смотрю на еду и понимаю, что уже не голоден. Мысленно готовлю себя к тому, что сейчас дед начнет меня уговаривать, убеждать, что надо как следует подумать, или просто сочтет мою отговорку дурацкой. Но он произносит фразу, от которой мое настроение резко падает:

– Что ж, яблоко от яблони...

– Ч-что?

– И он решил уйти из футбольной команды в выпускном классе.

Вот как!

– Ммм... – Мой словарный запас оскудел до полного исчезновения.

Дедушка кладет свои приборы и смотрит на меня пристально. Морщины на его лбу становятся глубже.

– Ты что, не знал?

Нет, черт возьми, я притворяюсь. Это мне просто так весело, что сердце вот-вот из груди выскочит!

– Я всегда думал, что папина футбольная карьера продолжалась всего три года...

– Не совсем так.

– Так что, получается, он вступил в команду еще в четвертом классе? – недоумеваю я.

– Прости, Тай, я думал, ты знаешь, – пожимает он плечами.

– Почему он ушел? – В конце концов, не потому же, что его отец внезапно ушел из жизни!

Дед колеблется, и у меня складывается впечатление, что он пытается получше сформулировать свой ответ.

– Ну... Я думаю, все дело в выборе. Иногда приходится делать выбор, и нужно с этим жить. Так вот, Нэйтан просто предпочел заниматься любимым делом.

Я кладу себе на тарелку кусочек масла и интересуюсь:

– Он жалел об этом?

– Не знаю, Тай. Совершенно не знаю.

Арлин Трани

23 октября

Я стояла в очереди на почте – собиралась отправить посылку моему сыну, он служит в Ираке. Сотрудник почты меня торопил, так как они собирались закрываться. Сумма к оплате составила 70 долларов, а у меня было только 40. Но следующим в очереди стоял Нэйтан Стин – и он доплатил за меня. Это так меня растрогало! Нэйтан поступил очень благородно!

Глава 12

Хэлли

«Когда все аплодисменты стихли, стадион пуст, когда все газеты уже сообщили о знаменательном событии, когда вы наконец один в своей комнате, а чемпионский кубок занял почетное место на комодe, когда вся шумиха улеглась, остается лишь уверенность, что следует прожить жизнь достойно и дальше делать все, чтобы наш мир стал лучше».

Я смотрю на эти слова на бумажном листе, но не вчитываюсь. Сегодня мне не нужно читать по бумажке – за минувшие сутки я прочла свою речь множество раз, так что, кажется, и во сне смогла бы ее пересказать, причем в каком угодно порядке.

Не стоит и говорить – в последние дни я почти не спала.

Сейчас мы на кладбище. Я стою у края могилы. Толпа родственников рассеялась, и теперь остались самые близкие и друзья. Говорить во время церковной службы мне не хотелось, но я подумала, что должна сказать несколько слов хотя бы здесь – по крайней мере, ради своих детей для наглядности, что со мной все будет в порядке.

– Нэйтан любил повторять эти слова, – продолжаю я. – И хотя они принадлежат звезде футбола Винсу Ломбарди, для моего мужа они служили руководством к действию. Каждый день Нэйтан пытался сделать мир лучше. Причем у него получалось творить столько хорошего, что казалось, будто он делал это шутя. Но ему приходилось отнюдь не легко. Дарить людям доброе отношение было его бескорыстной обязанностью. И добрыми своими делами он осветил жизни многих...

Ну вы только послушайте: я говорю, как и все, кто сегодня говорил про моего мужа, – будто все, что он когда-либо делал в своей жизни, было с целью служения людям, словно это он себе работенку такую выбрал. Наверное, так им казалось со стороны, но я-то знаю лучше, и Нэйтан тоже. Он не ставил себе цели совершать больше шести хороших поступков в день. Иногда ему удавалось перевыполнить план, но бывали дни, когда и шести-то не набиралось. И не хочу преуменьшить заслуги Нэйтана, потому что просто обожаю его за них, – но обычно добрые поступки ему совершенно ничего не стоили. Сколько секунд нужно, чтобы в дождь придержать перед кем-то дверь или позволить другому автомобилисту занять удобное место на парковке, даже если ты приехал раньше? Конечно, были и вещи, на которые требовалось времени больше, но это были скорее

исключения.

Нэйтан как-то подсчитал, что в среднем уделял добрым делам всего восемь минут в день, даже при учете моментов, когда подолгу задерживался у друзей, чтобы чем-то помочь им, или после работы кого-нибудь навещал в больнице. *Всего восемь минут.* Даже меньше половины процента дневного времени. И хотя звучит это пренебрежительно – какие-то там минуты! – ох, как же хотела я, чтобы хотя бы одну из этих восьми минут в день мы с Нэйтаном проводили вместе.

По сравнению с тем, что у меня есть сейчас, даже одна секунда с ним показалась бы целой жизнью, а уж восемь минут – так и вовсе вечностью.

Соберись, Хэлли! На тебя люди смотрят!

Я опускаю руку с бумажным листом вниз. Не хочу его больше видеть. Есть многое другое, что написано в моем сердце и что нужно сказать, но в речь я этого не включила. Я поднимаю голову и встречаюсь глазами с Таем и Элис. Они стоят напротив.

– Но, – говорю я тихо, отходя от сценария и пытаюсь побороть подступающие к горлу слезы, – тот, кто лежит сейчас здесь, не хотел бы, чтобы его помнили только за его поступки с названием «добрые». Признание и слава никогда не были его целью. Может быть, в памяти многих он останется лишь как некто, готовый всегда прийти на помощь, но для меня в личности Нэйтана куда больше граней. Я запомню его как человека отзывчивого и мягкого, всегда искреннего и с прекрасным чувством юмора, абсолютно честного и достойного доверия, который имел смелость украсть мое сердце, хотя я с удовольствием отдала его ему сама, без лишних уговоров. Я запомню его как отца, который любил своих детей больше жизни. И когда смотрю в глаза этих детей, особенно в такие моменты, когда кажется, что жить дальше без моего лучшего друга невообразимо, я вспоминаю, что он все еще жив... в них. Наши дети... Я имела счастье разделить с ним его пребывание в этом мире – не только жить, любить и смеяться вместе с ним почти двадцать лет, но и воспитывать Тая и Элис, в которых осталась частичка его...

Я не хочу плакать, но внезапно понимаю, что слезы текут по моим щекам. Вот только... Мне совсем уже не так безнадежно. Нет, боль тише не стала, но я чувствую, что какая-то часть души встрепенулась... на открытую рану легло что-то врачующее... Листок с речью выскальзывает из моих рук и плавно опускается вниз, на землю рядом с гробом.

– Я люблю тебя, Нэйтан. Мы все тебя любим. Ломбарди был прав: аплодисменты и фанфары, возможно, стихли, но кое-что осталось. То, как Нэйтан изменил мир. И то, Нэйтан... как ты изменил *меня*.

Я говорила, что на поминальной службе присутствовали только члены семьи и самые близкие из друзей. Так вот, лукавила. На ней был и Рэнди Роулинз. Я позвала его, потому что подумала, что так будет лучше для моего сына – сегодня утром он заявил, что из команды уходит. К сожалению, они почти не говорили друг с другом на кладбище, так что я пригласила тренера и на поминки, которые Колин устроила у нас дома.

По правде сказать, Нэйтан так и не успел рассказать мне, из-за чего они с Рэнди перестали общаться еще в юности. «Обычная ссора двух школьников», – отшутился он как-то. Но даже то, что, судя по всему, Рэнди по-прежнему таил на него обиду, не помешало Нэйтану пристроить Роулинза на должность главного тренера. Ему просто кто-то сказал, что Рэнди сидит без работы.

– Ты уверен, что это хорошая мысль? – спросила я тогда Нэйтана. – Если он вправду тебя ненавидит, то почему ты думаешь, что он будет справедлив к нашему сыну?

– Хорошее отношение Тай, как и все остальные, должен еще заслужить, – ответил мой муж. – И да, я думаю, Рэнди будет действительно хорошим тренером. Если бы не травма колена, которую он получил в колледже, он стал бы профессионалом, так что, безусловно, в футболе толк знает.

Когда в половине четвертого Рэнди появляется на пороге нашего дома, на нем по-прежнему темно-синий костюм, в котором он приходил на утреннюю службу. Мы перекидываемся парой слов в прихожей, а затем я устраиваю ему экскурсию по дому и знакомлю с несколькими знакомыми, которые уже собрались в гостиной. После этого отвожу Рэнди в сторону, чтобы поговорить наедине:

– Я так понимаю, Тай вам уже сообщил о своем решении?

Не то чтобы мы стояли совсем близко друг к другу, но даже с такого расстояния мне приходится заирать голову, чтобы посмотреть Рэнди в глаза.

– Уйти из команды? Да. И не могу сказать, что я в восторге от этого, – отвечает он.

– Как и я. Думаю, что футбол сейчас Таю особенно необходим. Если он будет в команде, это поможет ему справиться со всем, что на него свалилось...

Рэнди кивает:

– Вы ведь за этим пригласили меня? Чтобы я заставил его передумать? Его тон выдает, что подобная мысль ему не очень-то по душе.

– Я надеялась, – бормочу я, смутившись.

Тренер пожимает плечами:

– Думаю, можно и попытаться. Но в его возрасте не особо задумываешься над своими поступками – в наше время юношу, если он вбил себе что-то в голову, переубедить трудно. Если только ты не девушка, причем симпатичная. – Рэнди делает выразительную паузу. – Где Тай?

Я улыбаюсь и показываю на окно за его спиной.

– Обычно сын предаётся размышлениям на заднем дворе.

И я отвожу Роулинза на кухню, где есть выход во двор. Идет мелкий противный дождь, но я не отстаю и вместе с тренером выхожу на улицу. И вижу, как Тай бросает мяч через шину на цепях. Спиной к нам, он достает из корзины следующий мяч и бросает его изо всех сил. Мяч пролетает сквозь отверстие в шине, вращаясь по спирали, и с громким стуком врежется в забор с другой стороны.

– Девятнадцать – один, – монотонно считает Тай и нагибается за следующим мячом.

– Кажется, хоть ты и неделю не тренировался, прекрасно держишь удар, – замечает Рэнди. – Это хорошо.

Тай оборачивается и нервно вздрагивает, видя меня за спиной тренера. Мне вдруг становится жутко неловко, что я не оставила их один на один, – черт бы побрал мою привычку совать нос в чужие дела!

– Только вот правильный удар – это когда ты не жульничаешь за спиной у своего тренера, – говорит Тай, отправляя очередной мяч сквозь шину. – Двадцать – один.

Рэнди держит руки в карманах.

– Могу я рассчитывать, что если ты тренируешь бросок, то передумал насчет ухода? Предположим, сегодня мы выиграем, а первый плей-офф будет через две недели – твое участие нам бы весьма помогло.

– А могу я рассчитывать, что мой папа будет на матче? – спокойным голосом отражает подачу Тай.

– Тай, у тебя есть полное право чувствовать себя разочарованным. – В словах Рэнди куда больше сострадания, чем ожидаешь от человека его роста. – Но разве ты не понимаешь, от чего отказываешься? От чемпионата штата и возможности доказать свою любовь к спорту. Ты ведь в этом году заканчиваешь школу, и скоро выпускные экзамены – так что давай, решайся. – Рэнди делает паузу. – Черт возьми, не стоит бросать хотя бы ради того, чтобы на пару часов отвлечься от всего этого кошмара. Разве не этого хотел бы твой отец?

Лицо Тая багровеет.

– Вот только не надо притворяться, что вы и впрямь желаете мне

добра. Не врите, тренер, вам ведь просто нужно, чтобы я вернулся в команду.

– Совсем ты меня не знаешь, Тай, – как-то грустно отвечает Роулинз.

– Да неужели? Вот только и вы не знали моего отца. Думаете, он хотел бы, чтобы я не бросал? Мой дедушка сказал мне сегодня утром, что папа ушел из команды в выпускном классе! – выкрикивает Тай.

Все идет совсем не так, как я рассчитывала. То есть вот так переживают потерю близких мужчины – дуют губы и ругаются друг с другом?

Рэнди стоит красный как помидор.

– Да что ты? Так вот, послушай, Тай: мы с твоим отцом были неразлейвода в тот год, и поверь мне, Нэйтан бы что угодно отдал, лишь бы по-прежнему играть в команде. Только вот он не умел вовремя... – начинает он и резко осекается, буравя Тая сердитым взглядом. Поднеся ко рту кулак, кашляет. – Твой отец был хорошим человеком. И я правда верю, что он бы хотел, чтобы ты оставался в команде до конца. Подумай об этом.

И прежде чем я или Тай успеваем сказать что-нибудь, Рэнди рысцой покидает двор, а затем дом.

Донна Каллен

23 октября

Надо же! Все рассказывают такие милые истории. Моя на их фоне проигрывает, но я все же расскажу об одном хорошем поступке Нэйтана. Как-то раз у меня сломалась машина, и мой муж обратился к Нэйтану, с которым мы живем по соседству, за советом. Тот разрешил в любое время брать одну из своих машин по первой необходимости, и мы смогли пользоваться его автомобилем столько, сколько нужно.

Глава 13

Тай

Поговаривают, что тренер Роулинз получил свое место благодаря стараниям моего отца.

На самом деле это не так.

Да, когда-то они с тренером были лучшими друзьями. И да, папа правда устроил Роулинзу собеседование. Но приняли Рэнди за его собственные достижения. Ведь это его, а не папу под микроскопом рассматривала комиссия. Тренер показал им, на что способен, и то, что он получил должность, – полностью его заслуга.

К сожалению для меня, сплетня о папином заступничестве распространяется очень быстро. И те, кто ее подхватил, решили, что это из-за папы тренер так хорошо со мной обращался, так что каждый раз на поле мне приходилось выкладываться с утроенной силой. Потому что меньше всего на свете мне хотелось, чтобы кто-то говорил, будто мне легко досталось мое место в команде.

Хотя папа и Роулинз когда-то были друзьями, я никогда не видел, чтобы они разговаривали, даже на встречах команды. Может быть, так всегда происходит, когда вы становитесь старше: пути расходятся и друзья теряют связь?

Неужели то же самое будет со мной и Диллоном? Мы окончим школу и... что? Неужели через двадцать лет при встрече мы даже не заговорим друг с другом? Даже представить себе не могу такое.

Жаль, не знаю, что тренер имел в виду под фразой «Нэйтан бы что угодно отдал, лишь бы по-прежнему играть в команде». По словам бабушки, папа ушел из команды добровольно, но в устах Роулинза фраза прозвучала так, словно выбора у него не было. Правда, скорее всего, тренер нарочно искажил факты – чтобы я расстрогался и вернулся в команду.

Неважно. У него все равно не вышло. Я люблю футбол, но с меня хватит. Нет папы, нет футбола... И больше не надо никому ничего доказывать.

Я замахииваюсь для броска и отправляю очередной мяч в корзину. Он исчезает в прорези шины и вылетает с другой стороны.

– Двадцать – двадцать два...

Потренировавшись еще – сделав сорок бросков, из них тридцать семь удачных, – я ухожу в дом.

В кухне застаю Элис. Она внимательно разглядывает надпись на банке с напитком. Сильно сомневаюсь, что эта банка ей просто приглянулась. Нет, думаю, она пытается выяснить какой-нибудь очередной невероятный факт об этом продукте. В этом вся Элис – она просто обожает узнавать новое. И, честно говоря, это ее конек. Только... Мне кажется, было бы гораздо лучше, если бы она не отдавалась этому занятию с таким рвением. Потому что, когда я приглашаю к себе друзей, ей обязательно надо выпендриться: то расскажет что-то про династию Мин, то начнет читать на «свинском латинском». Все мои знакомые думают, что она просто чокнутая.

– Не против, если я присоединюсь? – спрашиваю я, пододвигая к Элис стул.

– Мы живем в свободной стране, – отвечает она, не отрывая глаз от банки.

– Да что ты? А по-моему, у нас дома сейчас столько людей, что я уже, например, начинаю чувствовать себя заключенным. Неужели ты бы не хотела, чтобы они все свалили наконец? – улыбаюсь я.

Элис молчит.

– Элис, чем тебя так заинтересовала эта банка содовой? – не отстаю я.

Она поднимает взгляд, смотрит на меня, запускает руку в свои коротко подстриженные волосы и взъерошивает их.

– Могу поклясться, они стали мягче, чем пару месяцев назад. Меня несколько раз обливали содовой в школе – чем чаще это происходит, тем мягче становятся волосы. Невероятно, да? Я вчера изучила ингредиенты маминого кондиционера для волос, а сейчас просто сверила с составом содовой. Как думаешь, можно теперь рекламировать эту воду как кондиционер для волос?

– Ты что, выучила состав кондиционера? – изумляюсь я.

– Ага, начала с тех компонентов, которых больше, а потом выучила дополнительные. Тебя так сильно это удивляет?

Очень в духе Элис. Я в восхищении.

– Да! Это удивительно. Но еще и вроде как круто – когда твоя сестра может запомнить что угодно, если захочет. Надо отправить тебя на какую-нибудь телевикторину – мы бы заработали кучу денег.

– Вроде как круто? – хмыкает Элис. – «Вроде как» – совсем не те слова. И я уверена, что «вроде как круто» – это для тебя по-прежнему недостаточно круто, чтобы перестать стесняться меня в школе.

Так, опять начинается. Вот что я получаю в ответ на комплимент.

– Эл, сколько раз повторять, что я правда сожалею? Я знаю, ты все еще

сердишься на меня из-за той истории с хот-догом. Имеешь право. Но уже ничего не поделаешь. Это в прошлом.

– Не для меня. Потому что я каждый день вижу наглые рожи этих дур, которые меня за идиотку держат. Но... вот если бы ты за меня заступился, кто знает...

Уверен, это ничего бы не изменило, но я ее понимаю.

– Еще раз говорю – мне *правда* жаль. В следующий раз я за тебя заступлюсь. Я виноват. Давай помиримся?

Элис оживает:

– В самом деле? Ты заступился бы за меня?

– Ну... да. Наверное... – мнусь я. Наверное? Что за идиотский ответ? Очевидно, что Элис он не убедил, потому что она хмурится.

– Конечно. Так я и поверила, что мистер «Крутой» позволит застать себя в компании нас, простых смертных.

Я сдаюсь.

– Ладно. Ты права. И когда в следующий раз кто-нибудь выльет на тебя банку содовой, не вздумай бежать ко мне жаловаться.

– Аналогично, – отвечает она. – Вот открою новый кондиционер для волос, и тебе придется тогда самому себя содовой поливать!

Я пытаюсь понять, что значит эта фраза, как вдруг из столовой в кухню входят две незнакомые мне пожилые женщины. Одна кладет руку на плечо мне, вторая приобнимает Элис.

– Как вы, ребята? – спрашивает первая. Мы с сестрой киваем, отвечая, что все хорошо, – мы так сегодня целый день всем говорим. После этого, даже не сообщив, кем они нам приходятся, пожилые дамы отправляются «пообщаться с тетушкой Патрисией». Когда они уходят, Элис говорит:

– Ты прав, мы тут как в тюрьме. Лучше бы я сидела в своей комнате и писала в блоге.

Как и мама, Элис стала довольно опытным блогером. Ее блог называется «Моя маленькая Страна чудес». В прошлом году она столько времени проводила за нашим общим компьютером, строча новые заметки, что маме с папой в конце концов пришлось потратиться и купить ей личный ноутбук – иначе у нас всех не осталось бы шансов воспользоваться компьютером.

– Потерпи, – отвечаю я. – Рано или поздно они свалят.

В конце концов так оно и происходит.

К половине девятого из гостей в доме остаются только бабушка и дедушка Стин. Элис прокрадывается в свою комнату, а я решаю, что пора все же сделать над собой усилие и проявить гостеприимство по отношению

к родителям моего отца. Особенно к дедушке, который почти ни слова не сказал за сегодняшний день. Как будто дал обет молчания. Не знаю, может, так на него подействовала вся эта кутерьма с похоронами или что-то еще, но уверен, что-то гложет его. После нашей утренней беседы о папе и футболе он и двух слов мне не сказал. Сейчас, когда все гости ушли, я хочу узнать, почему у них с Роулинзом такие разные взгляды на папину футбольную карьеру. Вот только дедушка словно испарился. Бабуля же неподвижно сидит на диване в гостиной, уткнувшись взглядом в колени. Спрашиваю:

– Можно я присяду?

Бабушка медленно поднимает голову и пытается улыбнуться:

– А разве нужно разрешение?

Обычно я очень неплох в том, что касается бесед со взрослыми, но, как только сажусь рядом с бабушкой, понимаю, что ничего интересного придумать не могу. Нет, можно, конечно, обратиться к проверенным темам из серии «школа», «оценки», «какой колледж выбрать», «таблетки» – но все это выглядит как-то нелепо в такой момент. И я решаю начать с вопроса, на который весь день отвечаю сам:

– Как ты, справляешься?

Бабушка подносит белоснежный платочек к заплаканным глазам:

– С трудом. С большим трудом. А ты?

– Аналогично. А дедушка? Он мне показался каким-то... отстраненным. По крайней мере за завтраком.

– Да? Так вы завтракали вместе? – удивляется она.

– А он не сказал? Да, мы очень рано встали. Все еще спали, – честно рассказываю я.

– Ну не обижайся на своего деда за то, что он такой молчун. Он всю неделю ходит чернее тучи – просто убит горем...

– Мама сказала, вы с дедушкой собираетесь погостить у нас какое-то время?

– Надеюсь, мы не помешаем. У Тима есть всего неделя, потом ему нужно возвращаться к прихожанам. Но я все равно подумала, что, может быть, первое время вам с мамой понадобится наша помощь...

– Конечно, – киваю я.

Она снова пытается улыбнуться, но получается лишь что-то вроде морщинистой ухмылки. Ее глаза снова наполняются слезами, и она подносит платок к лицу:

– Тай, тебе кто-нибудь когда-нибудь говорил, как ты похож на своего папу?

– Большинство говорят, что я больше похож на маму.
– Да, внешне ты точно в нее. Но характером и манерой держаться весь в Нэйтана.

– Спасибо. То есть надеюсь, что так. Когда-нибудь я хочу стать таким же, каким был папа.

Я и правда больше всего на свете хочу когда-нибудь стать похожим на своего отца. Единственная проблема, но я никогда не скажу этого бабушке, – судя по всему, мы с папой совершенно разные. Пусть у нас и одинаковый размер обуви, но размах его души для меня слишком велик.

Я улыбаюсь бабушке, и она улыбается в ответ. Очень милый момент – наверное, самый милый за все эти годы. Но тут вдруг в комнату входит мама с папиным рабочим ноутбуком в руках, и вся «милость» момента улетучивается.

Ее снова трясет, она в слезах, и я тут же понимаю: что-то не так. Куда делась женщина, которая еще недавно произнесла такую потрясающую речь над могилой своего мужа? Я думал, мама готова жить дальше. Оказалось, нет.

Когда она проходит в комнату, у меня возникает ощущение, что она уже не просто оплакивает папу. Нет, тут все гораздо серьезнее. Я не понимаю, как такое возможно, но сейчас мама кажется еще более подавленной, чем в тот вечер, когда ей позвонили из больницы.

Сначала она смотрит на меня таким взглядом, будто не уверена, хочет ли видеть меня здесь, но потом переводит взгляд на бабушку. Швыряет компьютер на диван рядом с ней, и бабуля подсакивает от неожиданности. Затем мама, перемежая слова со всхлипываниями и вздохами, начинает говорить:

– Только не говорите, что вы об этом не знали...

На пару мгновений взгляд бабушки затуманивается. Потом она собирается с духом, берет ноутбук и долго вглядывается в экран. Наконец снова поднимает глаза, но я не могу прочитать, что за эмоции в них отражаются. Смушение? Растерянность? Сомнение? Безразличие? Не могу понять. Бабушка делает глубокий вдох и спокойным голосом отвечает маме:

– Если бы Нэйтан хотел, чтобы ты узнала, уверена, он бы рассказал тебе сам.

– Так, значит, это правда! – вскрикивает мама и, рухнув в кресло рядом со мной, сворачивается клубочком, словно корчась от боли.

– Это правда. Все эти годы... и он молчал! – мычит она, двумя руками сжимая голову, словно вот-вот уронит ее.

Бабушка, кажется, все еще собирается с мыслями. И наконец говорит, хотя краткость ее речи только усугубляет ситуацию:

– Как бы там ни было, я знаю: тебя он любил больше.

Бабушка встает с дивана, разглаживая складки на своем длинном траурном платье. Почти извиняющимся тоном она добавляет:

– Был трудный день, так что я, наверное, пойду посмотрю, как там Тим. Если вы не возражаете, я пойду в нашу комнату. Мы переночуем здесь.

Мама отвечает резким жестом и косым взглядом, смысл которых сводится к краткому «Уйдите уже!».

Несколько следующих минут я молча наблюдаю мамину истерику. Иногда она перестает рыдать, чтобы отдышаться, но потом все повторяется снова. Я хочу утешить ее, но не знаю как, потому что не понимаю, что происходит. И из-за всего только что сказанного какая-то часть меня даже не хочет ничего знать, потому что тогда мое отношение к папе может измениться навсегда.

Но я должен знать.

Поэтому крадучись, словно мышь, которая чувствует опасность, но не может устоять перед запахом сыра, я пододвигаю к себе компьютер.

На экране открыта почтовая программа. Передо мной все входящие письма. Первое, что бросается в глаза, – знакомое имя отправителя: Мэделин Цукерман, та самая, которая столько всего написала в папином паблике на Facebook. Мое сердце уже и так бьется сильнее, а теперь и вовсе готово выскочить из груди. Всего лишь любовь детства, ведь так? Но почему тогда она пишет ему на рабочую почту?

Письмо было отправлено всего восемь дней назад, за день до смерти папы. В теме письма указано «Re: Твоя дочь».

С чего бы это вдруг он стал переписываться с этой женщиной об Элис?

Само сообщение очень короткое. Но опять же, чтобы разрушить весь мой мир, достаточно и его:

Привет, Нэйтан! Чтобы скрасить твой день, прикрепляю фото Зоуи и ее жениха. До сих пор не могу поверить, что наша девочка выходит замуж. Слушай, я знаю, я уже говорила об этом, но теперь собираюсь спросить прямо: согласишься ли ты поехать со мной в Калифорнию на свадьбу? Просто познакомиться, чтобы она узнала хоть что-то о своем отце, прежде чем создаст собственную семью. Я знаю, что прошу слишком многого, но ведь это так много значит для нее... и для меня. Дай мне знать.

С любовью! Мэделин

На фото прекрасная девушка. На вид ей лет двадцать пять, но я не слишком хорошо определяю возраст по фотографиям. Обнимает ее парень примерно того же возраста.

Я чувствую, как внутри меня нарастает волна гнева.

У моего папы что, был все это время еще ребенок? Он что, изменял маме? Все эти годы он ее хладнокровно обманывал? Да как такое возможно?

До того как я прочитал письмо, я хотел как-то утешить маму, но теперь утешать надо меня. Потерять папу ужасно больно, но чтобы то, что мы о нем думаем, обратилось в дурнопахнущий прах? Меня словно расплющило той самой машиной, которая его убила...

Я дотрагиваюсь до мамы, просто чтобы она знала, что я тут, – как будто это ей что-то даст... И поднимаюсь наверх. Слишком много всего на меня обрушилось разом... Я хочу побыть в одиночестве.

Дженн О'Брайен

24 октября

Нэйтан как-то раз очень сильно помог мне, и это стало для меня примером, вдохновившим начать помогать людям. Где-то месяц назад произошло вот что. Я был в подземном гараже своего дома, проезжал вдоль стены, рядом с мусорными контейнерами, и заметил женщину, которая пыталась выбраться из контейнера. Я остановился и выбежал из машины, чтобы помочь ей.

Оказалось, около мусорных контейнеров кто-то оставил ковер; женщина поскользнулась на нем и, подвернув ногу, упала в контейнер. Она барахталась там минут двадцать, прежде чем ей удалось позвать кого-нибудь на помощь. Вытащив ее из контейнера, я отвез женщину в клинику. Но она оказалась закрыта, так что я повез ее в больницу скорой помощи, что в 20 минутах езды. Помог санитару уложить ее и отмыть. И отошел припарковать автомобиль, а когда вернулся, чтобы убедиться, все ли в порядке, оказалось, женщину не смогут оставить в этой больнице, но нас перенаправили в другую, в двух кварталах оттуда. Мы снова погрузили ее в машину и поехали. Пока женщиной занимался больничным персонал, я вышел подышать, а затем вернулся, чтобы узнать, как она. Вышла медсестра и сообщила, что родственники пациентки уже в пути и я могу ехать домой. Я знаю, что это мой поступок, а не Нэйтана, но решил им поделиться, потому что он был прав: делай добро – и получишь добро в ответ! Если бы он не подал пример, я, возможно, не смог бы поступить так,

как поступил. Водить эту бедняжку по больницам было не очень-то приятно, но как Нэйтан сделал для меня доброе дело, так и я был рад протянуть руку помощи другому человеку.

Глава 14

Хэлли

У вас бывало когда-нибудь ощущение, будто вы на дне очень глубокого бассейна и понимаете, что можете не доплыть до поверхности? Ваши легкие горят, а страх смерти перерастает в панику? Так вот, мне приснился страшный сон, будто я тону...

Проснувшись в холодном поту, я жадно вдыхаю воздух, как будто действительно выплыла на поверхность. Дотрагиваюсь до лица – оно такое же мокрое, как и два часа назад, когда я задремала на диване. Честно говоря, я надеялась, что слезы высохнут, но увы – во сне меня преследовали слова некоей Мэделин Цукерман и лицо ее дочери, двадцатилетней красотки по имени Зоуи, отцом которой... был мой покойный муж.

Я вскакиваю, сажусь и осматриваюсь. В гостиной темно, но сюда проникает свет из прихожей, и поэтому я могу разглядеть обстановку. Мой взгляд скользит из левой части комнаты в правую, выхватывая из тени детали: пустое кресло, в котором мы с Нэйтаном любили, обнявшись, смотреть по ночам фильмы; искусственный фикус – его подарок на нашу девятую годовщину совместной жизни; панели из вишневого дерева, украшающие камин, над которыми Нэйтан с Таем от души потрудились; белая статуэтка на каминной полке – фигурка отца и дочери, которую пару лет назад на День отца подарила Нэйтану Элис. Прямо по центру стены, над каминной полкой, старинная плашка из дерева с надписью: «Все потому, что двое влюбились друг в друга». Прямо над ней висит в рамке наше самое недавнее семейное фото.

Из-за темноты с того места, где сижу, я могу различить лишь четыре нечетких силуэта на нем, но я знаю, какой из них принадлежит ему.

– Как ты мог! – приглушенно выкрикиваю я и задыхаюсь. Слезы снова льются из моих глаз. – Я не понимаю! Как? Как ты мог за столько лет ничего не сказать мне об этом? Как ты мог врать мне? Как же ты мог говорить, что я твоя единственная любовь, когда у тебя была эта женщина и ее дочь?..

Я делаю глубокий вдох и шепчу:

– Собирался ли ты когда-нибудь рассказать мне об этом или хотел эту тайну унести с собой в могилу?

Я сдираю себя с дивана и подхожу к стене, где висит фотография.

Взгляд Нэйтана дружелюбный, невинный, но я ищу в нем скрытую тайну, которую, должно быть, я проглядела, пока он был жив, но ничего не вижу.

– Когда-нибудь я бы смирилась с тем, что тебя больше нет, – говорю я ему. – Но это не смогу принять никогда.

Компьютер Нэйтана лежит на журнальном столике. Я беру его, поднимаюсь в свою комнату и забираюсь в кровать, хотя спать не собираюсь. Усаживаюсь поудобнее, воткнув подушку за спину, и смотрю на экран, с которого по-прежнему улыбается на фотографии красавица девушка.

Несколько кликов мышью – и окно поиска по электронной почте открылось. Выстукиваю два слова: Мэделин Цукерман, нажимаю «Найти».

Курсор на пару секунд зависает, пока компьютер анализирует старые запросы на предмет совпадения. Затем начинает показывать результаты. Передо мной появляются сотни писем, самые ранние из которых датированы аж 1998 годом.

Я прокручиваю список вниз, до самого старого письма, и читаю:

Нэйтан! Я была ТАК рада видеть тебя на встрече выпускников. Спасибо, что заставил меня прийти. Памятуя о том, что было в выпускной год, я волновалась, как бы чего не произошло, но теперь правда рада, что пошла. Стоило сделать это, хотя бы чтобы увидеть тебя снова и убедиться, что у тебя все хорошо.

Зная, как сложилась твоя жизнь, я не удивлена, что мы так быстро потеряли друг друга из виду после окончания школы. Но я часто спрашивала себя, интересуешься ли ты хоть чуть-чуть судьбой нашей девочки, думаешь хотя бы изредка о нас. И так была рада узнать, что ты о нас вспоминаешь!

Прикрепляю к письму парочку недавно сделанных фотографий, чтобы ты посмотрел. И еще несколько фото Зоуи за последние десять лет. Разве она не красавица?! Мне больше всего нравится фото, где она в короне. Она любит называть себя принцессой и говорит, что однажды выйдет замуж за принца. Не хочу разрушать ее мечту, но мой жизненный опыт подсказывает, что сказки не всегда хорошо кончаются. И опять же, встреча выпускников заставила меня вспомнить прошлое. Я знаю, что все это было давно и неправда, но вдруг? Может быть, когда-нибудь я все равно смогу снова быть со своим принцем...

Во всяком случае, я надеюсь, что тебе понравятся фотографии – это ведь в некотором роде результат твоего труда. Я знаю, что наша девочка пришла в этот мир в сложный период, но каждый раз, когда я смотрю на

нее, я так благодарна, что она есть... и благодарить за это нужно тебя.

Если ты не против, я бы хотела писать тебе время от времени, чтобы ты был в курсе. Нам правда стоит поддерживать контакт.

С любовью, Мэделин

Я делаю глубокий вдох, вспоминая о том вечере, когда Нэйтан отправился на встречу выпускников в город Рокуэлл, недалеко от нашего Мескита. Я хотела пойти с ним – познакомиться со всеми его старыми друзьями, но Нэйтан уперся как баран, утверждая, что я там со скуки умру, так что я осталась дома с Таем. И, очевидно, зря. Когда после полуночи Нэйтан вернулся домой, он якобы слишком устал, чтобы вспоминать подробно все, что было на встрече выпускников. Я смогла из него вытянуть лишь фразу: «Пришли те, кого я вообще не надеялся снова увидеть, и мне было приятно узнать, что дела у них идут неплохо».

– Надо было пойти с ним, – бормочу я сердито, кликнув на следующее письмо.

Привет, Нэйтан. Это снова я. Спасибо за скорый ответ. Мне правда очень понравились фотографии твоей семьи: твой сынишка – просто прелесть, а жена красавица.

Фото с празднования Хеллоуина мне понравилось больше всего. Это была твоя идея – одеть сына в костюм Кларка Кента? Яблоко от яблони, как мне кажется... Ты ведь всегда был моим суперменом.:—)

И остаешься им.

Люблю тебя, М.

Я продолжаю читать старые письма до тех пор, пока все не начинает плыть перед глазами. Как наркоманка: знаю, что это меня убивает, но остановиться не могу. Большинство писем представляют собой короткие и относительно безвредные уведомления о Зоуи. Ко многим из них приложены фото: Зоуи выступает на конкурсе танцев, Зоуи в школе, Зоуи задует свечи на торте, первый танец Зоуи, Зоуи поет в школьном мюзикле, Зоуи играет в баскетбол, Зоуи на вечере встречи первокурсников, второкурсников... и так далее. К четырем утра я знаю все, что нужно знать, о Зоуи Цукерман – с момента ее рождения до окончания школы, и еще остается много писем, до которых я пока не дошла.

Я открываю письмо, написанное менее двух месяцев назад и помеченное «Срочно».

Нэйтан, мне просто не терпится сообщить тебе потрясающую

новость: наша девочка выходит замуж! Со своим избранником Зоуи познакомилась на последнем курсе колледжа, и с тех пор они встречались (по-моему, я даже послала тебе их фото из похода в Редвуд с полгода назад). Думаю, ты будешь рад узнать, что будущий муж твоей дочери тоже играл в футбол в средней школе (жаль, не нападающим, как ты). Учится в Юридической школе в Калифорнии, на последнем курсе. Они с Зоуи хотят пожениться либо в апреле, либо в мае – дам тебе знать, когда насчет даты будет решено. Ты должен быть на свадьбе и увидеть результат нашего с тобой выпускного класса. Конечно, если у тебя не получится, я не расстроюсь, но, по крайней мере, прими это к сведению.

С любовью, Мэдди

– Почему ты скрыл это от меня? – спрашиваю я вслух, обращаясь к Нэйтану, как будто он лежит рядом со мной, как в течение последних почти двадцати лет. В порыве гнева я захлопываю крышку ноутбука и швыряю его подальше. Компьютер с грохотом падает на пол. А я забираюсь глубже под одеяло. Глядя на пустую подушку рядом с собой, шепчу:

– Ты должен был с самого начала рассказать обо всем мне.

Я зарываюсь лицом в подушку, достаточно долго не закрывая глаз, чтобы случайно заметить Нэйтана на нашем свадебном фото, стоящем на тумбочке.

– Ты не тот, за кого я вышла замуж, – дрожащим голосом говорю я, обращаясь к фотографии. И мир исчезает...

Нэнси Мэй

25 октября

Недавно мне заменили тазобедренный сустав, и из-за операции я не могла работать полный день, так что почти ничего не зарабатывала. Нэйтан и его семья мне так помогли – они тайно положили деньги на мой счет, заправили мою машину и где-то достали талоны на продукты. Они готовили мне еду, навещали меня в больнице и дома. Я не знаю, как бы справилась без их помощи. Спасибо им огромное.

Глава 15

Тай

Видимо, взрослые – существа угрюмые от природы.

Это первое, что приходит мне в голову, когда с утра, часов в десять, я вижу спускающегося по лестнице деда – на лице у него досада. Бабушка тоже какая-то хмурая, а маму такой злой я не видел еще никогда. Хотя кто я, чтобы судить, если сам сегодня раздражаюсь по малейшему поводу?

Единственный человек в нашей семье, кто сейчас в хорошем настроении, – это Элис. Но она и единственная, кто не знает о маленьком секрете отца. Мама, едва я проснулся, взяла с меня клятву, что я ничего не скажу сестре.

Когда дедушка наконец останавливается у подножия лестницы, я практически могу прочесть мамины мысли: она хочет, чтобы дедушка не говорил ни слова о папе. Но, конечно, ее надежды напрасны.

– Слушайте, я устал скрывать правду о прошлом Нэйтана, так что буду рад ответить на любые ваши вопросы.

Мы с мамой слышим его из другого угла гостиной – мама пишет в своем блоге, а я пытаюсь сделать домашнее задание. Элис лежит на полу возле лестницы. Перед ней шахматная доска – она обдумывает ход против самой себя. Бабушка моет посуду на кухне.

На секунду все замирают.

– Какого дьявола, Тим? – нарушает тишину бабушка. – Я что, непонятно сказала: не говори об этом, пока не попросят.

– Ну, – отвечает он, – у меня такое впечатление, дорогая, что в комнате десятитонный слон, а мы дружно делаем вид, что не замечаем его. Надо все же решить эту проблему.

Элис ставит пешку и подает голос:

– О чем ты? И кстати, слон из Африки или из Азии? Наверное, африканский. Азиатские весят не более шести тонн.

Бабушка царапает мужа гневным взглядом:

– Да, милый, про какого это ты слона говоришь?

Взгляд Тима блуждает по комнате, на секунду задерживаясь на каждом из нас:

– То есть она еще не... У меня было впечатление, что все уже знают.

– Не совсем все! – В голосе мамы отчаяние. Она захлопывает ноутбук и со стуком кладет его на журнальный столик. – Я надеялась, мы успеем

прогнать «слона», но теперь только дурак его не заметит в свете прожекторов, которые вы, Тим, на него направили! – Мама делает кислую паузу. – *Спасибо вам большое.*

Опять повисает напряженная тишина. Но через пару мгновений Элис прерывает ее, еле заметно чихнув.

– Ммм... Прощу прощения... – Встав с пола, она выбирает самую подходящую для наблюдения точку в гостиной. – В общем, как я понимаю, я одна тут не в курсе... Странно. Кто-нибудь снизойдет и расскажет мне, в чем, собственно, дело?

Мама жестом подзывает Элис к себе.

– Садись, милая.

Та садится рядом с ней на диван.

– Я правда не хотел, – понуро винится дед. – Просто подумал, что...

Бабушка одаривает его еще одним выразительным взглядом, предупреждая, чтобы держал язык за зубами.

– Элис... – начинает мама, обняв ее и пытаясь подобрать правильные слова для сообщения такой феерической новости. – Мы... Я... проверяла ночью папину электронную почту. Рабочую. И кое-что обнаружила.

Элис отстраняется от нее:

– Звучит малооптимистично...

– Так и есть, – кивает со слабой улыбкой мама.

– Это как-то... связано с папой?.. – все же задает вопрос Элис.

Кажется, за последнюю ночь количество морщин на мамином лице выросло ровно вдвое. Я вижу, ей очень больно, и чувствую, насколько сильно ей не хочется говорить о папе. Ни один человек не заслуживает пережить все то, что свалилось на нашу маму за одну только последнюю неделю.

– Да, милая. Это про папу... Даже не знаю, как сказать. Не знаю, с чего начать, – боюсь, ты не поверишь.

– Мам, мне тринадцать. Я уже достаточно взрослая, чтобы понять почти все. – Элис ухмыляется в мою сторону и добавляет: – Уж если Тай понимает, то я и подавно.

Прежде чем я успеваю открыть рот, мама поднимает руку, жестом останавливая меня. И делает глубокий вдох – судя по всему, чтобы самой чуть-чуть успокоиться.

– Ты права. Ты уже достаточно взрослая, чтобы понять. Я просто подумала, что именно вам с Таем об этом знать не стоит... потому что... ну, ты же была папиной любимицей. – Она колеблется: – Но...

– Что? – Элис подталкивает ее.

– Ну, дело в том... Оказывается, ты такая была не одна... – лепечет мама.

Элис смотрит на нее как на сумасшедшую:

– О чем ты?

В уголках маминых глаз стоят слезы. Всхлипывая, она будничным голосом сообщает невероятное:

– О том, что до того, как у нас с вашим отцом появились вы с Таем, еще до того, как Нэйтан познакомился со мной, у него уже была дочка. От другой женщины.

Глаза Элис останавливаются в орбитах, и она на мгновение немеет. Потом уточняет:

– В смысле, он уже был женат до тебя? И скрывал?

– Нет, милая, он не был женат. Ему тогда было столько же, сколько Таю сейчас, – покладисто отвечает ей мама.

Я замечаю, как дедушка с бабушкой обмениваются быстрыми взглядами. Я не очень разбираюсь в том, как пожилые люди могут друг на друга смотреть, но предполагаю, что так дед просто пытается заставить бабушку говорить первой. Когда «переговоры» окончены, оба садятся в кресла рядом с диваном, около журнального столика.

– Ммм... можно я скажу? – спрашивает бабушка. – Чтобы внести полную ясность.

– Конечно, – вежливо отвечает мама.

– По большей части ты права, Хэлли. Да, они не были женаты, когда Мэдди забеременела. Но как только они об этом узнали, то решили, что будет лучше, если они будут воспитывать Зоуи вдвоем, – продолжает бабушка.

Сначала мама молча глядит на нее.

– Вы хотите сказать, – она осторожно подбирает слова, будто нетвердо идет по тонкому льду, – что у вашего сына... не только был ребенок, которого он от меня скрыл, но и что... я была не первой миссис Стин?

– Мэдди и Нэйтан хотели сами нести ответственность за свои поступки, – отвечает за бабушку дед. – Мы их поддержали, хотя я об этом жалею.

– То есть они поженились, когда еще учились в школе? – задаю я прямой вопрос.

Бабушка с дедом синхронно кивают.

Между тем на лице Элис я вижу напряженную работу мысли, но не понимаю, о чем она сейчас думает.

А вот у мамы такое выражение, будто с ней в любой момент может

случиться припадок. Пару мгновений она ничего не говорит, словно выжидая, пока ее сердце чуть успокоится, а потом треплет Элис по руке:

– Сердиться на папу естественно, милая.

– Мам, ты что, сердишься? – недоумевает Элис.

– А по мне что, не видно? Да я сама не своя от злости, аж кричать хочется. Ночью, пока все спали, я этим и занималась. И я злюсь не на то, что у него был еще один ребенок, нет. Я просто в бешенстве, что он скрыл от меня это. Вдруг выясняется, что я ничего не знала об огромном куске его жизни. А теперь еще оказывается, что я даже не первая жена Нэйтана! И в довершение ко всему узнаю, что последние четырнадцать лет он тайно переписывался с этой женщиной прямо у меня под носом! Самое страшное, что он меня обманывал. – Казалось, мама сейчас лопнет от переполняющих ее чувств.

Элис подозрительно спокойно оглядывает всех присутствующих.

– Ну, я тоже очень расстроена. Да. Меня просто бесит, что вы поверили в этот бред.

Ууу, все ясно – Элис наконец-то ведет себя так, как и положено девочке ее возраста.

Я откладываю учебник в сторону, только он шлепается о стол с несколько более громким звуком, чем я хотел бы.

– Что ты там говорила про «достаточно взрослая, чтобы понять»? Эл, я видел папину переписку. Мама не придумала это.

Элис отмахивается, делая вид, что меня нет, и переводит взгляд на бабушку с дедушкой.

– А вы что, тоже думаете, что все это правда?

Дед подается вперед, чтобы что-то сказать, но бабушка его оттесняет:

– Элис, я не знаю, почему твой отец не рассказал об этом твоей маме еще давным-давно. Конечно, неправильно было скрывать от нее, я согласна. Но это нисколько не умаляет его любви ко всем вам. Да, в прошлом ваш папа наломал дров, но он был хорошим человеком. Ты это знаешь. И я знаю, что больше всего на свете он обожал вас с Таем.

– И ты, дед? – в отчаянии спрашивает Элис, пристально глядя ему в глаза.

– Я, ммм... – бормочет тот, – думаю, твоя бабушка удачно все сформулировала.

Пока дед говорит это, в моей голове проносится: *так вот почему папа бросил футбол!* Держу пари, вся эта история с Мэделин Цукерман и вызвала раскол между папой и дедом. Оказалась тем камешком, про который дед говорил, что из-за него один ручеек разделяется на два.

Прежде чем я успеваю продолжить логическую цепочку, Элис выскакивает из маминых объятий и встает с дивана. В ее глазах разочарование.

– Видимо, сейчас вы скажете, что я маленькая идиотка, просто чокнутая дурочка. Так вот, я не такая. И я единственная из всех здесь присутствующих, кто правда знал папу. А вы – нет!

– Элис! – вскрикивает мама, протянув к ней руку. – Сядь и...

– Нет, не сяду! – орет Элис, и ее лицо багровеет. – Как вы можете так говорить про него! Вы теперь думаете, что все знаете, только потому, что видели какие-то дурацкие письма в почте. Ни черта вы о нем не знаете! Папа все время говорил мне, что я его любимая и единственная дочка. И знаете что? Я ему верю! Так что думайте что хотите, но папа не был таким монстром, какого вы из него делаете. Не был!

Дед подается вперед и опять берет слово:

– Элис, милая, дело не только в письмах. Мы все это пережили вместе с ним. Да и какая разница, был он таким или нет. *Даже если и был...* Да, я знаю, это не то, что ты хотела бы сейчас услышать. И мы все понимаем, как тебе больно, дорогая. Правда.

– Не называй меня «дорогая»! – кричит не своим голосом Элис.

– Прекрати, Эл, – вмешиваюсь я в беседу. – Нормально, что ты расстроилась. Только не надо срывать свою злость на нас. Мы тебе ничего плохого не сделали.

По тому, как Элис разворачивается, и искоркам в ее глазах я сразу понимаю, что сейчас мне достанется. Но она лишь на мгновение застывает, размышляя, что же сказать... потом складывает руки и тихим голосом спрашивает:

– Значит, ты читал папину переписку?

– Одно письмо, – отвечаю я.

– И что? – Элис затаила дыхание.

– И что? – Я пожимаю плечами. – Что ты от меня хочешь услышать? Что где-то в мире у меня нет старшей сестры? Что папа не скрывал это от нас? Прости, но этого я тебе сказать не могу, потому что все это не так.

Элис в сомнениях морщит лоб и глядит на маму:

– Хочу убедиться сама. Отправь мне какое-нибудь из их писем.

– А стоит ли? – нерешительно бормочет мама. – Не хочу даже видеть эти письма.

– А я не поверю, пока не увижу своими глазами! – Элис дергает подбородком и идет к лестнице. На полпути останавливается: – Я буду в своей комнате... ждать письма.

Джихай Ким

25 октября

Ох... Как грустно. Я плохо писать по-английски... Но пробовать. Я так благодарна.

Джихай Ким

25 октября

Мой boyfriend, Джихун, он меня очень любит (и я его тоже). Когда я грустить, его американский босс, г-н Стин, помогать ему лететь, чтобы увидеться со мной.

Джихай Ким

25 октября

Он пытался делать меня счастливым. До этого я имать несчастье в любви, но потом я встретить настоящую любовь (эээ... правильно я писать?). Я так благодарна за то, что Джихун смог прилететь, а Нэйтану Стину спасибо за то, что позволить и помочь оплатить полет.

Джихай Ким

25 октября

Может, кто-то думать, что мой история – обычный. Но она такой особенный для меня.

Глава 16

Хэлли

Элис ушла, хлопнув дверью, и звук этот все еще отдается в тишине гостиной, а мы сидим и смотрим друг на друга, не произнося ни слова.

Тишину нарушает Тим.

– Я хотел расставить все точки над «і»... – Он удручен. – Мне очень жаль, Хэлли. Ты нас приняла у себя, а мы тебе вон какой подарочек подкинули...

Я так хочу злиться на Тима за то, что он рассказал все Элис! Конечно, моя девочка оказалась не готова принять правду о собственном отце. И на Колин я тоже хотела бы злиться – за то, что она никогда раньше не рассказывала мне об этой части жизни своего сына. Но ведь нечестно винить их в том, за что вина полностью лежит на плечах моего мужа? Конечно, я расстроена, но не злюсь на них.

– Ничего, – вздыхаю я, – вы не виноваты.

– Но ведь если бы не мой длинный язык, – сокрушается Тим, – Элис бы ни о чем не узнала.

– Таков был мой план. Вот только не думаю, что и это было бы правильно. Элис просто обязана знать. Тем более, судя по ее реакции, уверена: и правда, и ложь оказались бы для нее одинаково болезненными.

– Ты думаешь, она решила все отрицать? – усмехается Тай.

– Мне хотелось бы, чтобы вину за все можно было свалить на Тима, – говорит Колин, не могу понять, всерьез или нет. И продолжает: – Но, по моему, ты права, Хэлли. Такой «подарочек», в какую бы упаковку мы его ни положили, в любом случае не пришелся бы Элис по душе.

Произнося все это, Колин обменивается с Тимом таким красноречивым взглядом, словно они пытаются уместить беседу всей своей жизни в одну секунду. И тут я вспоминаю, о чем думала всю ночь:

– Тим, у меня всегда было ощущение, что ваши отношения с Нэйтаном были несколько натянутыми. Словно какая-то невысказанная обида мешала вам их наладить. Он всегда это отрицал, но разве я не права?

Теперь обмениваются взглядами Тим с Таем.

– Вчера я задал дедушке тот же вопрос, – сообщает Тай.

– Нет, – кивает Тим, – ты была права.

– И все это не из-за истории с Мэдди? – спрашиваю я.

В качестве ответа мне достаточно увидеть, как Тим смотрит на Колин,

но отец Нэйтана кивком головы еще и подтверждает мои догадки.

Колин добавляет:

– Все, что тогда случилось... В общем, мы сами были немного в шоке. Нэйтан всегда был хорошим мальчиком. Уверена, он не хотел, чтобы так вышло. Но то, что эта девушка забеременела, было для нас всех огромным потрясением, так что, возможно, мы справились не так хорошо, как хотелось бы.

Тим отрицательно качает головой.

– Ты справилась так, как надо, дорогая. А вот я – нет. – Он оборачивается ко мне. – На самом деле поначалу я думал, что прекрасно со всем справляюсь. Охотно признаю, Нэйтан меня разочаровал, но я по-прежнему его любил и сделал все, что мог, чтобы помочь ему. Я даже предложил им с Мэдди вместе жить у нас, пока не родится ребенок. Но они во что бы то ни стало хотели решать свои проблемы сами. Их выбор я не одобрял, но смирился с ним. А потом Нэйтан и Мэдди вдруг решили развестись. Может, я старомоден, но разводов не приемлю. Тем более после всего, через что мы вместе прошли! Я позвонил Нэйтану и орал на него минут пятнадцать. После этого мы не разговаривали целый год. Потом, конечно, я понял свою ошибку и извинился, но наши отношения уже никогда не стали прежними.

– А что насчет беременности Мэдди? – спрашивает Тай. – Папа поэтому ушел из команды?

Тим кивает. Они с Колин усаживаются поудобнее и ждут дальнейших вопросов.

И вопрос задаю я. Только один:

– Почему он не рассказал ни о чем мне?

– Мы не знаем, – говорит Колин.

– Что мы знаем, – добавляет Тим, – так это то, что, когда вы с Нэйтаном еще только встречались, он взял с нас слово, что мы никогда тебе не расскажем. Он сказал, что устал это с нами обсуждать и просто хочет жить дальше. – Тим задумчиво потирает подбородок. – Я много думал об этом, особенно когда ко мне приходили за советом люди, которым кто-то сделал что-то нехорошее или которые сами совершили дурной поступок. Что вообще нужно рассказывать о своем прошлом?

– Все, – говорит Тай. – Нужно быть честным, во всяком случае, с дорогими тебе людьми.

– В самом деле? Даже если решил все забыть? – с сомнением в голосе размышляет Тим.

– Конечно. Ведь именно твое прошлое делает тебя тем, кто ты есть

сейчас, – уверенно отвечает Тай.

– Только если ты сам ему позволяешь, – возражает Тим. – Тай, ты когда-нибудь ошибался?

– Конечно. Все время, – с готовностью отвечает Тай.

– Назови хоть одну из своих ошибок, – просит Тим.

– Ммм... – Тай виновато глядит на меня. – Однажды я превысил скорость...

Тим смеется:

– Нет, я имею в виду что-то, за что тебе по-настоящему стыдно. Я знаю, ты хороший парень, но за семнадцать лет у тебя точно найдется что-нибудь, о чем ты до сих пор жалеешь.

Не то чтобы я была в настроении смеяться, но глядя на то, как Тай пытается обойти эту тему, с трудом могу подавить смешок. Он снова глядит на меня и стыдливо отворачивается.

– Да, – бормочет он тихо, – есть кое-что, чем я не горжусь. Но вы все меня возненавидите, если я расскажу.

Как мать, я обязана вмешаться.

– Ты не обязан рассказывать, Тай. Но тебе совершенно нечего бояться, что мы обидимся. Обещаю.

Тай несколько мгновений думает, а потом невнятно бормочет:

– Я совершил одну из самых непростительных гадостей. *Не сделал ничего.* Я видел, как над Элис издевались в школе – какие-то идиотки засунули ей в капюшон хот-дог... а я просто прошел мимо. Сделал вид, что не заметил, хотя мог бы вмешаться.

– О, Тай... – Я не знаю, что и сказать.

– Мне очень жаль, мама, – шепчет он.

– Я знаю.

Через пару секунд Тим нарушает воцарившуюся тишину:

– Спасибо, что поделился. А теперь представь себе себя через пять или десять лет. Ты встретил прекрасную девушку, от которой ты без ума. Неужели ты попытаешься начать отношения, сказав: «Должен тебя предупредить: я из тех, кто молча смотрит, как издеваются над маленькими девочками. Да, представь себе, такое однажды произошло с моей сестрой, а я ничего не сделал...»?

– Не думаю, – уступает Тай.

– Так вот, мне кажется, Нэйтан думал так же. Он просто стал жить дальше. Он сделал все, что мог, и был готов расстаться с прошлым.

Я чувствую, как мое сердцебиение учащается, и говорю:

– Я согласна с вами, Тим, – до определенной степени. У всех нас есть

поступки, о которых мы сожалеем. И нет никакого смысла их ворошить. Но вот с чем я не могу согласиться, так это с тем, что надо об этом лгать. Нэйтан не обязан был рассказывать мне о «подвигах» своей юности.

Когда я произношу слово «подвиги», мне становится неудобно говорить об этом в присутствии Тая. Я прошу его:

– Заткни уши, сынок, – и возвращаюсь к Тиму и Колин: – Но нет, ваш сын с гордостью заявил мне, что я единственная женщина... которая была или есть в его жизни. Я о таких признаниях его не просила, но эти слова были для нас волшебными, или я думала, что это так, что мы хранили себя до тех пор, пока не встретились. А сейчас все то, что было между нами, резко потеряло свою ценность. Впечатление испорчено. Так что, может быть, Нэйтан и не должен был рассказывать мне о своих прегрешениях, но, черт возьми, тогда не надо было и врать!

И Тим, и Колин молчат. Должно быть, трудно слышать о собственном сыне такое и снова переживать весь тот прошлый кошмар.

– Хэлли, мне очень жаль. – Это Тим. – Не знаю, что еще сказать тебе, девочка... Но если у тебя есть вопросы, я не уйду от ответа.

– Нет, – кручу я в ответ головой, – я исчерпала вопросы. Исчерпала вопросы, исчерпала слезы, исчерпалась вся – называйте это, как вам будет угодно. Не хочу больше думать об этом. Не сейчас!

Тим и Колин поднимаются к себе в комнату, а мы с Таем вдвоем остаемся в гостиной. Едва за ними закрылась дверь, я опускаю веки и откидываюсь на подушки. Еще никогда мысль о том, чтобы немного вздремнуть, не казалась мне столь соблазнительной, как сейчас. Я слышу, как Тай берет со стола учебник и начинает листать страницы. Через минуту он спрашивает:

– Ты правда хочешь, чтобы мы вернулись в школу уже завтра?

Я открываю один глаз и искоса смотрю на сына.

– Прошла неделя. Прости, но момент настал, – отвечаю я.

Проходит еще пара мгновений, прежде чем Тай осмеливается задать еще один вопрос, но то, как этот вопрос звучит, выдает его страх услышать ответ.

– Мам, а ты все еще любишь папу?

Теперь я медленно открываю глаза и гляжу перед собой, пытаюсь привести в порядок свои чувства.

– Пытаюсь, – говорю я, – но сейчас мне слишком трудно. Пока я не могу со всем справиться.

– Я тоже. Так странно думать, что у папы уже был ребенок, когда он был в моем возрасте. Он ведь всегда говорил: до свадьбы ни-ни и все такое.

А что же, теперь получается, он ханжа?

Я смотрю Таю в глаза.

– Или, – говорю я медленно, – в нем говорил его опыт. Не воспринимай это как руководство к действию, Тай, но все мы знаем, что в таком возрасте люди и правда иногда совершают ошибки. Иногда чудовищные. Но ведь это не значит, что по такой причине нужно лишать людей права на счастье. Как и каждому из нас, им приходится расхлебывать последствия – и учиться на своих ошибках.

– Ты что, его защищаешь? – изумляется Тай.

– Нет. Просто пытаюсь отделить Нэйтана-подростка от Нэйтана-мужчины. Ты ведь помнишь, что я влюбилась в того Нэйтана, которого знала и которого знал и ты. А не в того юношу, которого помнит твой дедушка. Наш Нэйтан был хорошим человеком, или я думала, что он таким был, – так что я никогда бы не стала судить его за ошибки молодости.

– То есть ты хочешь сказать, что все еще любишь его? – обескураженно спрашивает Тай.

– Я... не знаю. Теперь, когда мне известно, что он скрывал от меня свое прошлое, зная, что у него было что-то вроде тайной переписки с этой женщиной в течение многих лет... Все то, что я любила в Нэйтане, оказалось мифом. Человек, которого я знала, никогда ничего не скрывал. Я думала, мы можем друг другу доверять. Теперь выясняется, что он даже не счел нужным посвятить меня в некоторые подробности своей жизни, и мне очень больно это осознавать. Интересно, было ли что-то еще, о чем я до сих пор не знаю?..

Я умолкаю. Вытягиваюсь на диване, подкладываю под голову подушку в красной шелковой наволочке.

– Кто знает, может, с этой женщиной Нэйтан не только переписывался. Надеюсь, что нет, но наверняка знать не могу.

– Ну, ты можешь связаться с ней и сама у нее спросить, – говорит Тай.

Мне хочется засмеяться, но я издаю лишь жалкий стон.

– Ага, представь себе ситуацию: «Привет, я только что узнала, что вы первая жена моего мужа и мать его первого ребенка. Не поделитесь ли со мной деталями ваших отношений за последние десять лет?» Нет уж, с ней я общаться точно не хочу, потому что ничего хорошего из этого выйти не может.

Тай замолкает – надолго. Затем откидывается на диване и бормочет:

– Я хотел быть как папа. – Его тон выдает замешательство. Ничего удивительного. – Конечно, не думал, что смогу, но хотелось бы попытаться.

Увидев на его лице разочарование, я чувствую, как меня захлестывает

очередная волна эмоций.

– Знаю, – шепотом отвечаю я. Мой сын, наверное, хочет, чтобы я продолжила, но слов у меня больше нет. Я вижу, что он ложится на второй диван и закрывает глаза. И поняв, что разговор окончен, сворачиваюсь калачиком и тоже закрываю глаза.

Сэнди Бэтза Вэлентайн

26 октября

За пару недель до Рождества я услышала стук в дверь. Мой муж не ходит, а я открыть не успела – те, кто звонил, убежали. Только вот они не знали, что я все видела из окна в кухне. Это были Нэйтан Стин и его прекрасные детишки. Они оставили на пороге открытку с деньгами. И неважно, какая в ней была сумма, – просто было очень приятно знать, что кто-то помнит о нас и заботится.

Глава 17

Тай

Что такое «нормально»? Есть ли у этого слова какое-то научное определение? Кто решает, какие чувства или мысли – удел нормального человека? Я интересуюсь только потому, что с того дня, как умер папа, себя таким не чувствую. В смысле, нормальным. Я чувствую себя не в своей тарелке, как будто со всем миром вокруг что-то не то. Мир вокруг меня остался прежним. А я нет. И совершенно ясно почему.

Проще говоря, еще чуть больше недели назад у меня был отец – который заботился обо мне и на которого я равнялся, – а теперь его нет. И этот прекрасный человек, которого я боготворил, был со мной всю мою жизнь. А теперь, когда он мертв, а светлый его образ запятнан, жить с этим мне очень трудно, словно из-за того, что я больше не знаю, каким был папа, я не могу до конца понять, каков я сам.

Вы что-нибудь поняли из вышеописанного? Это все ненормально, ведь так?

Но даже при всем этом утро в понедельник – прекрасный момент, чтобы начать возвращение к нормальной жизни. Мама наконец собирается вернуться в цветочный магазин, Элис снова станет жертвой насмешек, а я растворюсь среди голосов учителей и звонков на перемену. Одним словом, если не считать присутствия в доме бабушки с дедушкой, сегодняшний день имеет все шансы стать первым за прошедшую неделю *практически* обычным днем.

– Может, поедешь сегодня на автобусе? – спрашиваю я Элис за завтраком. – Я собираюсь выехать раньше.

Элис отправляет в рот ложку «колечек» с молоком и с набитым ртом отвечает:

– А я тоже хочу приехать в школу пораньше. Так что поеду с тобой.

– Но... – запинаясь я. Да что ж ты будешь делать! – Мам! Мне что, обязательно брать с собой Элис? – кричу я.

– Чего тебе не обязательно, так это вопить на весь дом, – отвечает мама, входя в кухню. В руках у нее сумочка, в которой она судорожно что-то ищет. – Я же тут!

– Так что, мне обязательно ее везти? – еще раз спрашиваю я.

Мама размышляет пару мгновений.

– А что бы сказал твой отец, Тай?

Учитывая все то, что мы узнали о папе за последние два дня, я искренне удивлен. Не думаю, что она по-прежнему считает папу примером для подражания. Впрочем, неважно – сейчас не время спорить.

– Хорошо, – говорю я Элис, – но я выезжаю через две минуты. Если не будешь готова к этому времени, поедешь на автобусе.

С этими словами я хватаю тост и разом откусываю половину, запивая большим глотком молока. Потом съедаю другую половину и допиваю молоко в считанные секунды.

– Считай, уже одна минута, – с довольной ухмылкой говорю я.

Но Элис полна решимости успеть, поэтому с утроенной скоростью доедает хлопья, бросает миску в раковину, хватает рюкзак из шкафа в коридоре и оказывается на крыльце на пятнадцать секунд раньше меня.

Мама тоже меня опередила.

– А что, зубы вы уже почистили? – спрашивает она.

Элис и я переглядываемся – и несемся в ванную, отпихивая друг друга. Когда мы готовы, мама все еще ждет нас у двери. Она протягивает руки и обнимает нас.

– Ты тоже решила так рано поехать на работу? – спрашиваю я, заметив у нее в руке ключи от машины.

– Очень много всего надо доделать с утра. Я, конечно, наняла помощницу, которая хорошо составляет букеты, но за бухгалтерию она не отвечает. – Мама еще раз обнимает нас и отпускает. – Проведите первый день в школе хорошо, ладно? Просто забудьте всю прошлую неделю. Сегодня новый день, и пусть он будет удачным.

– Хорошо, – говорит Элис.

– Постараюсь, – отвечаю я.

Но до того, как мы забираемся в мой старенький автомобиль, мама еще раз нас зовет:

– Чуть не забыла. Помните, кто вы.

Элис снова отвечает «Хорошо!», а я лишь киваю. Из маминых уст эта фраза звучит совершенно не так, а теперь, когда мы узнали столько всего об отце, и вовсе теряет свой смысл. Вот скажите, кто я теперь? Сын Нэйтана Стина? Яблоко от яблони? Сын человека, для которого врать и изменять собственной жене – раз плюнуть? То есть теперь это нормально?

Через пять минут мы перед зданием школы.

– Береги себя, – говорю я, и Элис выскакивает из машины.

Спустя несколько минут я подъезжаю к корпусу старших классов. Некоторые учителя только что пришли. Вот мистер Дэвис, учитель математики. Он замечает меня издали и машет рукой. Я вхожу в школу и

вижу миссис Говард, мою прошлогоднюю преподавательницу английского, – она всего в нескольких шагах от меня.

– Привет, Тай, – говорит она. – Ты сегодня рано.

– Да, – отвечаю я.

Она ускоряет шаг, чтобы догнать меня. И вот мы уже вместе идем по холлу.

– Мне так жаль, что с твоим отцом случилось такое несчастье, – произносит миссис Говард.

– Да, – снова говорю я, – и мне.

– Как ты справляешься? – спрашивает она.

Бог мой, этот извечный вопрос.

– Кажется, неплохо. Стараюсь жить сегодняшним днем. И жду, когда все вернется в прежнее русло.

Мы рядом с учительской, и миссис Говард меня останавливает.

– Тай, я знаю, тебе сейчас очень сложно. Знай: если захочешь выговориться, моя дверь всегда открыта.

Я ценю этот жест, но прямо сейчас мне хотелось бы поговорить совсем с другим преподавателем.

– Спасибо. Непременно воспользуюсь вашим предложением, – отвечаю я, только чтобы ее не обидеть.

Я прохожу по холлу, срезаю путь через столовую, спускаюсь вниз по бетонным ступенькам и оказываюсь в коридоре, ведущем в спортивный зал. Напротив меня вход в мужскую раздевалку, где я предполагаю застать троих преподавателей физкультуры, которые попивают кофе и фрагментарно разбирают результаты прошлых игр Национальной лиги.

И точно: вот они – Брайсон, Смит и гигант Роулинз, энергично обсуждают любимые моменты. Роулинз откидывается на спинку старого деревянного стула, словно это мягкое кресло. Когда он видит меня, улыбка пропадает с его лица. Он тут же спускает ноги со стола, и его бутсы с грохотом ударяются об пол.

Двое других тоже прекращают разговор и оборачиваются в мою сторону.

– Привет, – холодно приветствует меня Роулинз, – добро пожаловать домой.

– Привет, тренер, – говорю я.

– Рад тебя видеть.

– Спасибо. Есть минутка?

– Для тебя, – отвечает тренер, вставая с места, – хоть две.

У тренера Роулинза есть отдельный кабинет сразу за углом,

получивший меткое прозвище «поле брани», – им пользуется он и его подчиненные.

Дверь за нами закрывается, и тренер спрашивает:

– Что случилось? – Он садится на деревянный стул. – Ты подумал и решил вернуться в футбол? На этой неделе важный матч. Твоя помощь очень бы нам пригодилась.

Я изображаю улыбку:

– Я знал, что вы будете звать меня обратно. Но нет, я не передумал. Я правда считаю, что в моей футбольной карьере пора поставить точку.

С виду Роулинз не очень-то доволен тем, что я не передумал, но слова старается говорить правильные:

– Что бы ты ни решил, пусть будет так.

Вокруг стола в кабинете стоят несколько стульев – по вечерам здесь собираются помощники Роулинза и выстраивают стратегию для следующих матчей. Я придвигаю к себе ближайший стул и сажусь.

– В пятницу, после похорон, вы кое-что рассказали о папе и его уходе из команды в выпускном классе.

– Да, прости. Не надо было трепаться.

– Нет. Все в порядке. На самом деле хорошо, что вы проговорились. Только вы не закончили. Там было что-то про «он не умел вовремя...». Вовремя что?

Никогда еще не видел Роулинза с таким каменным лицом. Добрых пять секунд на лице тренера не шевелится ни единый мускул. Потом он задумчиво чешет щеку:

– Знаешь, а я уж и не помню... Просто ляпнул первое, что в голову пришло...

– Зачем вы врете? – Кровь бросилась мне в голову.

– Прошу прощения?..

Роулинз всегда требует от спортсменов строжайшей субординации, особенно от капитанов команд. В футболе это вполне естественно: первокурсники слушают старшеклассников, младшие ориентируются на старшаков, старшаки – на капитанов команд, а капитаны команд ловят каждое слово тренера. Поэтому мой тон застает его врасплох. Но я больше не в команде, так что продолжаю его прессовать:

– Вы врете. Я знаю, что врете, так что не стоит отрицать.

Надо сказать, у тренера очень чувствительная кожа и он часто краснеет. Каждый раз, когда Роулинз заканчивает пробежку или, к примеру, песочит игроков, он весь красный как рак. Но настолько пунцовым я не видел его еще ни разу. Сейчас его лицо такого же глубокого бордового

цвета, как вымпел нашей команды Crimson Tide^[4] над его столом.

– Ты называешь меня вруном? – говорит он, судорожно втягивая воздух. – *Глядя мне в лицо?*

– Слушайте, – говорю более мягко, – я знаю, вы не врун. Я не это имел в виду. Мне просто... Мне нужны ответы, вот и все. Знаю, вы что-то скрываете, и уверен, причины у вас есть, но сейчас мне нужно, чтобы вы мне все честно рассказали.

– Что происходит, Тай? Я тебя прямо не узнаю.

– На следующий вечер после похорон выяснилось нечто очень странное. Мама нашла... вернее, наткнулась кое на что. И лучше бы мы этого не знали.

– Ты думаешь, это как-то связано с тем, что твой отец решил уйти из команды?

– Практически уверен, – невозмутимо отвечаю я.

– Но не на сто процентов?

– Я уверен. Просто не хватает кое-какой информации, и я надеялся, что вы мне поможете восполнить пробелы.

– Например?

– Например, почему отец нам никогда не рассказывал...

Роулинз колеблется и нехотя интересуется:

– А конкретнее? О чем, ты думаешь, он тебе не рассказывал?

Я наклоняюсь вперед и кладу локти на стол:

– Хорошо. Допустим, о том, кто такая Мэделин Цукерман.

Я ожидал бурной реакции, но тренер демонстрирует почти спортивную реакцию:

– Никогда не слышал. Кто она?

– Мэделин Цукерман, – повторяю я. – Ну, знаете, мать моей единокровной сестры.

На лице Роулинза снова не дрогнул ни один мускул. Он молчит. Даже кажется, что не дышит. А потом – верный признак того, что битва проиграна, – медленно выдыхает:

– Ну хотя бы об этом ты узнал не от меня.

– То есть вы все-таки ее знаете! – с триумфом восклицаю я.

– Да, мы были знакомы. И даже довольно близко. Вот только ее тогда звали Мэдди. Мэдди Мак Фэдден. Или, точнее, Мак Фэтти^[5], так ее называли вообще все. Очень странная девушка, мягко говоря. Никогда бы не подумал, что твоему отцу такая могла понравиться. – Роулинз делает секундную паузу. – Мне жаль, что раньше приходилось все это скрывать от

тебя, Тай. Но я не знал, что тебе известно, да и к тому же не хотел ворошить прошлое.

– Ага, только вот мама чувствует себя обманутой. Вы случайно не знаете, почему папа так сильно хотел скрыть это от нее?

– Понятия не имею. Знаешь, Тай, к тебе я всегда относился очень хорошо. Ты ведь знаешь, так? Но вот с твоим отцом у нас... ну, скажем, наша дружба закончилась не лучшим образом, так что меня уж точно не стоит спрашивать о его жизни и особенно о том, что касается Мэдди.

– Тогда не могли бы вы хотя бы ответить на мой вопрос? Папа не умел вовремя... что? – Я настойчив.

По выражению лица Роулинза мне ясно, что он по-прежнему не горит желанием закончить фразу. Но решает все-таки уступить:

– Хотя у нас с твоим отцом были не лучшие отношения, я прекрасно знаю, что он сделал много добрых дел и помог очень многим. Еще в школе он всегда поддерживал аутсайдеров. Но когда дело дошло до Мэдди, он, похоже, зашел слишком далеко. То, каким образом он решил ей помочь, было... Он перестарался. Так вот, отвечая на твой вопрос, Тай: по-моему, твой отец не умел вовремя остановиться, что его и сгубило. – Тренер еще секунду молчит, нервно чешет колено. – Твой отец частенько повторял: «Делай добро – и получишь добро в ответ». Своего рода цепная реакция, ну, знаешь, «ты мне – я тебе». Он когда-нибудь тебе это говорил?

– О да, – киваю я.

– Так вот, в этом случае реакция была, только не лучшая. Не для нее, во всяком случае, и уж точно не для него. Сначала он пытается утешить какую-то чокнутую в коридоре, а потом вдруг выясняется, что Мэдди ждет ребенка. А затем они с Нэйтаном женятся. Все в школе решили, что они чокнулись.

– Так папу за это вышвырнули из команды?

– Нет, я так не думаю, хотя, уверен, многие были недовольны тем, что в команде играет старшеклассник, который обрюхатил свою малолетнюю подружку. Знаешь, порочит репутацию школы и все такое. Но Нэйтан считал, что должен помогать Мэдди, так что бросил футбол и начал подрабатывать после уроков. Они сняли квартиру, и мы почти не виделись, разве что встречались в коридоре. Конечно, он пытался делать вид, что не жалеет о своем решении уйти из команды, но я-то знал: оно далось ему очень нелегко.

Звенит звонок. Роулинз ждет, пока трель закончится.

– Ну что, ситуация прояснилась?

Я киваю.

– Так странно знать, что папа женился в таком возрасте. А что сказали люди?

Роулинз вскидывает брови.

– Разное. Пару месяцев во всей округе только и было разговоров, что об этой истории. Еще бы: сын пастора, воплощение американской мечты и образец для подражания, и вдруг обрюхатил девушку – и это в выпускном-то классе! Уверен, твои дедушка с бабушкой так и не смогли оправиться от этого потрясения. Вскоре им пришлось уехать из города. – Он замолкает и как-то странно на меня смотрит. – Ты как, в порядке?

– Да. Просто перевариваю. Но... По-прежнему не понимаю: если в тот момент папа ни от кого ничего не скрывал, почему он маме-то ничего не сказал?

Внезапно гигант Роулинз встает на ноги, обходит стол и кладет руку мне на плечо:

– Если бы я знал, то сказал бы, Тай. Но есть только один человек, который может это знать.

Я утыкаюсь взглядом в столешницу и шепотом говорю:

– И этот человек мертв.

Тренер морщит лоб:

– Да нет же, я про Мэдди Мак Фэтти.

Келли Хансакер

26 октября

Ну, моя история, допустим, связана не с Нэйтаном, а с его сыном. Тай дружит с моим сыном, и как-то в прошлом году после позднего футбольного матча он остался у нас ночевать. А наутро они с моим сыном убрались в доме, и я смогла поспать подольше! Приятный сюрприз! Читая все эти записи, я надеюсь, что самоотверженность Нэйтана передалась и его сыну, а теперь и моему сыну тоже! Очень грустно, что Нэйтан погиб, но спасибо всем, что делитесь воспоминаниями о нем.

Глава 18

Мэделин

Нужно на законодательном уровне запретить занятия утром в понедельник.

Это последнее, что приходит мне в голову, прежде чем я встаю и приветствую всех тех четырнадцать несчастных, которые смогли этим утром поднять себя к первой паре, то есть к семи утра. Но тех пятерых, кому это не удалось, я не виню нисколько – был бы у меня выбор, сама бы из кровати не выползла.

– Доброе утро. Как настроение?

В основном все недовольно хмыкают мне в ответ и зевают, но слышу я и пару веселых голосов.

Вообще, я жаворонок. Но не сегодня. Не в первый рабочий день после смерти Нэйтана. Я прошмыгнула в конец траурной процессии, посмотрела, как гроб с его телом опускают в землю, а потом все выходные проревела в подушку.

– Я полагаю, за выходные у вас было время изучить все материалы, которые я задала.

Большинство сидящих кивают.

– Прекрасно. Тогда я хотела бы, чтобы кто-нибудь ответил на следующий вопрос. У скольких пациентов в мире за прошедший год была обнаружена плоскоклеточная карцинома шеи или головы?

Несколько студентов поднимают руки, а я отхлебываю из кружки чай. И выбираю студентку с задних рядов, которая отчаянно с кем-то переписывается по мобильному, – чтобы держать аудиторию в тонусе:

– Мисс Питерсон?

– Ой. Извините. Что вы спросили? – испуганно вскрикивает студентка и быстро прячет телефон в сумку.

Я не в настроении улыбаться, но мои губы расплываются в улыбке. Эта Питерсон очень способная, но прилежания ей явно не хватает.

– Плоскоклеточная карцинома шеи или головы. Сколько случаев заболевания зафиксировано за прошедший год? – повторяю я вопрос.

– В США или в мире? – переспрашивает студентка.

– Давайте всю статистику.

– Ммм... Хорошо. Около сорока тысяч здесь и пятьсот тысяч по всему миру, – тараторит Питерсон. Так, значит, статьи, которые я давала на дом,

она прочитала.

– Очень хорошо. То есть полмиллиона. Это довольно много. А какова смертность? Мистер Джарвис? – задаю я новый вопрос.

– Пятнадцать тысяч? – робко предполагает студент.

– Тепло. Двенадцать. То есть целых двенадцать тысяч смертей. Но некоторые методы лечения могут быть более-менее результативными. И... мистер Тэлбот, будьте добры, скажите нам, что это за методы?

Винсент Тэлбот сидит во втором ряду. Я знаю, что ответить он может. Тэлбот – один из тех, кто всегда все знает, этим он чем-то напоминает мне Нэйтана. Я смотрю на него, вижу, что он открывает рот, но не слышу, что он говорит. Боже, и зачем я только спросила про смертность... С некоторых пор все, что связано со словом «смерть», вызывает у меня болезненные воспоминания о Нэйтане.

– Спасибо, – говорю я, увидев, что Тэлбот замолчал.

И вдруг теряю нить. Что спросить дальше? Сравнить смертность от плоскоклеточной карциномы шеи или головы со смертностью в результате дорожно-транспортных происшествий? Нет... автомобили и целевая молекулярная терапия – вещи совершенно несовместимые. Хотя автомобили опасны. А иногда и смертоносны. Даже более смертоносны, чем рак.

С задних рядов кто-то медленно поднимает руку. Но не дожидается, пока я спрошу. Питерсон сама спрашивает:

– Ммм... Профессор Цукерман? Вы что, плачете?

А я что, плачу? То есть это слезы стекают по моему лицу?

Нет, однозначно – нужно на законодательном уровне запретить занятия утром в понедельник.

– Простите, – еле-еле выговариваю я в полном замешательстве. – Думаю, будет лучше, если я вас отпущу. Прошу прощения. Но если вы к среде прочитаете следующую главу, думаю, мы быстро наверстаем упущенное.

Я хватаю со стола свои вещи и выхожу из аудитории.

Мой офис находится в соседнем здании. Дорога туда занимает у меня минуты три. Войдя в офис, тщательно закрываю за собой дверь.

– Надо было взять еще один выходной, – говорю я вслух, усаживаясь в кресло и откинувшись в нем.

Да, наверное, глупо так себя вести: я ведь раньше никогда не теряла близких. И почему тогда потерять Нэйтана оказалось так больно? Потому что Нэйтан – единственный, на кого, я знала, я могла рассчитывать всегда. Раньше его любовь спасала меня в самые трудные моменты, а теперь этой

любви... больше нет.

Даже не хочу думать о его бедной жене и детях – должно быть, им сейчас совсем плохо. Я только хотела бы, чтобы Хэлли все же обо мне знала. Если бы Нэйтан успел рассказать ей, было бы намного легче.

Стучат. Не дожидаясь моего ответа, в дверной проем просовывает голову Эми, моя новая ассистентка:

– Эй, профессор, вы как? Слышала, вы отменили занятия.

Быстро же распространяются слухи.

– Да. Со мной все в порядке. Спасибо, – пытаюсь я улыбнуться.

– Вы уверены? – недоверчиво уточняет Эми.

Не очень-то я сейчас хоть в чем-то уверена. Такое чувство, что меня несет в крошечной лодке в открытый океан. А раньше лодкой всегда управлял Нэйтан.

– Да, – отвечаю я. – Просто... На прошлой неделе умер мой очень близкий друг, и я пока не могу собраться. Но все будет хорошо.

– Примите мои соболезнования. Из-за этого вас не было всю неделю?

– Да.

– В общем, если я могу что-нибудь сделать, только скажите, – с сочувствием говорит Эми.

– Если будут звонить, не могли бы вы меня пока ни с кем не соединять? – прошу я. – Мне нужно какое-то время побыть одной. Подумать.

Эми улыбается:

– Я прекрасно вас понимаю. Если кто-то позвонит, просто запишу. Простите, что помешала.

Она исчезает, и дверь за ней закрывается.

Забавно, печально и жалко, что мне вдруг нужно больше времени, чтобы подумать о Нэйтане. Ведь я же думаю о нем не переставая с прошлой недели, с того момента, как его секретарь сообщила мне эту не укладывающуюся в голове новость. Я думала о нем, видела его во сне, даже прочитала комментарии и написала свой в его паблике на Facebook. Я снова и снова прокручивала в памяти отдельные моменты наших отношений, как будто репетирую спектакль. Вспоминая все наши волшебные мгновения (и наши общие секреты), я в каком-то смысле могу оживить Нэйтана – и пусть лишь в своем сердце, но все же.

Я знаю, большинство людей, в том числе жена и дети, помнят Нэйтана как того невероятного человека, который всегда помогал другим. Таким он и был – человеком, прекрасным во всех смыслах этого слова. Вернее, таким он стал. У меня же была привилегия – если, конечно, можно назвать это так

– узнать Нэйтана значительно раньше. Тогда, когда он был еще всего лишь непослушным ребенком.

До того, как он изменился.

И изменил меня...

Часть II

Правдивая история Мэдди Мак Фэтти

Мэделин Цукерман

27 октября

Я могла бы рассказать о сотнях и тысячах добрых дел, которые Нэйтан сделал для меня за всю мою жизнь. Перечислю только некоторые из них. Вам они могут показаться вполне обычными, а для меня эти его поступки были **ОЧЕНЬ** важны. В день, когда мы познакомились, он извинился. В тот же день нежно взял меня за руку. Мы сидели рядом. Он посвятил мне стихотворение. Он верил в меня. Он танцевал со мной. Он пожертвовал ради меня многим. И в конечном счете... спас мне жизнь.

Глава 19

Мэделин

Быть новенькой мне не нравилось, но поделаться я не могла ничего.

Когда в самый разгар моей учебы в третьем классе мы переехали в Рокуолл, штат Техас, это был уже четвертый переезд за последние два года, так что мне очень быстро все осточертело. В началку я пошла, когда мы еще жили в городе Плано, но тут моя мама, Стейси Цукерман, угодила под сокращение, после чего мы в течение довольно короткого периода времени то и дело переезжали из города в город. Сначала это был Гран-Прери, потом Форт-Уорт – в обоих случаях маму брали на временную работу консультантом по финансовым вопросам, а потом быстро увольняли. Из Форт-Уорта мы переехали в Ричардсон, к северу от Далласа, – там нашлась вакансия бухгалтера в автосалоне. Именно тогда один мамин друг и познакомил ее с высоким и статным учителем из Рокуолла по имени Грант Мак Фэдден.

Так как я никогда не знала своего отца (он скончался от сердечной недостаточности – оказывается, у него был порок сердца, который врачи обнаружили слишком поздно), идея с отчимом мне понравилась. Хотя конкретно моего отчима я сочла чересчур идеальным – на несколько лет моложе мамы, с густыми волосами и широкой улыбкой. Я предположила и, думаю, не ошиблась, что в подростковом возрасте среди сверстников он был очень популярен – ну, знаете, явно из тех детей, которые либо игнорируют смысленных вроде меня, либо издеваются над ними. Но Грант был милым, эффектным, и у него была стабильная работа. Учитывая все обстоятельства, маме еще повезло.

И предложение выйти за него замуж она приняла с радостью.

Спустя всего полгода после знакомства они с Грантом обвенчались. Церемония состоялась в парке на берегу озера Грэйпвайн. И на той же неделе, в субботу, мы переехали к нему в квартиру.

На следующий день мы еще даже не успели до конца распаковать вещи, как Грант созвал первый совет семьи Мак Фэдден.

– Я тут подумал, – возвестил он, – что хочу начать нашу совместную жизнь правильно. Теперь мы семья, и я хотел бы, чтобы мы стали лучшей семьей в мире. Итак, барабанная дробь... – Он замолчал на мгновение и постучал пальцами по столу, изображая эту самую барабанную дробь. – Так как сегодня воскресенье, мне кажется, мы должны вместе пойти в

церковь. Что скажешь, Стейси?

– Не знаю, – ответила мама скептически. – Не то чтобы я была прилежной прихожанкой. А ты?

– О да. Каждое воскресенье ходил в церковь... когда был ребенком.

– А теперь? – спросила мама.

– Ну, не то чтобы... – замялся Грант.

– Так зачем начинать?

Я слушала с большим интересом.

– Я не хочу идти, – прервала я их разговор. – Мне и так предстоит завтра первая встреча с новыми одноклассниками, а знакомиться с детьми еще и в церкви я вовсе желанием не горю.

Мама и Грант не заметили моего комментария и продолжили разговор.

– Не знаю, – сказал Грант. – Разве не так хорошие родители проводят воскресенье – ведут своих детей в церковь, помолиться и все в таком духе? У меня никогда не было детей, так что я не знаю.

– Уверена, кто-то проводит воскресенье именно так. Только не знаю, потому ли они ходят в церковь, что хорошие родители, или же они хорошие родители потому, что ходят в церковь. Зато я уверена, что хватает там и паршивых родителей, – пожала плечами мама.

– Но в церковь ведь ходят, чтобы стать лучше, верно? Разве не стоит попробовать? – не отставал Грант.

– Смотри сам, – вздохнула мама. – Если тебе очень хочется, думаю, никому это не повредит.

Я снова вклинилась:

– Если кого-то здесь еще волнует мое мнение, я не хочу.

Грант делает вид, что думает, будто я пошутила:

– Тебе понравится, детка. Иди переоденься во что-нибудь приличное.

«Детка». Только так Грант меня и называл. Он никогда не говорил мне «Мэдди», или «Мэделин», или что-нибудь милое вроде «маленькая моя» или «сладкие щечки». Просто «детка». Иногда я спрашиваю себя, помнил ли он вообще, как меня зовут.

В Рокуолле много церквей, так что в выборе нас никто не ограничивал. Всего в пяти минутах езды от нашего дома были и пресвитерианская, и методистская, и мормонская, и англиканская, и католическая, и баптистская, и лютеранская церкви, и даже еще парочка для тех, кто не был приверженцем вышеперечисленных религиозных течений. Но для Гранта вероисповедание роли не играло: поход в церковь был для него жестом сугубо социальным, так что в какую церковь пойти – неважно. В результате всего спустя час после семейного совета мы решали: большая церковь на

левой стороне улицы или та, что еще больше, – на правой. Грант бросил монетку, и выпала решка. Вот так мы и оказались в огромной трехэтажной церкви для представителей всех конфессий, с витражами, вознесшимися на высоту даже большую, чем высота ее массивных дверей.

Вспоминая об этом впоследствии, я часто задавалась вопросом, как сложилась бы моя жизнь, а особенно ее детские годы, если бы выпал орел. Изменилось бы все к лучшему или наоборот?

Забавно, правда, как может изменить жизнь всего одна двадцатипятицентровая монетка?

Некто по имени пастор Стивенс, цвет костюма которого прекрасно гармонировал с его седыми волосами, был уже в середине своей проповеди, когда мы вошли в зал из часовни. Я проповедь проигнорировала, ибо учила новые слова из карманного словаря.

В заключение проповеди Стивенса молодой пастор по имени Стин благословил всех прихожан. Как только я услышала произнесенное им «аминь», сразу захлопнула словарь и вскочила с места:

– Аминь и аллилуйя. Конец. Теперь мы можем идти?

Заметив мое воодушевление, мама прыснула:

– Да, милая. Пойдем.

Однако Грант, похоже, не собирался заканчивать свой эксперимент с походом в церковь так рано:

– Не спеши. А как же воскресная церковная школа? Тут написано, что пастор Стин ведет занятия в воскресной школе. Целый час он занимается с детьми.

– Целый час? – простонала я.

– Час? – повторила мама. – А родителям все это время чем заниматься?

– Можно отведать кофе с пончиками в фойе. Иди перекуси и пообщайся с прихожанами, дорогая. А я отведу нашу детку к пастору и другим детям.

Я горячо молилась, чтобы мама эту идею не одобрила, но, как назло, в тот день она была как раз в настроении отведать пончиков. Так вот как здесь делают из человека религиозного фанатика – *через желудок*.

– Полагаю, я останусь, – сказала мама. – Надеюсь, у них тут вкусный баварский крем.

Грант широко улыбнулся и повернулся ко мне.

– Пойдем, детка. Познакомимся со здешней бандой.

Слово «банда» невероятно точно характеризовало учеников воскресной школы. Пастор Стин, возможно, и был духовным лидером, но тон здесь явно задавали те самые полсотни детей, что пришли на занятие в

огромный зал. Когда мы с Грантом вошли, пара подростков пытались подняться по стене. Кто-то играл в салки. Один мальчик примерно моего возраста откинулся на спинку стула и через соломинку стрелял по ни о чем не подозревающим людям послунявленными бумажными шариками.

Оказался в числе объектов и Грант.

Он встал в дверях, оглядывая происходящее, и сразу же хватанул снаряд. Липкий шарик вмазался ему в шею, чуть выше воротника. К моему удивлению, Грант, даже не моргнув глазом, просто смахнул его, сделав вид, что ничего не заметил. Конечно, так как он был учителем средних классов, то, вероятнее всего, привык к подобным обстрелам. Постояв пару мгновений, он взял меня за руку и прошел в переднюю часть зала, где пастор Стин тщетно пытался заставить детей успокоиться, чтобы начать урок.

– Пастор, – сказал Грант, – меня зовут Грант Мак Фэдден. Это... – Он заколебался. Я подумала, он собирается сказать что-то вроде «моя падчерица», или «ребенок моей жены», или, может быть, даже «мое новое семейное обязательство» – и выбирает из этого перечня. Но он начал предложение заново и с гордостью заявил: – Это моя новая дочь.

Мне понравилось, как это звучит. Очень.

– Мэдди, – добавила я, улыбаясь.

– Мы недавно сюда переехали, – продолжил Грант. – Или, во всяком случае, некоторые из нас. Хотим ощутить все прелести религиозной жизни, поэтому решили заглянуть и сюда тоже. Надеюсь, это не запрещено.

– Конечно, нет! Добро пожаловать. Мы вам очень рады, – отвечал пастор. Ему приходилось кричать, чтобы заглушить шум, который создавали дети. – Хотя у нас в церкви испытательного срока не бывает. Здесь коллектив и есть паства, – продолжил он и засмеялся над собственным замечанием. – Прошу прощения за этот беспорядок. Иногда детям требуется время, чтобы выплеснуть энергию, накопившуюся за время проповеди, – добродушно пояснил пастор, оглядел комнату и снова засмеялся: – И под «иногда» я имею в виду второй час каждой воскресной проповеди. Такое впечатление, что они не успокоятся вообще никогда.

– Вижу, – задумчиво кивнул Грант. И чуть погодя спросил: – У вас ведь нет педагогического образования?

– Боюсь, что нет, если только не считать то, что я воспитывал собственного ребенка. Я младший пастор, так что это своего рода боевое крещение. Учить детей – мое самое первое задание, и на подготовку времени мне не дали.

– Как давно вы здесь? – поинтересовался Грант.

– Достаточно долго, чтобы успеть прощупать почву, – ответил пастор. – Шестую неделю. Я ради церкви оставил основную работу; просто захотелось изменить свою жизнь. Не то чтобы здесь хорошо платили, но чего не сделаешь ради вечных благ... – И он снова засмеялся собственной шутке.

Грант улыбнулся.

– То есть один из этих сорванцов ваш?

– Да, – пастор указал на того мальчика с каштановыми волосами, который нещадно пулялся шариками, – вон тот. Его зовут Нэйтан.

Грант, казалось, уже забыл, что еще минуту назад был для Нэйтана мишенью. Он улыбнулся еще шире:

– Уверен, ваш сын – настоящее сокровище. – Помолчал, а потом уже более серьезным тоном спросил: – Пастор, может быть, вам здесь требуется помощь? Я школьный учитель, так что знаю, как обращаться с деьми, когда их столько. Конечно, решать вам, но я очень бы хотел вам помочь.

Пастор Стин оглядел беснующихся чад и взглянул на Гранта с таким выражением лица, будто подумал, что тот шутит:

– Не надо разбрасываться такими предложениями, а то ведь поймаю вас на слове!

– Но я говорю совершенно серьезно. Вам не помешает лишняя пара рук... а лучше несколько. Я знаю простые приемы, как привлечь внимание. Бьюсь об заклад, через пару недель у меня получится усадить всех на свои места и заставить слушать вас. А когда научитесь с ними обращаться, я вам буду не нужен. Честно говоря, это совершенно не трудно.

Пастор вынул руку из кармана:

– Я буду только рад, Грант. Вы приняты. Разумеется, оплата – ноль долларов в час. Сверхурочные – половина от этой суммы.

Грант с широкой улыбкой пожал ему руку.

– Лучше не бывает. И я смогу претендовать на те вечные блага, о которых вы упомянули?

– Знаете, если сможете заставить этих сорванцов слушать меня, вместо того чтобы дурачиться или вместе с родителями уплетать пончики, перед архангелами я поручусь за вас самолично. Как вам такая перспектива?

Из моих уст вырывается негромкий стон:

– То есть мы должны будем приходить сюда каждую неделю?

– Не должны, а будем приходить, детка, – радостно подтвердил Грант. – Будет весело. Поверь мне.

– Но по воскресеньям я обычно учу энциклопедию, – заскулила я.

Пастор Стин удивленно наклоняет голову:

– Учишь энциклопедию?

Грант отвечает прежде, чем я успеваю сделать это сама:

– О да, это надо видеть. Ее мать где-то раздобыла все тома энциклопедии, и девочка их щелкает как орешки. – Он посмотрел на меня сверху вниз, и во взгляде его, как мне показалось, читалась гордость. – Так на какой ты букве сейчас – «Г»?

Я подтягиваю свои очки с толстыми линзами выше к переносице:

– Почти выучила «Д». И, наверное, была бы уже на «Е», если бы ваша с мамой свадьба не отняла столько времени.

Грант повернулся к пастору.

– Видите? Правда впечатляет. Она впитывает факты как губка. Но я уверен, что приходить сюда для нее тоже будет вовсе не лишним. Помогите ей расширить горизонты и найти новых друзей, ладно?

– Уверен, Мэдди, ты прекрасно впишешься в компанию, – заверил меня пастор Стин. – И раз уж ты здесь, не могла бы ты занять какое-нибудь место, чтобы можно было начинать? Я очень хотел бы успеть до конца занятия хоть что-нибудь объяснить.

Я долго разглядывала помещение.

– Где мне сесть?

– Хм. А вот, рядом с моим сыном. Может быть, он от тебя чему-нибудь хорошему научится, – ответил пастор.

– Но он же плюется шариками через соломинку, – возмутилась я категорично.

Пастор засмеялся, словно я сморозила что-то очень смешное.

– Когда-нибудь он все же будет вести себя как взрослый. А пока что могу только поклясться, что в девочек он не стрелял никогда. Так что ты в безопасности.

Я несколько секунд смотрела на него, затем перевела взгляд на Нэйтана, потом снова на пастора Стина и наконец на Гранта.

– Иди, – Грант кивком указал в сторону Нэйтана, – все будет в порядке.

Вопреки всякому здравому смыслу я расправила плечи и поплелась к задним рядам, не выпуская из виду пустой стул рядом с местом, на котором сидел сын пастора. На подходе я услышала громкий голос Гранта, обращавшегося к аудитории. Он звучал так властно – я еще никогда не слышала у него подобной интонации. Я недолго понаблюдала, как другие дети реагируют на его наставления, но уже самого тона мне было достаточно.

Вдруг ниоткуда появился слюнявый шарик и приклеился мне прямо на лоб, чуть выше очков.

Сын пастора вскочил и крикнул:

– В яблочко! Смотрите все, смотрите! Я уложил четырехглазую жирафицу на месте!

Жирафиха. Так меня еще никто не называл, хотя прозвище было придумано не без причины – высокая, неуклюжая, с небольшим иксообразием, неправильным прикусом и высоким лбом, я и вправду напоминала жирафицу. По словам мамы, этим я пошла в отца.

– В детстве он тоже был высоким и долговязым, – как-то сказала она мне. – Но изменился... когда вырос.

После ремарки Нэйтана зал разразился хохотом.

Я замерла, памятуя, как спокойно и непринужденно вел себя Грант, когда сын пастора запульнул в него шариком. Я хотела быть такой же невозмутимой, но быстро поняла, что не смогу. Разрыдавшись, я щелчком сшибла шарик со лба и метнулась к выходу.

– Мэделин! – прокричал мне вслед Грант. – Пстой!

Я остановилась – не потому, что он сказал мне «Пстой!», а потому, что назвал меня по имени. Несколько минут назад Грант представил меня как свою дочь, а теперь в первый раз назвал меня иначе, чем просто «детка».

– Не уходи, – продолжал Грант.

Я застыла на месте, не оборачиваясь. Повисла неловкая пауза, и я поняла, что все уставились на меня. Сзади приближались шаги. Секунду спустя Грант обнял меня. Он наклонился и прошептал так тихо, что только я могла услышать его:

– Мне очень жаль. Но если ты сейчас уйдешь, пиши пропало. Ни один из этих детей никогда не будет тебя уважать. Поверь мне, лучшее, что ты можешь сделать, – это развернуться, дойти до своего места и сесть рядом с этим негодником. Вот это поставит его в тупик. Ты согласна? Я собираюсь поговорить с пастором Стином, и, думаю, у меня есть идея, как все исправить, так что тебе вовсе не стоит стыдиться.

Меня одолевало огромное желание убежать куда подальше и больше никогда не показываться на людях. Но в то же самое время мне очень хотелось верить: Грант знает, что говорит.

– Ты уверен? – прошептала я в ответ.

Он ласково улыбнулся и похлопал меня по спине.

– Я твой новый папа, малышка. Доверься мне.

Я сделала глубокий вдох, медленно обернулась и заставила себя подойти к пустующему месту.

Прежде чем я села, Нэитан алчно улыбнулся, засунул маленький

кусочек бумаги в рот и начал жевать.

– Эй, – прошептал он, – спорим, с такого близкого расстояния я смогу попасть тебе в ухо?

– Только попробуй, – прошипела я, нарочно не смотря в его сторону, и уставилась на Гранта, который снова оказался у входа в зал и сейчас разговаривал с отцом Нэйтана.

Пастор кивал и периодически смотрел то на сына, то на меня. Когда они с Грантом закончили, мой отчим сел в конце первого ряда, а пастор Стин пошел в середину зала.

– Ну, по крайней мере, вы чуть-чуть успокоились, – пошутил он. – Добро пожаловать в воскресную школу. Как вы можете видеть, сегодня к нам присоединились еще двое друзей.

Пастор кратко представил меня и на одном дыхании выпалил:

– И Грант, ее отец. Он добровольно присоединится к нам на некоторое время – поможет сделать так, чтобы час занятий прошел с пользой для нас всех. Итак, начнем с обсуждения. – Он сделал паузу и оглядел комнату, убедившись, что все взгляды обращены к нему. – Хотите – верьте, хотите – нет, но наш новый друг Мэдди – часть моего сегодняшнего урока. И мой сын Нэйтан.

– Я? – воскликнули Нэйтан и я почти в унисон.

Пастор махнул рукой – как будто мы с ним пошутили.

– Мэдди и Нэйтан, почему бы вам не выйти сюда и не встать рядом со мной, чтобы вас мог видеть каждый?

Мы обменялись озадаченными взглядами и неохотно вышли вперед. Пастор Стин ждал. Когда мы подошли, он взял нас за руки, так что мы оказались рядом.

– Итак, позвольте мне задать вам задание: опишите чувства Мэдди, когда Нэйтан стрельнул в нее шариком.

Он ждал, но никто не хотел отвечать.

– Кто-нибудь?

Несколько детей подняли руки.

– Она расстроилась, – сказал один.

– Нет, разозлилась, – возразил другой почти сразу. – Безумная Мэдди^[6].

Пара детей засмеялись, но пастор тут же велел им замолчать.

Одна из девочек постарше предположила:

– Ну, она заплакала, так что, наверное, расстроилась. Но и смутилась. Я бы на ее месте точно смутилась. Мне было ее очень жалко, я и сама была готова расплакаться.

Пастор кивнул:

– Все дали замечательные ответы. Уверен, наша Мэдди испытывала все эти чувства. Поднимите руки те, кто задумался, что бы сделал на ее месте, если бы в него выстрелили шариком на виду у десятка незнакомых людей.

Несколько детей подняли руки сразу же, большинство присоединились к ним через пару мгновений.

– А теперь поднимите руки те, кто хотел бы оказаться на ее месте, – произнес пастор.

Все тут же опустили руки.

Пастор стал говорить тише:

– Не буду просить вас поднимать руки, но сколько из вас смеялись над Мэдди?

Он не стал никого поднимать с места и дал всем время помучиться угрызениями совести.

– Ну и наконец, поднимите руку, если считаете, что круто быть по ту сторону соломинки, быть тем, кто унижает и издевается над другими.

И снова никто не поднял руку.

– Я рад. Потому что сегодня я хочу научить вас всех золотому правилу: поступай с другими так, как хотел бы, чтобы поступали с тобой. Можно переформулировать это правило так: не делай другим того, чего не хотел бы, чтобы другие сделали тебе, – проговорил пастор и снова сделал паузу. – А теперь давайте поприветствуем Мэдди и Нэйтана дружными аплодисментами за их актерскую игру, достойную премии «Оскар».

Все уставились на пастора, так и не хлопнув в ладоши.

И вдруг та девочка, которая уже высказалась по поводу моих чувств, заговорила снова:

– То есть они что, все это просто сыграли?

– Неужели ты думаешь, что я позволю такому случиться в воскресной школе? Конечно, нет, если это не часть спектакля. Да и потом, ты бы села рядом с тем, кто плюнул тебе в лицо, как ни в чем не бывало? Подозреваю, что нет – только если вы друзья и просто сыграли свои роли. Похоже, нам удалось всех вас разыграть! Уверен, вы все подумали, что Нэйтан просто был... Нэйтаном, в общем. Но нет. Не в этот раз, ведь правда, Нэйтан? – подмигнул пастор сыну.

– Нет, – робко ответил Нэйтан с интонацией скорее вопросительной.

Его отец одобрительно улыбнулся:

– Нет. Не мой Нэйтан. Мой сын не стал бы делать такие обидные вещи, потому что знает: если бы стал, у нас был бы с ним очень серьезный

разговор в офисе пастора Стивенса, и он бы оказался под домашним арестом по меньшей мере на месяц. – С этими словами пастор обнял Нэйтана крепко-крепко, как будто пытался привлечь его внимание к тому, что только что сказал. – А как вам слезы Мэдди? Это ж форменный Ниагарский водопад. Высший класс. Это ты так дома научилась притворяться, что плачешь, Мэдди?

Я быстро взглянула на пастора, не зная, что ответить, а затем посмотрела туда, где сидел мой отчим. На лице Гранта сияла улыбка. Он почти незаметно кивнул мне.

– Ну да, – проямлила я.

Пастор Стин оглядел детей в зале:

– Видите? А теперь, ребята, я серьезно, давайте похлопаем этим двоим, прежде чем они сядут обратно на свои места.

Пастор захлопал, и все присоединились к нему.

Когда аплодисменты стихли, мы с Нэйтаном поплелись на свои места в заднем ряду и сели. До самого конца занятия мы не проронили ни слова, хотя пару раз обменялись взглядами. Я внимательно слушала пастора – было видно, что Стин не имеет опыта преподавания, но мне очень понравился его тезис о том, что нужно быть добрым к другим людям. К моему удивлению, многие из тех, кто на первый взгляд показался мне шумным и неприятным, тоже жадно впитывали его слова. В моменты же, когда степень внимания ослабевала, пастор спокойно обращался к Гранту со словами вроде:

– А теперь я на пару минут передам слово мистеру Мак Фэддену!

И тогда мой отчим вставал и делал все, что требовалось, чтобы восстановить внимание. Обычно хватало единственного ладно скроенного вопроса тому, кто создавал шум. А одного из детей, рыженького с задних рядов, Грант даже вызвал на свое место, чтобы тот поделился своим богатым личным опытом и объяснил, с чего вдруг такая обширная дискуссия. После этого в зале воцарилась тишина. Не знаю, потому ли, что детям действительно было интересно выслушать комментарии этого мальчика, или потому, что никто не хотел идти к доске следующим... Но ведь сработало!

Под конец нашего часового занятия краем глаза я заметила, как Нэйтан Стин теревит в руках клочок бумаги, и тут же испугалась, что урок своего отца он проигнорировал и собирается опять обстрелять меня шариками. Но он вытащил карандаш из кармана, начал строчить, и в конце занятия, прежде чем я успела встать, на моих коленях оказалась записка. Нэйтан молча смотрел на меня, словно очень хотел, чтобы я прочитала. Я взяла

записочку в руки. И вот что в ней было:

Папа был прав. Я вел себя как свинья. Может, мы никогда не будем друзьями, но я все равно хочу извиниться. Прости меня, ладно? Обведи тут ДА или НЕТ.

Я подняла глаза и увидела, как Нэйтан нервно протягивает мне карандаш. Я взяла его, быстро обвела нужный вариант и передала все назад.

Нэйтан взглянул на записку, кивнул и мгновенно удрал, не сказав мне ни слова.

Вот тогда-то я и увидела рядом Гранта. Он нагнулся ко мне:

– Что это сейчас было?

Я пожала плечами:

– Он извинился.

– Ооо! А знаешь, может, он не такой уж плохой. А ты-то что ответила?

Я снова пожала плечами:

– Ничего. Просто обвела «да».

Глава 20

На следующий день я впервые пришла в новую школу. Это был не худший день в моей жизни, хотя назвать его хорошим язык не поворачивается. Самое ужасное произошло во время перерыва на ланч, когда ко мне подошли парень с девушкой и сказали, чтобы я пересела, – оказывается, я заняла стол для крутых. А я сделала грубейшую ошибку, ответив, что я тоже крутая.

– Правда, – пробормотала я, – в моей прошлой школе все меня любили.

Все было совсем не так, но я подумала, что хорошо сочиненный миф может облегчить мое пребывание здесь.

В ответ на мой опус парень с девушкой расхохотались, особенно парень, так что все вокруг услышали:

– Ты? Да ты свои очки-то видела? У моей бабушки и то лучше. Ты, случайно, не победительница конкурса «Мисс ботан»?

Ботаником меня называли уже не впервые.

Я действительно была умнее сверстников. Плюс к этому еще и носила очки с исключительно толстыми линзами и была исключительно высокого роста. Но разве из-за этого я ботаник? На мой взгляд, это всего лишь подтверждает мою исключительность! Я встала, возвышаясь над парнем, и сняла очки.

– Так лучше? – спросила я. – То, что я в очках, не делает меня ботаником. Хотя, может, ты просто слепой.

Моя мама всегда говорила, что я красивая, – у меня ее скулы и папины большие голубые глаза. В глубине души я и сама верила, что красивая, но проклятые очки все портили. Вот только без них я ничего не видела.

Когда я скосила глаза в сторону этих двоих, они только еще сильнее захохотали.

– Все равно ботаник, – прокричала девушка. – А теперь подвинься, освободи место для реально клевых людей.

Но был все же единственный момент, который можно было с некоторой натяжкой назвать положительным: в моем новом классе оказался человек, с которым я уже была знакома. Сын пастора. Хотя за весь день Нэйтан не сказал ни единого слова, я смотрела на него из противоположного конца класса, не сводя глаз. Удивительно, но здесь он вел себя куда приличнее, чем накануне в церкви. И я задумалась, какой же

он – настоящий Нэйтан Стин? Ангелочек, сидящий через несколько парт от меня, или чертенок, еще вчера пулявшийся шариками?

Учительница по имени мисс Вассер посадила меня за стол у окна, рядом с девушкой по имени Стефани, очень симпатичной, но тупой как кирпич. На уроке математики я заметила, как она списывает у меня, так что быстро подняла руку и пожаловалась учительнице, которая тут же отвела Стефани к директору. Когда та вернулась, в руке у нее была записка, которую она сунула мне под партой. Я подумала, что Стефани тоже решила извиниться в письменном виде, как Нэйтан вчера.

Но нет.

В записке было всего одно предложение: *Нинавижу тебя!*

Любой бы на моем месте расхохотался вслух, ведь так? К несчастью для Стефани, мой истерический хохот не остался незамеченным для мисс Вассер.

– Не поделишься с нами, почему тебе так весело, Мэделин? – спросила преподавательница.

– Да нет, – ответила я, все еще посмеиваясь.

Но Вассер все равно подошла к нашей со Стефани парте.

– Ну же, расскажи нам.

Мне не хотелось снова подставлять Стефани, но ведь она сама напросилась. Так что я передала записку учительнице со словами:

– Просто Стефани прислала мне вот это. Думаю, она действительно меня *нинавидит!*

И снова расхохоталась.

Стефани снова отправилась к директору, только теперь с концами.

На следующий день мисс Вассер пересадила меня, и теперь моим соседом по парте стал Нэйтан Стин. Но мы по-прежнему почти не разговаривали. По окончании уроков учительница позвала нас с Нэйтаном к своему столу.

– Мэдди, – начала она, – сегодня я посмотрела результаты твоих тестов в предыдущей школе. Ты ведь настоящий вундеркинд?

– Да, мэм, – откровенно согласилась я. – Несколько раз мне даже предлагали перейти в другой класс, и единственная причина, по которой я отказалась, – наши с мамой вечные переезды.

– Тогда я посадила тебя правильно. Нэйтан мой главный ученик. Вы с ним будете друг друга подстегивать, помогать покорять новые вершины.

Возможно, момент был не самый подходящий, но я наконец решилась заговорить с Нэйтаном и спросила:

– Так ты что, умный?

– Да уж поумнее тебя, – огрызнулся он.

Я закатила глаза:

– Ага, мечтай!

– Ребята, мы же не на соревнованиях, – вмешалась учительница. – Я просто хочу, чтобы небольшое соперничество между вами помогло вам обоим выйти на новый уровень. Поднять планку, так сказать. Я буду вам давать специальные задания, так что вы не соскучитесь. Ну что, сможете работать в паре?

Нэйтан уставился на меня и неохотно кивнул.

Я увидела, что он кивнул, и тоже кивнула.

– И надеюсь, – продолжила мисс Вассер, – вы оба можете быть лидерами – помогать одноклассникам в том, что вам хорошо дается. Как думаете, справитесь?

– Да, – ответили мы по очереди, с подозрением глядя друг на друга. Мисс Вассер, возможно, не хотела, чтобы мы с Нэйтаном стали соперниками, но получилось именно так. С этого дня мы оба делали все, что могли, чтобы доказать, кто из нас умнее. В этой гонке мы шли ноздря в ноздю.

Ноздря в ноздю, но лидер все же был. Вернее, со временем появился.

Пусть Нэйтана все любили, пусть он был самым спортивным, общительным и забавным, но в том, что касалось учебы, на шаг впереди всегда была я. Он никогда не говорил напрямую, но я-то знала, что мое превосходство его бесит. Но иногда, когда мне приходилось в одиночестве отсиживаться в углу или за обеденным столом или после занятий одной возвращаться домой, я очень хотела быть не умной, а крутой.

Такой, как Нэйтан.

До конца третьего класса мы отсидели за одной партой, но как были соперниками, так ими и остались. Помимо школы я выходила в общество лишь раз в неделю – на занятия в воскресной школе, которые вел отец Нэйтана. Туда меня неизменно сопровождал Грант. Но там Нэйтан снова принимался за старое. Находясь в «доме Божьем», он позволял себе заметить мое присутствие, лишь когда хотел продемонстрировать, что знает больше о Священном Писании, нежели я.

– Подумаешь, Библия... – ответила я ему однажды, когда он злорадствовал над очередным моим поражением. Насколько я помню, речь шла о труде мормонов под названием «Драгоценная жемчужина».

– Библия – это наша история, – с пафосом возразил Нэйтан. – Только не говори, что не любишь историю.

Ладно, допустим, тут он меня обошел. Но его злорадство только

подстегнуло меня, и я начала копать. Чтобы восполнить пробел в религиозном образовании, я попросила у мамы пару пособий по Библии и прочла Новый Завет от корки до корки. Бог и я оба понимали, что в действительности все это меня интересовало мало – я просто не хотела знать меньше, чем всезнайка Нэйтан.

Летние каникулы после третьего класса стали для семьи Мак Фэдден незабываемыми. Во-первых, Грант официально меня удочерил, так что теперь я, как и мама, носила фамилию Мак Фэдден. Во-вторых, мы переехали из старой квартиры в новый дом. А когда перевезли все вещи, мама сообщила, что беременна. К концу лета она узнала, что у нее будет девочка, и от этой новости я пришла в совершенный восторг. Но лето было незабываемым и еще по одной причине: в нашем районе, всего в нескольких кварталах от моего нового дома, появился новенький.

Его звали Рэндалл Теодор Роулинз. Рэнди.

Первое, чем Рэнди выделялся, – его рост. Он был выше не только меня, но и всех моих одноклассников и даже пятиклашек. Еще бросались в глаза его волосы – длинные, аккуратно расчесанные на пробор. Он мог провести рукой по своей роскошной гриве, и волосы колыхались на ветру – однажды я шла мимо его дома и заметила это. Я тогда в первый раз подумала о парне: «Какой же он симпатичный!» Рэнди стал моей первой любовью. Конечно, будучи всего-навсего ученицей четвертого класса, я даже в мыслях не могла представить себе, что когда-нибудь смогу сама признаться ему в своих чувствах, но надеялась, что он поймет по тому, как я улыбаюсь и машу ему вслед каждый раз, когда он проходит.

Когда началась учеба, Рэнди потребовалось несколько недель, чтобы наладить контакт с новыми одноклассниками. Они с Нэйтаном вместе играли в футбольной команде лиги и быстро сдружились. К концу футбольного сезона ребята были почти неразлучны.

Первые полгода дружба Рэнди с моим соперником по учебе меня совершенно не беспокоила. Они много времени проводили вместе, и мне это нравилось, потому что я могла видеть объект моих вздыханий. Но после рождественских каникул Рэнди выкинул такой фортель, что весь мой мир рухнул: по секрету рассказал своему другу, что влюблен в меня. *В меня!* Жирафиху в очках!

Естественно, Нэйтан растрепал эту новость всей школе.

С одной стороны, что-то во мне привлекло парня, тем более Рэнди, – было приятно. Особенно приятно, что он оценил не мои результаты тестов или стройные ноги. С другой стороны... нет, другой стороны просто не было. Я наслаждалась моментом.

К сожалению, это продолжалось всего два дня.

Когда Рэнди понял, что его «тайна» распространяется, словно лесной пожар, он попытался сгладить масштаб трагедии. Но когда понял, что от этой новости страдает его социальное положение, то и вовсе стал все отрицать. Я сидела достаточно близко к его столу в столовой, чтобы расслышать, как приятели допрашивали его с пристрастием. В панике он ответил:

– Я слышал, у Мэдди вши! Ну и на фиг она мне такая сдалась? Педикулез – вещь заразная!

И все. Теперь все вокруг были уверены, что у Мэделин Мак Фэдден вши. Хотя это была очевидная ложь, все на нее купились. Практически мгновенно из громадины, которая никому не нравилась, потому что слишком умная, я превратилась в громадину, которую никто не любил, потому что слишком умная *и плюс к этому* настолько заразная, что с ней нельзя даже дышать одним воздухом. Меня стали называть либо «МакВша», либо просто «Вшивая». И все меня избегали. Никто не осмеливался подойти ко мне, даже когда Рэнди признался, что все выдумал. Преподаватели просекли, что происходит, но даже они оказались бессильны против этой «эпидемии» – к тому моменту она уже вышла из-под контроля.

По ночам я плакала в подушку. Мама и Грант знали, что происходит, но помочь не могли.

– В детстве со мной тоже было нечто подобное, – как-то сказал мне Грант, когда они с мамой пришли пожелать мне спокойной ночи. – Просто держись. Рано или поздно все это пройдет.

– Ты уверен? – спросила я, вытирая мокрое от слез лицо о простыню.

Он потрепал меня по волосам.

– Поверь мне, детка. В конце концов они забудут об этом, как только случится что-то еще. И тогда жизнь вернется в прежнее русло. Так ведь, дорогая?

– Безусловно, – согласилась мама. – Просто держись, милая. – Она наклонилась и поцеловала меня в лоб. – И не забывай: мы с Грантом тебя любим, а все остальное совершенно неважно. Чего бы плохого ни случилось в школе, дома ты в безопасности, – добавила она.

Я обняла маму и посмотрела на Гранта:

– А тебя как дразнили, когда ты был в моем возрасте?

Он задумался на секунду.

– Честно? Жирдяем называли. Или употребляли другие, менее лестные выражения.

– Погоди, так ты был жирным? – спросила мама.

Грант усмехнулся и погладил ее по животу:

– Ну, конечно, не таким, как некоторые тут. Просто упитанным. Но, знаешь, все эти издевательства сделали меня сильнее. Я захотел похудеть, чтобы они больше не могли обзывать меня обидными словами. – Он снова потрепал меня по волосам и рассмеялся: – Другими словами, все, что тебе нужно, – это избавиться от вшей, и все будет прекрасно.

Я нахмурилась:

– Как я могу избавиться от того, чего нет?

– Никак. Но если ты будешь продолжать улыбаться, рано или поздно остальные поймут, что у тебя их нет – или хотя бы что ты не заразная, и тогда все пройдет.

Через две недели мама родила девочку, и это меня несколько отвлекло. Родители назвали мою сестренку Элиза. Я часто брала ее на руки. Иногда, когда никто не мог слышать, я с ней разговаривала – рассказывала свои тайны и пугала ее тем, какими дети могут быть жестокими.

– Я не допущу, чтобы над тобой издевались так, как издеваются надо мной, – говорила я шепотом, баюкая Элизу. – Для этого и нужна старшая сестра: чтобы всегда защитить тебя, чтобы всегда любить тебя. Твоя старшая сестренка всегда будет заботиться о тебе. Обещаю.

В течение следующих нескольких месяцев я терпеливо ждала, что случится «нечто», благодаря чему, как обещал Грант, обо мне перестанут судачить. Но изо дня в день мой кошмар повторялся.

К апрелю я почти потеряла надежду, что когда-нибудь перестану быть в глазах окружающих источником «заразы». Торопила время в надежде, что пары месяцев летних каникул хватит, чтобы мои сверстники подыскали себе какую-то другую тему для разговоров, а меня оставили в покое. Я устала от того, что все разбегаются каждый раз, когда я подхожу к детской площадке, или многозначительно замолкают, когда прохожу мимо. Устала, что одноклассники делают вид, что надели защитный костюм.

В мае учителя сообщили, что все ученики, которые в течение года вели себя безупречно, получают бонус – поход на роллердром. Я не могла понять, как поведение моих одноклассников можно назвать безупречным – разве что безупречно отвратительным, – но все равно очень хотела пойти: катание на роликах было, пожалуй, одной из тех немногих вещей, которые я умела делать хорошо. Мама подарила мне первые ролики, когда мне было всего шесть лет, и я почти не снимала их, пока не научилась кататься лучше всех. Так что я сочла поход на роллердром моим шансом произвести впечатление.

Самый важный день выпал на пятницу. Утром нас посадили в автобусы, на которых через весь город повезли к спортивному центру, где в нашем распоряжении оказался целый каток. Свою пару роликов я получила одной из последних, поэтому к тому времени, как я их зашнуровала, большинство уже выписывали круги в сиянии огней дискошара. К моему разочарованию, некоторые держались на роликах намного лучше, чем я. Кто-то даже мог кататься спиной вперед. И хотя не все стояли на ногах уверенно, многие могли проехать какое-то расстояние, не грохнувшись. «Даже если я и не лучшая, – шепотом сказала я себе, – то уж точно в первой десятке».

Я не заметила, что в пределах слышимости оказался Рэнди – еле-еле, цепляясь за бортик, он пытался хоть как-то двигаться. Таким жалким я его не видела еще никогда. Чувствовалось, что Рэнди здесь неуютно. Казалось, его ноги вот-вот подогнутся под весом его массивного тела.

– Ты что, сама с собой разговариваешь? Вообще-то тут еще есть с кем поговорить, – остановил он меня.

Конечно, Роулинз не хотел грубить. Он даже, наверное, намекал, что поговорить можно и с ним. Но у меня слишком сильно путались мысли, поэтому я заняла оборонительную позицию.

– А ты что, катаешься на роликах, Рэнди? Знаешь, у них тут есть специальный каток для маленьких деток. На случай, если тебе нужна помощь, – снисходительно улыбнулась я.

В мгновение ока Роулинз стал совершенно пунцовым:

– Ну так давай, четырехглазая, попробуй меня уделать!

Он впервые говорил мне в лицо что-то обидное. Хотя вся история со вшами началась с подачи Рэнди, он никогда не позволял себе оскорблять меня и даже пытался пресечь слухи, когда понял, что натворил.

Поэтому слышать оскорбления от него было гораздо больнее, чем от кого бы то ни было. Я склонила голову набок, и мои волосы упали мне на плечо.

– Запросто! – бросила я, въезжая на каток.

Я с легкостью скользила мимо катающихся. Когда закончила первый круг, посмотрела через плечо – Рэнди все еще за мной наблюдал – и злорадно отметила про себя, что его лицо уже даже не пунцовое, а темно-бордовое. Кажется, то, как я его уделала, ему совсем не понравилось. Но на следующем круге я заметила, что выражение его лица изменилось. Он больше не хмурился, а улыбался. Только улыбка эта выглядела совсем не доброй. Это была скорее кривая ухмылка, не предвещавшая ничего хорошего.

Как только я приблизилась, Рэнди поднял руку и указал на меня. А затем громко, так, чтобы каждый мог слышать, даже громче музыки из динамиков, прокричал:

– Осторожно, тут Вшивая! Она сейчас по всему катку своих вошек разбрасывает!

Я продолжала кататься, хотя прекрасно понимала, что теперь на меня смотрят все. И поэтому сделала пару грациозных проходов к центру катка, затем отклонилась вправо и поехала вдоль стены, красуясь перед зрителями. Но на половине второго круга уже начала понимать, что Рэнди добился-таки своего. Теперь уже все катались не ради удовольствия, а лишь с одной целью – *уехать подальше от меня*. Я чувствовала себя акулой в бассейне с лососем: если ехала в одну сторону, все сбивались в кучу напротив. Я уходила влево – они перемещались вправо. Я отклонялась – и все отклонялись в противоположную сторону. Куда бы я ни направилась, остальные старались держаться так, чтобы между нами была «подушка безопасности».

Я сделала еще пять кругов и больше не смогла – съехала с катка и села на скамейку рядом, вся дрожа мелкой дрожью, но не собиралась плакать, доставляя всем удовольствие.

И тут вдруг заметила, как наша учительница сделала знак рукой Нэйтану – тот играл в салочки в компании еще нескольких наших. Должна заметить, катался он вполне сносно, хотя это меня не удивляло: он же был хорош во всем. Он отделился от группы и подъехал к учительнице. Пару раз кивнул, когда та что-то сказала, и один раз посмотрел в мою сторону, что застало меня врасплох. Я быстро опустила взгляд, делая вид, что не заметила.

Минут через десять диджей объявил, что собирается поставить медленную композицию. Весь класс оживился. Пары? Мальчики и девочки, рука в руке? Добровольно? Настоящее испытание – теперь каждый хотел увидеть, кто первым сломает гендерный барьер. А из громкоговорителя снова донесся голос диджея:

– А теперь приглашаются только пары! Только пары. Все остальные, пожалуйста, покиньте каток. Мальчики, это ваш шанс позвать ту самую на медленный танец!

В считанные секунды каток опустел. Затем несколько смельчаков, держась за руки, робко въехали на середину. Первыми, кто осмелился, были Эндрю и Гретхен – но они и так вместе занимались в танцевальной школе, поэтому за руки наверняка подержаться уже успели. За ними последовал Пол, парень с длинными волнистыми волосами. Он вез за собой девушку

по имени Аманда, которая явно очень смутилась. Следующими были Аарон и Эрин – оба вообще не умели кататься, но, судя по всему, им было очень весело помогать друг другу держаться на ногах.

Я сидела на скамейке возле закуской, наблюдая, как пары кружат по катку, и искренне желая побыстрее оказаться дома, так что не заметила, как сзади подошел Нэйтан и предложил:

– Мэдди, хочешь покататься?

Я вскочила, когда он произнес мое имя, и чуть с ног не свалилась. Восстановив равновесие, посмотрела на Нэйтана с подозрением и спросила:

– Зачем? Чтобы Рэнди и другие твои друзья могли надо мной поржать?

– Нет. Я просто хочу кататься с кем-то, кто не спотыкается через каждые три секунды. Я видел, как ты катаешься. Довольно неплохо, – подмигнул мне Нэйтан.

Я огляделась, понимая – и правильно, – что другие смотрят на нас:

– А как насчет всех остальных? Тебя не волнует, что они скажут?

Он только пожал плечами.

– Заставлять не стану. Так мы катаемся или нет?

Еще раз глянув на зрителей, я решилась. Как же можно отказаться, если тебе предлагает покататься сам Нэйтан Стин?

– Хорошо, – сказала я, стараясь казаться спокойной. – Но предупреждаю: если снова попробуешь что-нибудь вытворить, об этом сразу же узнает твой папа.

Нэйтан снова пожал плечами и протянул мне руку.

Со всех сторон доносились стоны:

«Он дотронулся до Мак Вши!»

«Его что, не колышет, что у нее вши?»

«А может, он уже заразился!»

То, что я держалась за руки с Нэйтаном на глазах у всех, конечно, не могло исправить всю ситуацию с издевательствами в школе, но, должна признать, мне было очень приятно. Целую минуту мы катались молча, не отрывая глаз от пола. Я хотела взглянуть на толпу, которая собралась на другой стороне катка и наблюдала за нами, но не решилась. Наконец, все еще глядя перед собой и игнорируя Нэйтана, я пробормотала:

– Это ведь миссис Альбернати заставила тебя меня пригласить, правда?

– Нет. Она не заставляла.

– Но я видела, как ты разговаривал с ней.

– Да. Она спросила меня, смогу ли я. И я ответил, что да.

С мгновение я переваривала информацию. Потом спросила:

– Почему? Ты не боишься... Ну, там, вшей, например?

– Глупости какие. У тебя их никогда не было, я прекрасно это знаю, – отмахнулся Нэйтан.

Я непроизвольно улыбнулась:

– Да что ты?

– Да. Все знают. Только ничего не меняется. Вообще, это Рэнди не надо было распускать сплетни. Но он просто не хотел признаваться, что в тебя втюрился.

Впервые, катаясь на роликах, я ощутила, что вот-вот потеряю равновесие. И уже начала спотыкаться, но Нэйтан твердо стоял на ногах и помогал мне.

– Он в меня *что*? Я думала, я ему просто... Ну, знаешь, не противна, – промямлила я.

– Правильно. А значит, ты ему нравилась. И, думаю, нравишься до сих пор, – сказал Нэйтан.

Моя улыбка стала шире. Я не хотела испортить момент лишними словами, так что перестала задавать вопросы. Скоро песня закончилась. Когда музыка стихла, я отпустила руку Нэйтана и вытерла потную ладонь о лосины. Мне хотелось сказать очень много, но самым подходящим к ситуации я сочла простое «спасибо».

– Ты классно катаешься, – сказал Нэйтан робко и поехал к своим друзьям.

Опять зазвучала музыка, а я по-прежнему стояла посередине катка. Те ребята, которые не нашли себе пару, снова вернулись, и я мысленно приготовилась к новым издевательствам и роли изгоя.

Только этого не произошло.

Все изменилось после всего одного танца с Нэйтаном – даже несмотря на то, что он почти ничего не сделал. Но теперь все просто катались рядом, не обращая на меня никакого внимания. Некоторые из одноклассников даже улыбались мне. И я больше не была Вшивой.

Чуть погодя Рэнди, которому приходилось держаться за бортик, позвал меня и извинился за все, что он сказал, и сегодня, и раньше. А потом попросил научить его кататься.

Объявили белый танец, и мы с Рэнди медленно покатали вдоль ограждения. Для меня, простой четвероклашки, кататься с моей первой любовью было настоящим чудом.

Позже вечером, когда мама и Грант вернулись с работы домой, я поделилась новостью:

– Сегодня и правда был хороший день. Ты прав был, Грант, – объявила я, сияя улыбкой. – Сегодня произошло то, благодаря чему никто больше не назовет меня Вшивой.

– Что же? – спросил Грант.

Я не хотела распространяться о том, что произошло у меня с Рэнди и Нэйтаном, – слишком личное, по-моему. Думая, что рассказать Гранту, я вспомнила притчу, которую слышала от пастора, – об исцелении проказы прикосновением руки, и все само собой разрешилось:

– Да ничего особенного... просто случилось чудо.

Глава 21

Как и во все предыдущие годы, в первую среду сентября был день открытых дверей: чтобы учащиеся могли познакомиться своих родителей с новыми учителями, а учителя – рассказать о программе и планах на будущий учебный год. Так как в школе, где Грант работал, день открытых дверей был свой, мы с мамой и Элизой превратили этот вечер в девичник. Сначала отправились в библиотеку и взяли все нужные мне в следующем месяце книги. Потом пообедали в пиццерии. А закончился день экскурсией по школьному крылу для пятиклассников.

Когда мы с мамой прибыли в школу, Нэйтан с родителями уже уходили.

Пастор Стин был весел, как никогда.

– Стейси! Мэдди! Как сегодня дела у двух моих любимых Мак Фэдденов? – радостно воскликнул он. И тут увидел сверток в пеленке, который мама держала на руках. И поправил себя: – О, то есть у трех моих любимых Мак Фэдденов! Это ведь Элиза, верно?

Мне нравилось, как пастор был со всеми дружелюбен. Вот бы его сын тоже со мной разговаривал подобным образом. Тем летом мы виделись с семьей Стин только дважды – первый раз в продуктовом магазине, а потом столкнулись с ними в бассейне. И оба раза Стин-младший не сказал мне ни слова. Собственно, он со мной с самого роллердрома не разговаривал, но я как-то вычитала в энциклопедии, что юноши в период полового созревания чувствуют себя неловко рядом с девушками, поэтому его молчание нормально.

– Здравствуйте, пастор, – ответила я. – Хорошо, спасибо.

– Ты всегда так вежлива, деточка, – заметила миссис Стин.

– Мы скучали по вас с Грантом, – сказал пастор. – В воскресной школе без него все совсем не так.

Я сразу поняла, что насчет незаменимости Гранта он шутит, но это было очень мило с его стороны. Хотя поначалу Грант и правда очень помогал пастору – всего за пару месяцев превратил цирк с конями в нормальную воскресную школу. К четвертому или пятому месяцу он научил пастора основным правилам и секретам, а дальше тот вполне справлялся сам.

– Грант теперь в своей школе играет цербера, – с гордостью поделилась мама.

Глаза миссис Стин загорелись:

– Это верно. Я слышала, его повысили.

– И да, и нет. Ему поручили больше работы, но повышением я бы это не назвала. Пока еще нет, в любом случае. Его должность они назвали чем-то вроде заместителя заместителя директора. Свои обязанности он совмещает с преподаванием – учит детей математике. В данный момент дел у него невпроворот, но это отличная возможность показать свои административные навыки. Грант правда работает с огромной отдачей. Надеюсь, они это заметят и сделают его заместителем директора еще до конца года, – рассказала мама.

Я была очень рада слышать из ее уст такие слова о Гранте. Просто когда они в церкви давали друг другу клятву, я не думала, что их брак продлится долго. Мне их отношения не казались серьезными и Грант не казался надежным. Да и у мамы до Гранта было так много мужчин, с которыми ничего не получилось, что я даже начала сомневаться в самой возможности для нее удачно выйти замуж. А потом появился Грант, и теперь всего пару месяцев оставалось до второй годовщины их с мамой брака, у меня родилась сестренка – кажется, жизнь складывается замечательно.

– Уверена, все так и будет, – покивала нам миссис Стин. – Он ведь так хорошо ладит с детьми. У него большое будущее.

Ее муж тоже кивнул в знак согласия:

– Совершенно верно. Грант – идеальный кандидат на эту должность. Передайте ему это – и наш горячий привет. И надеемся увидеть вас всех в церкви в ближайшие несколько недель.

– О, не волнуйтесь, – ответила мама. – Теперь, когда мы наконец разобрались с распорядком дня, мы, безусловно, придем в церковь все вместе. Можете на нас рассчитывать.

Я никогда не забуду эти слова и тот вечер.

Через неделю мама сдержала обещание, но совсем не так, как хотела.

Была служба. Голос с трибуны я слышала, но сил разглядеть говорящего у меня не было. Голос, судя по всему, принадлежал пастору Стивенсу:

– Сейчас мы скорбим вместе с семьей Мак Фэдден. Мы знаем, вам очень трудно сейчас. Мы скорбим вместе с вами. К несчастью, Стейси ушла от нас слишком рано. Сегодня мы чтим ее память и воздаем должное...

Я делаю над собой нечеловеческие усилия, чтобы всего этого не

слышать. Я не хочу слышать, как пастор с кафедры говорит что-то о моей матери; не хочу, чтобы все это было по-настоящему. Я просто хотела, чтобы все в мире стало так, как раньше, до дня открытых дверей. Я повернула голову и посмотрела на Гранта, который сидел рядом. Он почти не разговаривал со мной с той ночи. Его губы были сжаты, глаза открыты, но он, похоже, ничего вокруг не замечал. Просто уставился в пустоту. Еще бы – за последнюю неделю он не только лишился жены, но и новой перспективной должности: руководство решило, что в сложившихся обстоятельствах и для него, и для учеников будет лучше, если он сосредоточится только на преподавании.

Но всего этого было как будто бы недостаточно – теперь ему предстояло еще и в одиночку растить двоих детей.

На время похорон Грант оставил Элизу с одним нашим знакомым. А мне так хотелось держать ее на руках, говорить с ней! Хотелось качать ее и рассказывать о маме то, чего она сама никогда не узнает...

Голос с трибуны все говорил и говорил – то, что, видимо, должно было принести облегчение, но я не слушала и продолжала прокручивать в голове события той ночи, пытаюсь понять, как можно было все изменить.

Это случилось после дня открытых дверей. Мы с моим новым учителем проговорили гораздо дольше, чем ожидалось, о предстоящей выставке научных работ, так что домой мы с мамой вернулись уже почти в ночи. Когда машина подъехала к дому, мама вдруг вспомнила, что ей нужно купить что-то к завтраку. Пока ее не будет, я должна была успеть почистить зубы, чтобы к ее возвращению лечь спать.

– А Элиза? – спросила я, вылезая из машины.

– Послушай, она уже спит, поэтому я просто возьму ее с собой, – отмахнулась мама.

– Ты ведь не долго?

Она пообещала, что быстро, и укатила.

Магазин был всего в двух-трех минутах езды от нашего дома, так что я знала: много времени поездка ее не займет. Но вышло иначе: я все ждала и ждала, а мамы все не было. А потом, когда я уже лежала в постели, вместе с легким летним ветерком до меня донесся звук сирены. Когда он стих, я уснула, так и не дождавшись мамы, чтобы вместе перед сном помолиться.

Может быть, надо было помолиться, не дождавшись ее. Кто знает, может, Бог услышал бы мои молитвы и того, что случилось, не произошло бы.

Проснувшись, я обнаружила Гранта в совершенно жутком виде. Я не могла понять, что происходит: единственное, что мне удалось вытянуть из

него, – словосочетание «несчастный случай». Но на следующее утро, пока он еще крепко спал, я увидела статью на первой полосе местной газеты под заголовком, в котором были слова «убийство» и «угон».

В статье писали, что, по показаниям очевидца, на парковке около магазина на маму кто-то напал. Нападавший потребовал у нее ключи от машины, а она закричала, что на заднем сиденье ребенок. Ключи мама, естественно, не отдала, и тогда он вытащил нож, воткнул ей в горло и убежал.

Пару дней спустя полиция выяснила, кому принадлежат отпечатки, оставленные на ноже. Убийцей оказался студент местного колледжа по имени Джейк Шпиц. В ту ночь он здорово накачался наркотиками, и у него начались галлюцинации: парню чудилось, будто его кто-то преследует. Позже в полиции нам сказали, что Шпиц пришел в ужас, когда узнал, что все это ему не привиделось.

Только это было неважно. Потому что мамы у нас не стало.

– ...И мы хотели бы поблагодарить всех за то, что пришли сегодня. Сейчас пастор Стин произнесет молитву, после чего просим несущих гроб выйти вперед.

Я подняла взгляд, когда поняла, что служба подходит к концу. Грант все еще смотрел в пустоту. После окончания молитвы он и те, кто должен был нести маму, встали и подошли к гробу. Казалось, все движения Гранта были чисто машинальными. Я наблюдала, как он с несколькими мужчинами медленно понес гроб из часовни. Я знала, что нужно идти за ними, но не могла сдвинуться с места, а просто осталась сидеть там и плакала, спрашивая себя, почему так случилось – и помогла бы молитва?..

Пастор Стин прошел мимо меня и сказал, что я могу не торопиться. В течение нескольких минут часовня опустела. Такое же одиночество я испытывала в душе. Я снова посмотрела на кафедру и мысленно начала молиться, чтобы это одиночество не продолжалось вечно.

И тут услышала шорох шагов. Обернулась на звук и увидела, что по боковому проходу идет Нэйтан Стин в белой рубашке и синем галстуке. Он увидел, что я смотрю на него, но не остановился. Дойдя до первого ряда, он перешел на мою сторону и пошел прямо ко мне. Не говоря ни слова, Нэйтан сел справа от меня, как раз там, где еще недавно сидел Грант. Мы оказались почти плечом к плечу.

Я попыталась ему улыбнуться, но не смогла, отвернулась и продолжала лить слезы. Он дал мне выплакаться.

Нэйтан не сказал мне в тот день ни единого слова. Но ему и не нужно

было. Он просто был рядом со мной, и я не чувствовала себя такой одинокой. И этого оказалось достаточно.

Глава 22

Люди – существа забавные. Наверное, привычки играют в нашей жизни определяющую роль. Когда после похорон я пришла в школу, то не была до конца уверена, как со мной будут обращаться мои одноклассники, но ожидала, что несколько иначе, чем раньше. Так оно и было... на какое-то время. Когда я вошла в класс, несколько девушек, раньше не подозревавших о моем существовании, вдруг подошли и поздоровались, даже поинтересовались, как мои дела. Я прямо-таки почувствовала себя «своей девчонкой». И это было приятно. Непривычно, однако приятно. Как будто они на день забыли, что терпеть не могут меня. Вероятнее всего, они были со мной подчеркнута вежливы только из-за смерти мамы, а еще потому, что их так научили родители, но я не возражала.

Впрочем, уже к концу дня стало очевидно, что нянчиться со мной им быстро наскучило. А на следующий день? *Всё*. «Рада тебя видеть, Мэдди» или «Не хочешь к нам присоединиться?» – этого не звучало. Лишь на ходу брошенное мне вслед «Привет». Все, казалось, забыли, что, возможно, хотя бы ради приличия стоит попытаться быть со мной более обходительными, и как-то незаметно, сама по себе, я снова превратилась в ту долговязую ботаничку в очках с толстыми стеклами, которая во время ланча всегда сидела одна.

Грустно говорить, но даже Рэнди и Нэйтан в тот день, казалось, решили со мной не разговаривать. Потому что просто не знали, что говорить. Рэнди однажды все же попытался завязать разговор, но ничего толком не вышло.

– Привет, – окликнул он меня. – Что нового?

Что мне было ответить? «Привет, Рэнди. Ой, даже не знаю... Ах да, мою маму зверски убили. У тебя-то как дела?»

– Ничего, – сказала я, и на этом беседа закончилась.

А на третий день социальная жизнь класса и вовсе вернулась на круги своя. Крутые обедали за отдельным столом, те, кто попроще, – за другими столами, а я – в гордом одиночестве. Жизнь продолжалась. Во всяком случае, в школе.

Дома все было иначе.

Как только Грант слегка оправился от потрясения, он попытался сделать вид, что все по-прежнему. Думаю, действовал он по тому же принципу, что и ребята в школе. Да только по-прежнему все идти

отказывалось, потому что Грант постоянно был на взводе. И стало очевидно, что если раньше его, такого общительного, врасплах не могло застать ничто, то теперь он пребывал в постоянном отчаянии. Во многом из-за денег, потому что похороны мамы и так влетели в копеечку, а тут еще пришлось нанять няньку для Элизы. Но деньги были не единственной причиной. Причиной было все, с чем он до этого не сталкивался или чем ему не приходилось заниматься в одиночку: сидеть по ночам с плачущей дочкой, ходить в магазин за продуктами, готовить и ухаживать за нами, если мы заболели. А вишенкой на торте стало полное отсутствие времени на самого себя, ибо всегда находилось какое-то неотложное домашнее дело. К тому же нужно было оплачивать счета, которые, увы, никто не отменял.

– Когда же это все кончится?! – время от времени ворчал Грант. Однажды меня стошнило на полу в ванной. И тогда он воздел очи горé и объявил:

– Прикончите меня, пожалуйста.

Сказано это было таким тоном, что я испугалась, не хочет ли он и правда умереть, чтобы больше не нести бремя отца-одиночки. Но когда я спросила, серьезно ли он, Грант ответил:

– Нет, детка, это образное выражение. Просто пытаюсь привлечь внимание Бога, вот и все.

Как ни странно, от такого ответа мне стало легче. Значит, от Бога Грант еще не отказался. Когда я пришла в себя, то предложила снова начать ходить в церковь по воскресеньям. Так мы бы точно заявили Господу о себе.

– У тебя ведь есть там друзья, – напомнила я. – К тому же есть новость о старом пасторе Стивенсе. Он ушел в отставку, и они сделали пастора Стина главным. Уверена, он будет рад нас видеть.

– Да, конечно, – пробормотал Грант саркастически. – Наши пожертвования он примет с удовольствием.

Ну ладно, может быть, мой отчим еще не был готов снова ходить в церковь. Однако он все же нашел кое-что, что отвлекало от тягот жизни холостяка. Ну, знаете, этакую штуку для снятия напряжения.

– Жидкое золото, – так он говорил. – Лекарство для мужской души.

Сначала я не возражала против его нового увлечения, но заволновалась, когда после работы Грант стал выпивать бутылок по шесть.

Тем не менее, даже учитывая все это, можно сказать, что держался он молодцом. Возможно, он уставал и характер его испортился, но он продолжал жить, поставив себе целью удовлетворить все потребности

нашей маленькой семьи. И справлялся, пока не начались рождественские каникулы.

Но с началом нового года Грант сломался. Оглядываясь назад и анализируя, я пришла к выводу, что он был подавлен и все еще не мог справиться с горем, пряча его глубоко в душе. Я не знаю, каким он был в школе со своими учениками, но дома ходил как в воду опущенный. Единственной, кто заставлял Гранта улыбаться, была Элиза. Иногда он подолгу не спускал ее с рук, целовал в лоб, играл с ней, смешил и тогда на некоторое время становился тем прежним добрым Грантом, но когда укладывал дочь обратно в кровать, улыбка эта исчезала. Конечно, я у него подобной реакции не вызывала. И не удивительно. Я знала, он любил меня, хотя бы в память о маме, но смирилась с тем, что Элизу он любит больше.

Раздуть из этого трагедии я смысла не видела, все просто шло как шло. Все равно я не могла ничего изменить. Так же, как не могла вытащить Гранта из той пропасти, в которую он рисковал сорваться в любой момент. Он был точен как швейцарские часы: встать утром, отвезти Элизу к няне, уйти на работу, забрать Элизу от няни, поиграть с ней, уложить спать, выпить пива, посмотреть телевизор, лечь спать. И так каждый день, кроме воскресенья.

Как-то вечером, в конце января, когда Грант уже уложил Элизу спать и собирался включить телевизор, я подошла к нему:

– Ммм, Грант... похоже, у нас закончилась чистая одежда.

– У нас? – повторил он скептически. – Или у тебя?

– Полагаю, у меня.

Широко зевнув, Грант посмотрел на часы и пробормотал:

– Уже поздно, детка. Тем более сегодня четверг. Завтра можешь пойти и в сегодняшнем, а в субботу я покажу тебе, как надо стирать. В любом случае когда-нибудь пригодится.

На следующий день я пришла в школу в той же одежде, что и накануне, потому что больше в доме ничего чистого не было. Забавно – тебя могут не замечать неделями, но стоит надеть одну и ту же рубашку два раза подряд, как все резко обращают на это внимание.

– Ты что, в этом спишь, что ли, Мак Вонючка? – спросил у меня кто-то из одноклассников на перемене.

Ну замечательно, только нового прозвища мне не хватало. Весь день я была то Мак Вонючка, то Мак Грязнуля. Когда проходила мимо, мальчики делали вид, что принюхиваются, а девушки, которые раньше месяцами меня игнорировали, вдруг начинали осыпать «комплиментами» из серии, что мои волосы выглядят так, словно я их не мыла и не расчесывала

неделю.

К сожалению, с ними было не поспорить. Мои волосы всегда были густыми и непослушными, и хотя я их расчесывала каждый день, на голове все равно был беспорядок. Грант прически делать не умел, а мои попытки заплести косичку или завязать хвост были обречены на провал, сколько бы я ни старалась и сколько бы книг о прическах ни перелопатила.

Иногда по ночам я плакала в подушку, ощущая почти физическую боль и жалея, что мамы нет рядом. *Сколько этих грубиянок в школе сами умеют расчесывать свои волосы или стирать свою одежду?* Мне было очень любопытно. *Кто из них выглядел бы намного хуже, будь они на моем месте?*

Но от ситуации пострадали не только моя одежда и волосы. Пролетали месяцы, а я все росла и росла – вот только теперь вширь. Может быть, из-за полового созревания, а может, я просто «заедала» свой стресс. В любом случае, к весне мои формы стали куда более округлыми.

Однажды вечером, надев пижаму, я посмотрела на себя в зеркало. Как раз в этот момент мимо проходил Грант.

– Я что, поправилась? – спросила я его прямо.

Он оглядел меня с ног до головы и сказал:

– Не стоит волноваться, детка.

– Так... нет или... как? – не поняла я.

– Не могу сказать, что нет, – ответил он, прежде чем удалиться в свою спальню. – Но я бы на твоём месте не переживал, вот и все. Это генетика, тут ничего не поделаешь. У тебя просто широкая кость.

Так у меня появился еще один повод для слез по ночам.

А вскоре после этого в школе начали замечать, что я ношу прошлогоднюю одежду. Я не ходила по магазинам с прошлого лета. Теперь все мои наряды сильно жали мне в талии, и еще до конца учебного года у меня появилось прозвище, оставшееся со мной до конца подросткового возраста: Мэдди Мак Фэтти. Звучало, признаюсь, не так уж плохо, но не могу сказать, что не задевало.

Я любила учиться, но в тот год летних каникул ждала с огромным нетерпением.

Как только они наступили, я взяла на себя обязанности няни – Грант с одним своим приятелем, который тоже работал учителем в школе, подрабатывали тем, что красили дома. Заботиться о сестре – лучшего занятия и придумать было нельзя. Я укладывала ее в коляску и шла гулять в парк, играла с ней на траве, кормила печеньем, а затем отмывала шоколадные следы в ванной с пеной. И все время рассказывала ей о маме.

– Если хочешь быть похожей на нее, – говорила я, – ты должна знать, что она любила. Так, надо вспомнить... чистые простыни, желтые розы, грозы и пирог с ревенем. Ах да, и мороженое с шоколадом и арахисовым маслом – могла в одиночку съесть целую коробку. Спорим, тебе оно тоже понравится? А еще она любила сидеть у костра и есть печеное суфле с шоколадом. Хотя бы раз в год мы обязательно ходили в поход. Ей так нравилось наблюдать за птичками, – рассказывала я и улыбалась так, как улыбалась когда-то мама. – *И меня*, – говорила я Элизе. – Больше всего на свете она любила нас с тобой.

То лето можно считать лучшим летом в моей жизни. У меня была Элиза, у Элизы была я, и никто вокруг не дразнил меня толстухой, или жирафихой, или ботаничкой, или кем-то еще, кем я не была.

Но, как и все летние каникулы, и эти подошли к концу. За всей этой сменой дней я потеряла счет времени, но однажды после полудня по почте пришло извещение о дне открытых дверей. В том году я должна была пойти в шестой класс и хотела заранее узнать номер своего шкафчика, поэтому, естественно, собиралась пойти.

– Ты сильно занят? – спросила я Гранта, когда поздно вечером тот вернулся с работы.

– А что, не похоже? – ответил он.

Я подумала: странно, ведь он сидит на диване в джинсах, допивает уже пятую бутылку пива и смотрит по телевизору «Корабль любви». Но была как раз рекламная пауза, так что я проигнорировала его ироничную реплику.

– На следующей неделе в школе день открытых дверей, и я подумала...

– Нет, – решительно сказал он, прежде чем я успела закончить.

– Но как же мой шкафчик, новые классные комнаты и учителя? И мне нужно разобраться...

Пока я говорила, Грант встал с дивана и буравил меня взглядом. Пришлось замолчать. Он был мрачный и злой как черт.

– Я сказал – нет, значит, нет. В этот день мы остаемся дома. И точка.

И тут я сообразила.

– Боже, так это из-за мамы? Это ведь годовщина с того дня, как...

– Не говори о том, что случилось той ночью! – рявкнул он. И ударил меня. Прямо по губам, тыльной стороной ладони. Удар сбил меня с ног. Это было так неожиданно – больше неожиданно, чем больно. Губа тут же распухла, и из нее стала сочиться кровь. Наверное, у меня сработал инстинкт самосохранения, потому что, вскочив на ноги, я бросилась в свою

комнату.

– Подожди! – прокричал Грант. – Прости меня! – Он погнался за мной и силой открыл дверь. – Мэдди, – шептал он, задыхаясь, впервые за долгое время вспомнив, как меня зовут. – Господи... Мне так жаль... Я не... не знаю, что на меня нашло.

Я была слишком напугана, чтобы ответить, так что просто продолжала плакать. А Грант лепетал:

– Ты должна знать, милая: я бы никогда не причинил тебе боль. Я был не в себе... Не знаю, что на меня нашло. Я... У меня просто был жуткий день: мне не заплатили заказчики, на этой неделе срок выплаты по кредиту, плюс к этому я, похоже, слишком много выпил на пустой желудок. И тут ты сказала про день открытых дверей, и я просто... прости меня.

Он опустил на колени рядом с моей кроватью и крепко обнял меня, как тогда, когда укладывал спать в первый вечер после смерти мамы.

– Это больше не повторится, детка, я обещаю. Вот увидишь, – сказал Грант и отстранился. – А сейчас давай убедимся, что твоя губа пройдет до дня открытых дверей. – С этими словами он осторожно ощупал мою опухшую губу. – Конечно, у нас всего неделя, но... В общем, я уверен, к этому времени все пройдет. Но если кто-то спросит, скажи, что упала с велосипеда или что-нибудь в этом духе. Понимаешь?

Он подождал, пока я кивнула.

– Умница. Потому что даже если это была случайность и такого никогда не повторится, лишние вопросы нам ни к чему. А вдруг они решат, что я бью тебя все время, и заберут в детский дом? Мы ведь этого не хотим. Нам нужно держаться вместе. Мы же одна семья.

В его голосе было столько любви и искренности, что я мысленно порадовалась этой пощечине, потому что в отчине словно проснулся тот прежний Грант, который все это время был в спячке. Он даже расплакался, когда потрепал меня по голове, укладывая спать.

– Я исправлюсь. Вот увидишь, – пообещал он.

И сдержал слово. Следующим утром, когда я проснулась, Грант уже суетился на кухне – готовил блинчики. Последний раз он готовил полгода назад. И на его лице сияла такая ласковая улыбка, что я аж зажмурилась.

– Я сегодня не работаю, – заявил Грант, – провожу время с семьей.

– А как же счета? – улыбнулась я.

– Все под контролем. Для семьи есть вещи и поважнее, чем оплата счетов. Так что сегодняшней день мы проведем в пижаме перед телевизором. Что скажешь?

Только спустя много лет я поняла, что, возможно, Грант решил

оставить меня дома, чтобы никто не увидел мою разбитую губу, но мы все равно прекрасно провели время: ели попкорн, смотрели «Звездные войны» и играли в персонажей – я была принцессой Леей, Элиза – Йодой, а Грант – Дартом Вейдером. Это был наш первый веселый день, проведенный вместе, за целый год.

Я еще не знала об этом, но тот день оказался настоящим подарком судьбы. Подобно верблюду, который наполняет свои горбы водой перед тем, как уйти в пустыню, я цеплялась за воспоминания о том дне, когда наступила грандиозная засуха под названием «новый учебный год».

Глава 23

Грант, как и обещал, отвел меня на день открытых дверей, из-за чего даже не пошел в ту школу, где работал, – сказал, что все равно почти никто не приходит. Моя губа зажила полностью, так что, слава богу, лишних вопросов ни у кого не возникло. На самом деле не думаю, что кто-то, кроме Рэнди и Нэйтана, вообще меня заметил.

– Так ты дружишь с сыном пастора Стина? – спросил Грант, заметив, как тот мне помахал.

– Ни с кем я не дружу, – буркнула я.

И это была чистая правда. В подтверждение моих слов Лорна Грин, которая была настолько тупа, что читала через пень-колоду, да и к тому же носила корсет от сколиоза, пришла в ужас, узнав, что ее шкафчик по соседству с моим.

– Мой шкафчик не может быть вместе со шкафчиком Мэдди Мак Фэтти, – сказала она, делая вид, что меня не заметила. – Меня же засмеют!

– Это так они тебя тут называют? – спросил Грант, когда Лорна умчалась уговаривать кого-то поменяться с ней местом.

Я кивнула.

– Неважно. Это просто слова.

Ага, конечно, просто слова. Тот, кто сказал, что слова не могут ранить, идиот.

– Правильно, – согласился Грант, похлопав меня по плечу. – Будь выше этих дурачков. Кроме того, если у тебя будет в распоряжении весь шкафчик, ты сможешь держать там все свои энциклопедии и еще много чего.

Я надеялась, что, как только начнется учебный год, я просто незаметно вольюсь в коллектив. Но, увы, за какой бы партой я ни сидела, как бы ни обходила всех стороной и сколько раз ни опускала взгляд, издевательства не прекращались. Все отпускали комментарии о моих волосах, одежде или весе. Пару раз я даже слышала оскорбления в адрес мамы. Конечно, по отдельности ни одно из них не было таким уж вопиющим. Но все вместе... Когда тебя оскорбляют и оскорбляют, рано или поздно ты начинаешь сама верить в то, что тебе говорят. И все издевательства стали потихоньку сливаться в одно сплошное: какими бы жестокими ни были школьники, оригинальностью они не отличались. Но одного оскорбления мне не забыть

никогда.

Это было в конце первого семестра, под конец урока математики, незадолго до обеденного перерыва. Несколько парней, считавшихся популярными, в том числе Нэйтан, обсуждали планы на обед. Один из них заметил, что я подслушиваю, и на весь класс спросил:

– А ты, Мэдди, что ты будешь на обед? Готов поспорить, ты адски проголодалась.

Вмешался другой парень:

– Да она же запросто лошадь может съесть.

– Нет, я знаю, – встрял еще один. – Она будет Мак Фэтти-мил^[7] и куриные бедрышки пожирнее!

И вся компания начала гоготать. Даже Нэйтан.

Я не расплакалась. Я уже привыкла ни при каких обстоятельствах не показывать своих чувств. Каждый день мне говорили еще и не такое. Но почему-то именно тогда я почувствовала, как что-то внутри меня... рухнуло. Или взорвалось. Или испарилось. Думаю, это лопнуло мое терпение. С этого момента мне стало все равно. Совершенно. Услышав сотню раз, какая я уродина, я в это поверила.

Я неудачница? Прекрасно, дело это нетрудное, я справлюсь.

Я толстая? Замечательно, дайте мне коробку пончиков, и я докажу.

Я пахну несвежим бельем? Мои волосы жирные? Я слишком высокая, чтобы со мной разговаривать? У меня очки из бутылочного стекла и чересчур выпуклые коленки? Черт возьми, я говорю как конферансье в цирке. Но кто же не любит цирк? Ну-ка расступитесь! Пропустите девушку-клоуна – взгляните на нее и поймете, как вам повезло! Как вам повезло, если вы ничем на нее не похожи!

К концу этого первого семестра у меня в дневнике были одни тройки. И единственным, кому не понравилось такое положение дел, был Нэйтан. Он, конечно, не говорил, но, думаю, то, что соперничества между нами больше не было, его несколько напрягало. Раньше, взглянув на результаты моих тестов, Нэйтан всегда старался улучшить собственные показатели. А теперь я сошла с дистанции, и получить сто баллов на итоговом тесте для него стало раз плюнуть. Но радости от этого он никакой не испытывал. Потому что знал, что, кроме меня, конкурентов у него в классе не было.

Дома же дела обстояли несколько лучше. Нервные срывы Гранта случались совсем не так часто, как раньше. Как и приступы его алкоголизма. Теперь он пил, только если нужно было успокоиться. И вынося по выходным пакеты с бутылками из-под водки, я говорила себе: «Это его лекарство».

К началу второго полугодия в школе Элизе исполнилось два, и она, безусловно, держала нас с Грантом в тонусе. Благодаря ей нам было ради чего жить. Забавно, что маленький ребенок, которому только и надо, что есть, спать и играть, оказался таким важным звеном в нашей семье: только из-за Элизы она еще не развалилась на части. Моей сестренке нужна была забота, и, пока мы обеспечивали все необходимое, мы могли – по крайней мере я – забыть обо всем плохом, что происходило вокруг. Пусть всего на пару часов, но все же.

Когда учебный год подходил к концу – где-то, вероятно, в апреле, – Гранту сообщили, что Джейк Шпиц, человек, который убил маму, должен предстать перед судом. Нам всем казалось, что доказать его виновность – пара пустяков, но обвинение настояло, что нужно все как следует подготовить. В самом начале процесса главный обвинитель объяснил Гранту:

– Лучше провести тщательную подготовительную работу, чем пропустить что-то очевидное и позволить виновному избежать наказания из-за какой-нибудь формальности. До окончательного заседания Джейк останется под стражей, поэтому никуда он не денется. Так что у нас полно времени добиться того, чтобы виновный в смерти вашей жены понес заслуженное наказание.

Как нам и предсказывали, в отличие от предварительной работы сам процесс занял не больше недели. Гранта пригласили на окончательное заседание, но исход дела был predetermined, поэтому он не пришел. Однако согласился присутствовать на оглашении приговора, которое должно было состояться через пару недель, и даже решил взять в суд меня, потому что, как считал, я заслужила увидеть убийцу матери собственными глазами, прежде чем его упекут в тюрьму.

Я не знала, что Грант подготовил заявление, до тех пор пока судья, чем-то напоминавший Хогга из «Придурков из Хаззарда», не обратился к нему:

– Мистер Мак Фэдден, прежде чем мы продолжим, я думаю, у вас найдется пара слов. Прошу вас.

– Спасибо, ваша честь, – сказал Грант и, вытащив из кармана пиджака сложенную в несколько раз бумажку, взошел на трибуну. – Четыреста девяносто три, – начал он, глядя убийце прямо в глаза. – Вы знаете, что это за число?

Джейк посмотрел на Гранта, но ничего не ответил.

– Четыреста девяносто три, – повторил Грант. – Это мое число. Ровно столько дней прошло с того момента, как вы убили мою жену. Я учитель

математики, мистер Шпиц, так что люблю числа. Вот еще одно: семьсот пятьдесят четыре. Это число моей младшей дочери. Ее возраст в днях. Если вычесть из этой цифры первую, получится, что Элизе было именно двести шестьдесят один день, когда вы отобрали у нее мать, так и не дав возможности узнать женщину, которая произвела ее на свет. У меня также есть падчерица, Мэделин, и сегодня она здесь. Она сидит вон там, – показал Грант рукой. – Какое у нее число? Тысяча. Если сильно округлить, столько раз она проплакала в подушку, моля Бога, чтобы ее мама вернулась, чтобы она была рядом, согревая ее своей заботой и любовью.

Грант снова на короткое время прервался – и задал вопрос:

– Интересно, мистер Шпиц, точнее, Джейк – а ваша мать была с вами рядом в детстве? Как мне сообщили, была. А еще мне сообщили, что она от вашего имени умоляла о снисхождении, потому что якобы вы не могли себя контролировать и у вас в момент нападения были галлюцинации. Так вот, какое же число я должен назвать вашей матери? Сто двадцать восемь миллионов шестьсот семьдесят три тысячи. Вот что получится, если умножить мое число на числа моих дочерей. Можете быть уверенным, цифра не маленькая. Тем не менее это именно то количество минут, которое, я надеюсь, вы проведете в тюрьме. Если вдруг у вас проблемы с арифметикой, я поясню: получится двести сорок пять лет.

Грант остановился на секунду. Он посмотрел сначала на Джейка Шпица, потом на меня, потом в бумажку с текстом. Прежде чем продолжить, сложил свои заметки и положил обратно в карман, видимо собираясь дальше импровизировать.

– Мои коллеги предложили сказать вам, что я вас простил, что, хотя моя семья разрушена, с нами все в порядке. Они хотели, чтобы я был с вами любезен и благословил на новую жизнь за решеткой. Что ж, так я поступить не могу. Я не могу лгать. Я искренне надеюсь, что суд накажет вас со всей строгостью. Если я правильно понимаю то, что написано в Уголовном кодексе, вы останетесь за решеткой до конца своей жалкой жизни – пока не подойдет ваше число.

В зале наступила гробовая тишина, а Грант медленно подошел к своему месту рядом со мной. Выполнив все формальности, судья и присяжные удалились на совещание.

Спустя пару часов «Хогг» снова всех вызвал в зал суда и объявил, что решение принято. Когда в зале воцарилось молчание, он откашлялся и произнес:

– Подсудимый приговаривается к двадцати пяти годам лишения свободы с возможностью условно-досрочного освобождения по истечении

пятнадцати лет.

Не такого приговора ожидал Грант. Он вскочил с места и с горящими глазами целую минуту вопил о несправедливости правовой системы. Пока он, брызжа слюной, кричал на весь зал, охрана от греха подальше вывела Джейка Шпица.

Судье пришлось дожидаться, пока Грант успокоится, прежде чем он смог дать свои пояснения:

– Имейте в виду, судимостей мистер Шпиц не имеет. Да, он был под действием наркотических препаратов, но у него вся жизнь впереди. Важно также отметить, что с первого дня процесса он раскаивался в содеянном, что многое говорит о его характере. И потом, он еще совсем молод и, возможно, если исправится, сможет внести свой вклад в развитие общества. Но самое главное – как бы чудовищно он ни поступил, это было сделано непреднамеренно. Как свидетельствуют представители и защиты, и обвинения, подсудимый во время инцидента себя не контролировал, а находился под воздействием наркотиков. Я принял во внимание все вышеописанное, рассмотрел все обстоятельства дела с точки зрения Уголовного кодекса и нахожу, что вынесенный мною приговор совершенно оправдан.

Судья помолчал, положив руки на спинку скамьи.

– Мистер Мак Фэдден, я действительно сожалею о вашей потере. Ранее вы утверждали, что мистер Шпиц не заслуживает пощады. Как судья, я обязан быть справедливым и честным. По своему опыту знаю, что правосудие часто милостиво к провинившимся. Однако могу вас уверить, что никогда бы не пожертвовал справедливостью в угоду милосердию. Только не в этом храме Фемиды. В данном случае, как я считаю, восторжествовала справедливость.

Вспоминая тот день, я не могу не согласиться с тем, что сказал судья. Он действительно взвесил все факторы, прежде чем принял решение. В конце концов, думаю, единственным, о чем он не подумал, было то, как это решение скажется на Гранте, а после и на мне.

Глава 24

– Посуда в раковине уже три дня, Мэдди! Ну-ка иди сюда и сделай хоть что-нибудь полезное!

В субботу вечером у Гранта снова случился нервный срыв. Приговор Шпицу выбил его из колеи, как тогда, сразу после смерти мамы, только теперь пил он гораздо больше. Конечно, в будние дни он воздерживался от выпивки, но зато давал себе волю в выходные.

– Можно я сначала дочитаю главу? – спросила я.

Грант подошел ко мне, вырвал из моих рук учебник и отбросил в сторону.

– «Можно я сначала дочитаю главу»? – передразнил он плаксивым голосом, совершенно не похожим на мой. – Ты прямо как мои спиногрызы: дай вам палец, так вы всю руку откусите. «Можно я сдам домашнее задание в следующий раз, мистер Мак Фэдден? Можно я посчитаю на калькуляторе? Мистер Мак Фэдден, можно перенести тест на несколько дней?» Нет, нельзя!

– Прости, – буркнула я.

– А, теперь ты извиняешься? – Грант отхлебнул из бутылки, которую принес собой. – Извиниться и быть ленивой задницей – прекрасное сочетание, ничего не скажешь. Ты хоть знаешь, сколько мне приходится работать, чтобы прокормить вас с сестрой, Мэдди? Да я в лепешку расшибаюсь, чтобы у тебя и Элизы все было. А что получаю за свои труды? Ничего. Никакого уважения. Моя двенадцатилетняя дочь даже не может оторвать свой толстый зад от стула и пойти вымыть посуду!

Я поняла, что, если начну спорить, все станет только хуже, поэтому пошла мыть посуду, и, к счастью, Грант успокоился. Когда я уже почти закончила, Элиза проснулась, расплакалась и выбежала из своей комнаты. Грант с минуту или две пытался загнать ее обратно, но она никак не желала замолчать.

Я поставила в сушилку последние пару тарелок и пошла успокаивать сестру.

– Просто заткнись наконец! – кричал Грант, когда я взяла ее на руки. – Я так больше не могу!

– Не ори на нее! – вскипела я. – Она же испугалась!

И получила по губе второй раз.

– Не смей повышать на меня голос! – рявкнул отчим.

Я зажала рот рукой, чтобы подавить боль.

– Имей уважение, – добавил он уже тише.

Все это случилось на летних каникулах, так что мою распухшую губу никто не видел. Как не видели и синяк под глазом, который появился еще через месяц.

Я не знаю, почему свою злость Грант вымещал на мне, но все было именно так. Причем позволял он себе это только в пьяном состоянии. А потом, конечно, многократно извинялся, обещал, что это больше не повторится, обнимал меня, говорил, что исправится, сетовал, как ему надоело разрываться между работой, стиркой, готовкой, уборкой, оплачивать счета и воспитывать нас с сестрой.

Как-то в сентябре Грант посадил меня рядом с собой и объяснил, что не справляется со всем сам.

– Я знаю, ты не хочешь это слышать, – сказал он. – Но я действительно хочу, чтобы ты взяла на себя роль главы семьи. Чтобы ты мне помогала. Тебе уже почти тринадцать, а это значит, ты уже можешь взять на себя гораздо больше дел, которыми раньше занималась твоя мама. Думаю, если ты освободишь меня от части домашних хлопот, я не буду так нервничать и для всех нас будет гораздо лучше. Могу ли я рассчитывать на тебя?

Конечно, я согласилась. А что еще я могла ответить: «Да ладно, Грант, ты же можешь просто меня ударить?»

Оказалось, что под «больше мне помогала» Грант подразумевал «выполняла по дому почти все». Готовила, стирала, убирала, купала Элизу. По-моему, он просто забыл, что, помимо нашей семьи, у меня была еще и учеба, но меня это устраивало, потому что о последней я перестала думать уже давно. Нет, конечно, на уроках я слушала, но практически никогда не делала домашние задания и не учила материал. Зато по дому выполняла все, что можно, – лишь бы Грант был доволен.

К сожалению, свое обещание мой отчим не выполнил. Конечно, теперь у него было меньше поводов волноваться, потому что из всего домашнего хозяйства на нем оставалась лишь обязанность ходить за продуктами, но пьяные выходки не прекратились. Дважды в течение первого семестра мне приходилось надевать блузки с длинными рукавами, чтобы прикрыть синяки, хотя жара стояла страшная, а во втором семестре я даже вынуждена была пропустить целую неделю, потому что с таким жутким синяком под глазом, который ничем невозможно было замазать, из дома я выйти попросту не могла. Грант позвонил в школу и обставил все так, будто у меня воспаление легких.

Помню, как сидела дома, глядя на себя в зеркало, и проводила

пальцами по почти черному кругу. К тому времени я уже была достаточно взрослой, чтобы понять: у Гранта серьезные проблемы, и дальше все будет только хуже. Тем не менее мне было его очень жаль. Я знала: он пытается справиться с собой. Когда он не пил, он был таким же добрым, как и все другие отцы. То есть он любил нас, я знала, и любил сильно, но все это только усложняло ситуацию, когда последствия его гнева я испытывала на себе.

Я смотрела на свой распухший глаз и взвешивала все варианты. Наверное, мне нужно поговорить с кем-то в школе – с психологом или с кем-нибудь из учителей. Но разве кто-то из них поверил бы? Все в школе знали Гранта; они работали с ним в течение многих лет. Разве они поверили бы мне? Конечно, можно было показать им синяки, но Грант ведь мог сказать, что я вру, а на самом деле упала с велосипеда. А если бы они сочли мои рассказы о побоях всего лишь реакцией на потерю матери? Что тогда? Тогда Грант бы взбесился. И возможно, и вовсе избил бы меня до потери сознания. Я решила, что риск слишком велик.

Второй вариант – сбежать. Я слышала о нескольких подобных случаях. Честно говоря, даже сама мысль об этом меня ужаснула. Когда я с Грантом, я хотя бы знаю, чего ожидать. А на улице – кто знает, на каких отморозков можно нарваться? Разве так было бы безопаснее? И кончится, скорее всего, тем, что меня найдет полиция, и это точно выведет Гранта из себя. Но главной причиной, по которой мой побег был невозможен, оставалась моя трехлетняя сестра. Если я сбегу, кто о ней позаботится? Кто ее защитит?

Мой мозг тринадцатилетнего подростка подсказал мне лишь один выход: перетерпеть. Подлизываться к Гранту, не спорить с ним, опускать голову, не попадаться ему на глаза и приложить все усилия, чтобы ему было хорошо. Я подумала, что смогу уйти, когда мне исполнится восемнадцать, – сообщить властям о побоях отчима и потребовать опекуна над Элизой.

План не был идеален, но, рассматривая свой распухший глаз в зеркале, я поняла, что лучше не придумаю.

Согласно школьной программе, к началу мая на уроках литературы преподавательница стала давать нам творческие задания. Она хотела, чтобы мы написали стихотворение, вложив в него всю свою душу. Мы могли писать на любую тему, лишь бы она была нам близка: влюбленность, лучший друг, страхи, потеря близких... Работы подписывать было не обязательно, так что я, честно говоря, подумала, что мы просто потренируемся в умении сочинять стихи, а сдавать ничего будет не надо.

Но незадолго до звонка мисс Тайер попросила передать листки со стихотворениями на первую парту. Прежде чем я сообразила, что она сказала, Марк Ригбиспер схватил мое стихотворение и сунул соседу спереди.

Я была готова его убить.

На следующий день в самом начале урока Тайер стала раздавать работы.

– Я не читала ни одно из стихотворений, – сказала она. – И никто из нас не имеет ни малейшего представления, кто какое написал. Если вам вдруг достанется ваше собственное, скажите мне, и мы поменяем листки.

– Зачем мы это делаем? – спросил кто-то с передней парты.

Я сидела в конце класса, думая, кому же достанется мой стих. Потом попыталась подглядеть в кипу листов в руках Тайер, но это было совершенно бесполезно.

– А действительно, зачем... – задумчиво произнесла учительница. – Объясню. Я хотела бы, чтобы вы увидели, как много работа со словом, и особенно в стихах, говорит об авторе. Хорошее стихотворение может многое рассказать о том, кто его написал: о его мечтах, надеждах, внутренней борьбе и разочарованиях. Итак, как только вы получите стихотворение, я хочу, чтобы сначала вы его несколько раз прочитали. Про себя, чтобы все могли сосредоточиться. А потом прочитайте стихотворение еще раз, но теперь уже так, как если бы вы были его автором. Попробуйте представить себя на его месте, словно смотрите на текст его глазами. Как только вы это сделаете и подумаете, что стихотворение может означать для человека, который написал его, вот увидите, вы очень многое узнаете. Затем попробуйте угадать, кто автор.

Учительница протянула мне чей-то стих, в котором было всего три строфы. Посвящен он был умершему питомцу – крыске. Я прочитала один раз и тут же поняла, что меня совершенно не волнует чей-то дурацкий грызун. Все, что я сейчас хотела знать, – кому досталось мое стихотворение.

Минут через десять учительница встала с места.

– Хорошо, а теперь я бы хотела, чтобы кто-нибудь из вас прочитал доставшееся вам стихотворение вслух. И попробуйте прочитать его так, как бы оно звучало из уст его автора.

К моему горлу подступила тошнота.

Первой учительница вызвала Энджи Роу. Та встала и прочитала грустное стихотворение о раке яичников. Стихотворение было вполне неплохое, но все портили мальчики, хихикавшие каждый раз, когда звучало

слово «яичник», – хотя не думаю, что большинство из них вообще знали, что такое яичники.

Далее вызвали мальчика по имени Маркус. Листок в его руке был очень похож на мой. Я еще больше вжалась в стул и вытерла вспотевшие ладони о джинсы, молясь, чтобы не произошло непоправимое. Ложная тревога – всего лишь милый сонет о первом поцелуе. Выполняя просьбу учительницы, Маркус постарался прочитать его так, как читала бы влюбленная девушка, и все, кроме меня и Рэнди, покатывались со смеху. Думаю, хотя доказать это и невозможно, автором стихотворения был именно Рэнди.

– Нэйтан Стин, – произнесла мисс Тайер, как только Маркус сел. – Теперь я хотела бы послушать вас.

Он посмотрел на нее и нервно сглотнул:

– Нет, спасибо.

– В самом деле? – усмехнулась учительница. – А я думала, задание для всех. Пожалуйста, Нэйтан, прочитайте стихотворение. Ваше нежелание только подогревает мой интерес.

Когда Нэйтан встал, я заметила, что он смотрит на меня, и поняла, что вот-вот умру от ужаса. У него в руках было мое стихотворение, и он собирался прочесть его перед Богом, мисс Тайер и всеми одноклассниками, которые меня ненавидели. Нэйтан неторопливо двинулся к доске. Он смотрел на листок бумаги, на учителя, на сидевших за партами... Оглядывая класс, казалось, на долю секунды задержал свой взгляд на мне. Затем откашлялся и начал декламировать настолько серьезным и печальным тоном, как будто читал траурную речь.

Наверное, я присутствую на собственных похоронах, подумала я.

А тем временем Нэйтан читал:

*Фиалки синие, а розы красные...
Терпеть ненавижу английский ужасный...
Ромашки желтые... гвоздики с росой...
Люблю математику – английский отстой...
Цветут фиалки... и белые лилии...
Мисс Тайер – зараза...
Сплошное насилие! Цветут цветочки...
Лепестками шурша...
Пожалуйста, дайте...
Отсюда сбежать...*

Сначала в классе повисла неловкая пауза, затем раздалось несколько нервных смешков. Все ждали реакции мисс Тайер.

Нэйтан направился к своей парте. По дороге он незаметно сложил листок бумаги и сунул в карман.

Я не могла поверить собственным ушам. Пронесло! У меня даже вырвался стон облегчения, когда преподавательница с неловкой улыбкой на лице встала из-за стола.

– Ну, – сказала она, еле сдерживаясь от смеха, – хотя я и считаю, что стихотворение не очень информативное, оно все же отражает внутренний мир автора, ведь так? Bravo, мистер Стин, что прочитали его с таким выражением. И спасибо, Нэйтан, за вашу деликатность. Так, следующей я хотела бы пригласить к доске Эми...

Она что-то еще говорила, но я не слушала. Моя голова была слишком занята мыслями о случившемся, чтобы воспринимать эту «поэзию» дальше. Откуда Нэйтан взял совершенно другое стихотворение? И зачем?

После школы, когда я шла через футбольное поле за автомобильной стоянкой, Нэйтан догнал меня. Он полез в карман и вытащил сложенный листок бумаги.

– Есть минутка? – спросил он.

– Наверное, – буркнула я.

– Тогда присядем, ладно? Надо поговорить.

Не то чтобы я хотела с ним разговаривать, но он сегодня сотворил настоящее чудо, так что меньшее, чем я могла его отблагодарить, – согласиться.

Мы сели под огромным черешневым деревом на краю поля, и Нэйтан развернул лист бумаги.

– Это ведь ты написала? – спросил он.

Не поднимая глаз, уставившись на зеленую лужайку под ногами, я прошептала:

– Уверена, что я.

– Правда очень хорошее стихотворение. Грустное, но хорошее, – сказал Нэйтан.

Я посмотрела в его печальные глаза.

– Почему ты не прочел его на уроке?

– Я просто... увидел тебя, твой взгляд... И подумал, что не стоит. Кроме того, все бы поняли, что этот стих написала ты, и, уверен, стало бы только хуже. Поэтому я подумал, что лучшим выходом будет сочинить что-нибудь другое на ходу.

– То есть стихотворение про цветы и английский – это был экспромт? –

поразила я.

– Практически, – кивнул Нэйтан и бросил листок мне на колени. – Прочтешь?

– Зачем? – недоумевала я.

– Ну, мисс Тайер сказала, что мы больше узнаем из стихотворения, если попытаемся представить, как бы его читал автор. Я пару раз прочитал твой стих про себя, и теперь хочу услышать, как он должен звучать на самом деле.

Я взяла листок и развернула его, пару секунд вглядываясь в написанные строки. Жаль, что это придумала я, а не кто-то другой, но нельзя было отрицать, что навеяно стихотворение моей настоящей жизнью. Честно говоря, я не знаю, почему согласилась его прочитать, – ведь знала, что как только Нэйтан узнает о насилии в моей семье, то побежит напрямик к директору. Но я прочла. Может быть, это был мой крик о помощи. Дрожа мелкой дрожью, я откашлялась и начала читать написанные карандашом слова так, как их чувствовала.

БОЛЬ УНИЖАЕМОЙ

*Каждый норовит меня обидеть.
В сердце боль – как одинока я!
Словно всем приятно ненавидеть,
Проклинать и унижать меня.
Каждый день несу в душе печальной
Боль от оскорблений и обид.
Думаете, их не замечаю?
Глупые... Но кто ж вам запретит.
Так стреляй, чтоб больно ранить словом,
Ведь сюда любые подойдут:
Жирная! Очкастая! Корова!
Ну смелей, ату ее, ату!
На спине моей давно уж шрамы,
Синяки на теле – там и тут.
А какой вердикт был дан врачами?
«Ах, бедняжка... снова в школе бьют...»
Моя жизнь давно уж стала адом,
И везде мне причиняют боль.
Мои слезы льются вечным градом,
Солонее, чем морской прибой.*

*Почему же, Господи, не внемлешь?
На коленях я молю тебя:
Прекрати, прошу, мои мученья
Или, Боже, забери меня!
Нет друзей и нет надежд на счастье —
Я играть устала эту роль.
Кто поможет мне в моей напасти?
Господи... Закончи эту боль.*

Когда я умолкла, Нэйтан выглядел так, словно вот-вот расплачется. Непривычно – никогда не видела его таким. Даже на похоронах моей мамы он не плакал, но сейчас я почувствовала, что он готов разрыдаться.

– Мне так жаль, – прошептал он.

– Чего? – удивилась я.

– Что из-за меня тебе было так плохо. Что позволял смеяться над тобой.

По этим его словам я поняла, что он не до конца постиг смысл моего стихотворения. Ту часть, которая про школу, он понял правильно, но, кажется, про то, что творилось дома, не разобрал. Я пока не понимала – разочарована я или рада, что Нэйтан так и не узнал мою тайну, но потом снова решила, что для Элизы будет лучше, если не узнает никто.

– По сравнению с некоторыми людьми, Нэйтан, ты просто святой, – сказала я.

Он пожал плечами:

– На самом деле нет. Одно то, что я не издеваюсь над тобой, не делает меня хорошим. Я видел и слышал все эти оскорбления и ничего не сделал.

– Нэйтан, ты был...

– Когда я прочитал это стихотворение, я сразу понял, что его написала ты. И знаешь, о чем я подумал? – Теперь он действительно начинал рыдать и даже не пытался скрыть это. – Я вспомнил день, когда мы в первый раз встретились. Я выстрелил в тебя бумажным шариком, а папа сказал что-то вроде: «Мой сын никогда не поступил бы так с другим дитем Божьим». А потом я написал тебе записку с извинением, и ты ведь в самом деле меня простила! А я, дурак, за четыре года так ничему и не научился! Может, с тех пор я в тебя больше шариками и не стрелял, но ведь смотрю же, как над тобой издеваются, и ничего не делаю. Или, что еще хуже, смеюсь. – Он сделал глубокий вдох и вытер лицо. – Мне так жаль, Мэдди.

Я огляделась вокруг – убедиться, что никто не подслушивает. И очень

на это надеялась, потому что так было бы только хуже – и для Нэйтана, и для меня. Хватит с меня уже неприятностей.

– Спасибо. Очень мило с твоей стороны. Но... – сказала я.

– Что? – не понял Нэйтан.

– Ну, не подумай ничего плохого, но ведь только оттого, что тебе меня жаль, ничего же не меняется, так? По-моему, так.

– Ну уж нет, – занял он оборонительную позицию. – Я собираюсь все изменить. Вот увидишь.

– В самом деле? То есть, конечно, сейчас ты говоришь об этом с таким пылом, и все дела... Но что будет завтра? А послезавтра, а еще через день? Одно дело жалеть, а другое – что-то предпринять. Так однажды сказал твой папа.

– Я что-нибудь придумаю, – упорствовал Нэйтан. – Вот увидишь.

– Да, – пожала я плечами, – увижу.

Тогда в его глазах загорелась та озорная искорка, которую я всегда помнила – такую искорку я видела в его взгляде каждый раз, когда он хотел обыграть меня в школьной викторине или обойти в конкурсе научных проектов.

– Ты ведь не веришь, что я могу тебе как-то помочь, да? – спросил он.

– На данный момент жизнь моя безнадежна. Так что, пожалуй, нет, – призналась я.

Нэйтан подумал еще с минуту. Затем встал, и на лице его засияла уверенная улыбка.

– Я принимаю вызов, – сказал он и медленно побрел с поля. – Увидимся завтра, Мэдди.

А я еще пару минут сидела на лужайке, наблюдая, как Нэйтан исчезает вдаль. И сильно сомневалась, что он сможет осуществить задуманное и помочь мне. В тот момент своей жизни я сомневалась даже в том, что вообще достойна его помощи.

Но когда мы встретились в следующий понедельник, он свое слово сдержал – сделал все, чтобы окружающие меня заметили. Когда мы сталкивались в холле, он кричал «Привет!» и махал мне рукой. А если было время, задерживался около моего шкафчика – узнать, как у меня дела. Нэйтан даже слегка переусердствовал, и я уверена, что друзья его засмеяли, потому что такому, как он, не пристало быть снисходительным с такими отбросами общества, как я.

На второй неделе он стал подсаживаться ко мне за обеденным столом и знакомить меня со своими школьными товарищами. Никто из них особого энтузиазма, конечно, не проявлял, но здорово было уже то, что

либо мое присутствие Нэйтана не смущало, либо он очень удачно притворился. Несколько раз он даже провожал меня до дома, а однажды пригласил к себе домой, и втроем – я, он и Рэнди – мы играли в компьютерные игры. Мне было очень приятно провести какое-то время с ровесниками. И Рэнди был так мил, что позволил мне обыграть его.

В выходные на День памяти павших Нэйтан с родителями съездил на остров Галвестон. Оттуда он вернулся в крайне приподнятом настроении и рассказал, что нашел на пляже нечто, что изменит мою жизнь. Я ответила, что он и так уже много для меня сделал и не нужно продолжать, если ему не нравится. Но Нэйтан ответил, что не только хочет, но и уже придумал план – чтобы не забыть о своем замысле. Он считал, что провинился передо мной так сильно, что, чтобы загладить вину, придется в день совершать не меньше чем по семь добрых поступков.

Когда я потребовала от него детали плана, он достал из кармана семь небольших камешков красного цвета.

– Камни? – не поняла я.

– Да, камни, – сказал он, очевидно разочарованный моим отсутствием энтузиазма. – Но не просто камни. *Камни помощи* – так я их назвал. Но только никому про них не говори. А то точно подумают, что я спятил, – подмигнул Нэйтан.

– Но почему камешки?

– Не знаю. Я увидел их на пляже, и мне показалось, что они подойдут. Папа как-то купил машинку для шлифовки камешков – ими проложены дорожки у нас в саду. И мы с ним иногда отправляемся на поиски подходящих камешков. Вот я и подумал: если каждый день держать их в кармане, любопытно, за сколько лет они отшлифуются. К тому же они будут напоминать мне, что нужно не терять бдительность и приходить на помощь... тебе, ну или, там, кому-то еще, у кого неприятности.

– Но что ты делать-то с ними собираешься? – недоумевала я.

На лице Нэйтана отразилось разочарование – не мог понять, как же я сразу не догадалась. Но он пояснил:

– *Ничего*. В том-то все и дело. Просто я каждый день буду носить эти камни в карманах. А если совершу какой-нибудь хороший поступок, то переложу один камешек в другой карман. И больше ничего. Камешки просто будут в карманах, вне поля зрения, пока я не сделаю что-то хорошее.

– И сколько ты их там будешь держать? – все еще не понимала я.

Он засунул камни обратно в карман и пожал плечами:

– Я не знаю. Столько, сколько потребуется. – Он похлопал себя по

штанине. – Это моя шлифовальная машинка. Пока не станут гладкими или пока я не умру. В зависимости от того, что произойдет раньше.

– Ты *правда* чокнутый, – усмехнулась я.

– Может быть, – засмеялся Нэйтан, – но если тебе все равно, может, я понесу твой портфель?

Глава 25

Когда наступило следующее лето, я думала, Нэйтан на все это время и вовсе забудет о моем существовании, но, как оказалось, я его сильно недооценила. Почти каждый день он приезжал ко мне на велосипеде – узнать, как у меня дела. В какие-то дни просто заходил поздороваться, в другие приносил книги, которые, как думал, мне должны понравиться. Иногда мы просто сидели на лужайке перед моим домом и болтали, а Элиза в это время собирала одуванчики. Но лучше всего были дни, когда Нэйтан приходил с Рэнди. Тогда мы втроем пекли печенье, пили лимонад или просто болтали обо всем подряд.

Учиться в восьмом классе было гораздо лучше, и все благодаря Нэйтану. Он просто не хотел сдаваться. Но что было особенно примечательно – его добрые поступки начали распространяться не только на меня. Я видела, как Нэйтан пытался быть дружелюбным со всеми вокруг – он стал совершать множество незаметных хороших дел. За тот год он действительно зарекомендовал себя как «хороший во всех отношениях парень». Казалось, все вокруг считали Нэйтана своим лучшим другом: спортсмены, болельщики, члены клуба вундеркиндов, драмкружок, ботаники, застенчивые дети, жирдяи и, конечно, такие ботаники-стесняшки-жирдяи, как я.

Странным образом – и к огромной моей радости, – чем добрее ко мне был Нэйтан на людях, тем меньше надо мной издевались другие школьники. И если вдруг он или Рэнди слышал, что кто-то меня оскорбляет, они просто подходили к обидчику и просили его так больше не делать – и тот действительно переставал!

Однако успеваемость моя по-прежнему была на нуле, да и выглядела я по-прежнему хреново. И дома дела шли не то чтобы шикарно. Но тем не менее жилось мне намного лучше, потому что теперь у меня было хотя бы два человека в школе, кому я оказалась небезразлична.

В последний день учебного года Нэйтана наградили медалями «Гражданин года» и «Ученик года», и обе он получил вполне заслуженно. Потом учителя раздали нам ежегодные выпускные альбомы, и каждый мог написать в них что-нибудь. Нэйтан нашел меня в толпе и написал что-то очень милое про то, что я солнышко и должна сиять ярче всех. Единственным человеком, кроме Нэйтана, который что-то написал в моем альбоме, был Рэнди, и, кажется, он родил что-то вроде «Так держать!».

Расписавшись, Нэйтан сообщил, что будет работать в летнем лагере и мы уже не сможем так часто видеться на каникулах.

– Ой, – опечалилась я, – паршиво.

– Да, надо подзаработать. Папа говорит, что самое время начинать копить на колледж, – сказал Нэйтан.

А затем произошло самое лучшее событие за весь год: он наклонился и обнял меня. И долго не отпускал. Не думаю, что когда-либо до этого обнимала мальчика, разве что моего двоюродного брата – в детстве. К тому же все вокруг это видели. Я была на седьмом небе от счастья. Мне больше ничего и не нужно было тем летом. Я даже была согласна не видеться с ним эти пару месяцев. И дело не в том, что обниматься с Нэйтаном было романтично: я прекрасно понимала, что как девушку он меня не воспринимает. Просто это было... лекарство для моей души.

Следующий учебный год вообще стал для меня поворотным – и не только потому, что начался девятый класс. Хотя на предварительном тестировании я набрала максимально возможное количество баллов, из-за ужасной успеваемости меня упекли в коррекционный класс. Из-за этого мы с Нэйтаном почти перестали видеться на уроках, что меня расстраивало, если не сказать больше. В тот день, когда нам выставили оценки за первую четверть, Нэйтан навестил меня – узнать, насколько все плохо.

– Я бы не хотела показывать тебе дневник, – ответила я.

– Давай тогда я покажу тебе свой, – улыбнулся он.

– Пфф. Как будто я не знаю, что у тебя там одни пятерки! – хихикнула я.

– Да ладно, Мэдди. Покажи.

Я нехотя достала из рюкзака свой дневник и протянула ему.

– Вот. Читай и плачь. Когда я его увидела, у меня реакция была такая.

Нэйтан пару раз пробежал взглядом по строчкам и дипломатично заявил:

– Что ж, могло быть и хуже.

– Куда уж хуже-то? Одни двойки и тройки. Наверное, я бы завалила и физру, но, слава богу, наш преподаватель мистер Карр дружит с Грантом.

Кстати, еще кое-что необычное произошло в тот год: я теперь училась в той школе, где работал Грант, так что мы пересекались с ним и на общих собраниях, и в холле. Хотя мы никогда не разговаривали в школе и Грант не преподавал в классе конкретно у меня, я его частенько видела. Похоже, все школьники души в нем не чаяли, что было совершенно за гранью моего понимания. Да и преподаватели его любили, особенно незамужние училки. Я, однако, предпочитала его избегать.

– Посмотри на это с другой стороны, – посоветовал Нэйтан. – У тебя еще есть куча времени, чтобы улучшить свою успеваемость. Если поднатужиться, к концу первого полугодия все твои тройки превратятся в пятерки.

– Невозможно. Тогда мне придется приложить дополнительные усилия.

– А почему бы не постараться? Тебе что, это не по зубам?

– Ммм... Ну, во-первых, на мне все домашнее хозяйство. Да и к тому же... мне просто нравится быть середнячком. То есть я имею в виду, трудно быть ботаником, когда у тебя в дневнике одни тройки, верно? – улыбнулась я.

– Верно, – сказал Нэйтан, но его тон вовсе не свидетельствовал о том, что он со мной согласен.

На следующий день ко мне подошел Нэйтан. В руках у него была старая школьная фотография, на которой мы были вдвоем – учительница сфотографировала нас во время подготовки научного проекта для выставки. Честно говоря, узнала я себя на этом снимке с трудом: аккуратная одежда, милые кудряшки, улыбка, никаких лишних килограммов. К тому же лицо у меня было донельзя довольное – видимо, то, чем мы с Нэйтаном были заняты, мне нравилось.

– Я думал о тебе ночью, – сообщил Нэйтан. – И тут наткнулся в своем альбоме на эту фотографию.

– О, – закатила я глаза, – сам Нэйтан Стин думает обо мне по ночам? Не говори другим девушкам, обзавидуются ведь.

– Ой, прекрати, – отмахнулся он.

– Разве вчера у тебя не было тренировки по баскетболу и ты не задержался допоздна? – спросила я.

– Да. И?

– Ну, так насколько «ночью» это было? Твои душевные терзания обо мне, я имею в виду.

Теперь закатил глаза он:

– Ага, мечтай, что я о тебе «терзаюсь». В общем, я наткнулся на эту фотку и вспомнил про твои оценки.

– Что?

– Да... Я вспомнил, что ты сдалась.

– Вот спасибо, утешил...

– Говорю как есть. Ты сдалась, а теперь тебе надо забыть о том, что ты сдалась, – говорит Нэйтан.

– Двойное отрицание? – поддеваю его я.

Он снова закатил глаза, и я расхохоталась.

– А можно просто меня выслушать? Я же серьезно. Ты узнала девочку на фотографии или нет?

Я посмотрела на фото еще раз.

– Да... вроде бы.

– Я тоже... вроде бы. И знаешь что? Девочка на этом снимке – самая умная из всех, с кем я знаком. Она, может быть, даже самая умная за всю историю школы, в которой учится, но никто об этом не знает, потому что она слишком рано сдалась. Когда ты еще была ею, она не стеснялась того, что очень умная. Тебе было всего десять, а ты уже решала, в какой колледж пойдешь.

– Самая умная во всей школе, да? – спросила я с сарказмом. – Даже умнее Стина-младшего. А ведь я слышала, он гений.

– Мэдди, мне непросто это признавать, но я всегда знал, что ты умнее меня. Поэтому и глупо, что я, скорее всего, стану лучшим выпускником, а ты... что? Вылетишь из школы? – стукнул Нэйтан по дверце шкафчика.

– Вроде того, – пожала я плечами.

– Не шути так. Знаю, последние пару лет дались тебе нелегко, но ты можешь стать лучше. И должна.

Я почувствовала, как во мне все клокочет от злости:

– Ты понятия не имеешь, насколько нелегко мне приходилось, Нэйтан. И кто ты такой, чтобы меня судить?

– Ты о чем? – не понял он.

– Забудь. Просто... ты не знаешь всех деталей и поэтому ошибаешься. Может быть, двойки и тройки – самое большее, на что я способна в данный момент.

Нэйтан усмехнулся.

– Может быть. Но я в это не верю. – Он протянул мне фотографию. – Возьми, она твоя. Может быть, этот снимок сподвигнет тебя снова стать такой, как девушка на нем. – Нэйтан помедлил. – Не так много времени осталось до окончания школы, Мэдди, и если ты все еще хочешь попасть в один из тех прекрасных колледжей, о которых говорила когда-то, самое время взяться за ум.

Я не хотела на него злиться, но ничего с собой поделать не могла. Я не привыкла к подобным вызовам. Ведь последние несколько лет все вокруг позволяли мне делать то, что я хотела. Даже Гранта, похоже, мои оценки уже не волновали.

– Кто знает, – рявкнула я в ответ.

– Хорошо, – сказал Нэйтан и собрался уже уходить. – Ты должна. –

Затем расслабился и подмигнул мне: – Небольшая конкуренция мне бы сейчас не помешала. Если ты, конечно, все еще мне конкурент.

Я тогда полночи не спала, думая о Нэйтане, – все еще злилась на него за его слова. Легко ему было говорить: его-то жизнь была без ухабов и тряски – замечательная семья, прекрасные родители, куча друзей, успех во всех видах спорта и все в таком духе. А что было у меня? Он понятия не имеет, каково это – быть мной. Как он смеет осуждать меня? Но тем не менее в глубине души я понимала, что Нэйтан прав. Да, моя жизнь дрянная. Но разве коррекционный класс и плохие отметки могут сделать ее лучше? Вряд ли.

В ту ночь я решила не просто стать для Нэйтана конкурентом, а одолеть его.

На следующий день я попросила свою методистку перевести меня в группу с повышенной успеваемостью. К сожалению, хотя меня это и не удивило, мне ответили отказом. «Никаких шансов», – кажется, прозвучало это так. А еще эта строгая мадам добавила что-то про работу на занятиях как критерий оценки.

– А если я успешно сдам тесты? – спросила я.

Мадам вопросительно на меня посмотрела.

– Ну, в течение года мы же пишем тесты? Так вот, если бы учителя дали мне тесты за весь учебный год, и я бы их с успехом сдала, тогда у меня был бы шанс?

– Я... Ну да, я полагаю, такой вариант возможен.

За выходные и следующие две недели я прочитала все, что можно, по каждому из предметов, впитывая столько информации, сколько вмещал мой мозг. Конечно, на стирку и мытье посуды совсем не осталось времени, но меня это не особенно волновало. Спустя неделю я уже сдавала тесты, которые до этого заваливала.

И успешно сдала все.

К началу следующей недели я занималась по другому расписанию – в группе с повышенной успеваемостью. А моя методистка договорилась с учителями, что оценивать меня будут только по второму полугодю, как тех, кто перевелся из другой школы. Таким образом, все мои двойки остались в прошлом.

Нэйтан не мог поверить, когда я вдруг объявилась на половине тех занятий, которые посещал он. Но очень за меня порадовался.

Как-то раз во время алгебры я заявила:

– У тебя всего три с половиной года, чтобы обойти меня в битве за звание «Выпускник года»!

Он потер руки, словно смакуя предстоящую борьбу:

– Мэдди снова в строю!

Следующие пару лет я пахала как конь, если не сказать больше. Ведь теперь мне приходилось не только выполнять более сложные задания в школе, но и совмещать учебу с домашним хозяйством. Грант учился контролировать свое настроение, но каждый раз, когда он пил, я старалась его избегать. И все же каким-то образом весь девятый и десятый класс я умудрилась проучиться на одни пятерки.

Затем наступил выпускной год, как известно, самый важный – из-за грядущего колледжа. Ну, знаете, когда все пишут вступительные тесты, решают задачи повышенной трудности, ездят по разным колледжам и тому подобное. А еще этот год делает важным не менее серьезная причина: выпускной вечер. Клянусь, всю осень девушки только о нем и говорили.

Кто меня пригласит? Какого цвета выбрать платье? Как ответить «да» как можно более нестандартным способом? Что делать, если меня пригласит кто-нибудь не тот? Как думаете, лимузин будет?

Тьфу.

Каждый раз, когда я что-нибудь из этого слышала, к горлу подступала тошнота. Хотя не то чтобы кто-нибудь говорил об этом со мной. Ведь в глазах многих людей я была все той же Мэдди Мак Фэтти, ботаничкой, которая еще в младших классах раздулась как шар. Но справедливости ради замечу, что с тех пор я сильно похудела и выглядела почти безупречно. Даже специально подкопила денег и купила себе очки помоднее. Хотя, конечно, это не сняло с меня клейма ботанички-толстушки.

У Нэйтана тоже была куча дел в этом году: он блестяще отыграл сезон в качестве нападающего в футбольной команде, возглавил баскетбольную команду в плей-офф, а бейсбольный сезон был в самом разгаре. Из-за его напряженного графика нам почти не удавалось поболтать после уроков, как раньше, но мы наверстывали упущенное во время занятий или в обеденный перерыв. Я не переставала поражаться самоотверженности Нэйтана – он имел смелость со мной болтать, в то время как половина его знакомых либо меня терпеть не могли, либо понятия не имели о моем существовании.

Во время одного из наших разговоров за обеденным столом в начале апреля я прощупала почву насчет выпускного. Любопытство замучило: кого же пригласит Нэйтан?

– Так что, кого ты осчастливил своим решением? Готова поспорить, какую-нибудь чирлидершу, – подмигнула ему я.

– Кого я пригласил на выпускной? – переспросил он.

– Да. Или дети пастора имеют право не ходить? – съязвила я.

– Ой, не начинай, – взмолился Нэйтан. – Вот увидишь, что за шутку я отмочу.

– Готова поспорить, – усмехнулась я. – Ну так что, ты кого-то уже пригласил?

– Еще нет. Хотя кое-кто у меня есть на примете. Жду подходящего момента.

– Кто? Брось, ты же знаешь, уж мне-то можно рассказать, – умоляла я.

В этот момент к нам за столик подседа красавица по имени Эбби. Она переехала в Рокуолл из Калифорнии всего пару месяцев назад, и ей потребовалась целая неделя, чтобы добиться популярности. Я немного о ней знала, кроме того, что она все время жевала жвачку.

– Привет, Нэйтан, – прощебетала она. – Чем занят?

– Общаюсь с подругой.

Мне очень нравилось, когда Нэйтан говорил так про меня. Словно хотел убедиться, что все знают: мы приятели. Это была не просто болтовня с первым встречным или обсуждение школьных проблем. Он вел себя со мной как с другом.

Эбби натянуто мне улыбнулась. Или усмехнулась – трудно было сказать.

– А, – рассеянно кивнула она и повернулась к Нэйтану. – Так вот, у меня был разговор с Эрикой, и... Она меня, конечно, убьет, если узнает, что я тебе рассказала, но если ты пригласишь ее на выпускной, она была бы жутко рада...

Я чуть не подавилась – как будто не сама Эрика заслала эту мамзель поговорить!

– Ох, – приснула я, – так вот ты на кого намекал, Нэйтан? На Эрику?

Эбби повернулась в мою сторону:

– Вы что, обсуждали выпускной?

– Ага. Видимо, он уже знает, с кем пойдет, но признаваться не хочет.

Она снова оглядела меня с ног до головы, словно пыталась прикинуть, какой размер одежды я ношу. По-моему, она не поняла – я серьезно или издеваюсь. С минуту поглазев на мои волосы, Эбби вновь повернулась к Нэйтану.

– Так вы говорили про Эрику? Я могила, не скажу ей ничего – ты ведь ее собираешься пригласить?

– Прости, Эбби, – ответил Нэйтан, – я никому не расскажу, с кем пойду на выпускной, кроме нее самой, когда придет время.

– Кого – «нее»? – не отставала Эбби.

– Та, о ком я говорю, узнает об этом первая, – улыбнулся Нэйтан.

Эбби встала:

– Хорошо. А если серьезно, Нэйтан, осталось всего три с половиной недели. Эрика не сможет долго ждать. И тебе очень повезло, что пока еще ее не пригласил кто-то другой. Если хочешь, можем даже двойное свидание устроить.

– О, а ты-то сама с кем идешь? – спросила я.

Глядя на меня сверху вниз, Эбби снизошла до ответа:

– Ты точно с ним не знакома. Ну или, во всяком случае, он с тобой не знаком. Его зовут Рэнди Роулинз, и он один из самых популярных в нашей школе. После выпуска ему даже предлагают футбольную стипендию – играть в Алабаме.

Я рассмеялась:

– Ну, у Рэнди отличный вкус.

То, как Эбби улыбнулась, снова вызвало у меня рвотный рефлекс. Самодовольная стерва.

– Вот спасибо. Мне очень приятно.

– Да, – продолжила я, – ведь раньше он был влюблен в меня.

В мгновение ока нахальная улыбка Эбби превратилась в сердитую гримасу. Нэйтан рассмеялся, а она без оглядки унеслась прочь.

– Это правда, про Рэнди? – спросила я, как только Эбби исчезла. – Он все-таки ее пригласил?

– Только вчера. Пока он почти никому не говорил. Уверен, скоро скажет тебе.

Я нормально отнеслась к тому, что не со мной первой Рэнди поделился новостью. Нэйтан был прав, через какое-то время он все равно бы рассказал мне. Такими были наши с Рэнди отношения: я до сих пор была в него влюблена, и, думаю, он это знал, но он был из «популярных», поэтому старался не афишировать, что со мной дружит. Я не возражала, а наоборот, прекрасно понимала его. Иногда, если мы с ним сталкивались в коридоре и вокруг почти никого не было, останавливались поболтать. А теперь, когда я снова была худой или хотя бы не толстой, я и вовсе пару раз замечала его восхищенные взгляды. Это меня обнадеживало, но на шею ему я вешаться не собиралась. Просто была рядом, когда Рэнди хотелось поговорить, и тогда мы словно бы возвращались в старые добрые времена и становились прежними детьми, которые стесняются признаться друг другу в своих чувствах.

– А что насчет тебя? – спросила я Нэйтана. – Тоже футбольная стипендия?

– Пока ничего определенного, – пожал он плечами. – Шансы есть, но

посмотрим. Парочка учебных заведений, похоже, собираются предложить стипендию, но сначала я должен хорошо закончить выпускной год. К сожалению, ростом я не вышел, в отличие от Рэнди. Это за такими здоровяками, как он, обычно начинается охота. Он просто огромен. Впрочем, уверен, и для меня тоже что-нибудь найдется. Это вопрос времени.

– Тебе будут рады в любом учебном заведении, не сомневаюсь, – ответила я.

Два дня спустя, в пятницу, перед началом уроков я снова столкнулась с Эбби, только на этот раз она была не одна, а Нэйтана рядом со мной не оказалось. Мне пришлось прийти раньше, чтобы сдать устный экзамен по французскому, который был на прошлой неделе и который я пропустила, потому что Элиза простудилась и ее было не с кем оставить дома. Эбби и Эрика же пришли на утреннюю тренировку чирлидерш. Когда они меня заметили, то стремглав бросились ко мне с двух сторон и оттеснили к стене.

– Так, – сказала Эбби, – колись. Нэйтан собирается пригласить Эрику на бал или нет?

– Откуда мне знать?

Эбби положила руки на свои тощие бедра и принялась жевать жвачку с утроенной интенсивностью:

– Да брось, все знают, что у вас с Нэйтаном что-то вроде дружбы. Никто не знает, с чего бы это – да, собственно, всем по фигу, – но что-то он, видимо, в тебе нашел. И мы знаем, что тебе все известно.

– Поверьте мне, девочки, я понятия не имею. Да и какая мне разница? – отмахнулась я.

Эрика вскинула голову:

– Готова поспорить, тебе больше всего на свете хотелось бы, чтобы он тебя пригласил, ведь так?

Я улыбнулась в ответ:

– Чья бы корова, а?..

Эбби и Эрика обменялись недоуменными взглядами:

– Что?

– Это значит... – Я попыталась придумать, как лучше объяснить, но решила, что не стоит. – Неважно. Просто имела в виду, что нет, мы с Нэйтаном – просто друзья, и я не забиваю себе голову каким-то там выпускным.

Казалось, Эрику мое заявление совершенно потрясло, словно то, что

выпускной меня не волнует, она восприняла как личное оскорбление. Она смерила меня презрительным взглядом, и ее глаза заблестели.

– Мэдди, твоя мама ведь погибла несколько лет назад?

– Да, – неуверенно ответила я. – И что?

– Знаешь, в чем твоя проблема?

– А у меня что, проблемы? – не поняла я.

– Макияж! Твоя мама не успела научить тебя краситься. Seriously! Мальчишки, а особенно Нэйтан, обратят на тебя гораздо больше внимания, как только ты хорошо наклеишься. Поверь мне.

Эбби, казалось, поняла, что Эрика собралась сделать.

– О да, она права. Немного помады, правильные тени – и парни в штабеля будут укладываться.

Она порылась в рюкзаке и достала ярко-красную помаду и тени.

Эрика тут же выхватила помаду из рук подруги.

– Постой минутку смирно, Мэдди, и мы из тебя сделаем красотку.

И прежде чем я успела отреагировать, она начала красить мне губы.

Я хотела вырваться, попыталась дать Эрике отпор. Но какой-то внутренний голос подсказал, что не стоит. Нет, конечно, это было не то же самое, что получить затрещину от Гранта, но, как ни странно, чувства меня одолели приблизительно те же. Да, я хотела, чтобы эти дуры дорого заплатили за свои издевательства, но к подобному обращению я уже, увы, привыкла. И была намерена испить чашу унижения до дна. Мой жизненный опыт показывал, что лучше просто переждать – смириться с болью и жить дальше.

К тому времени, как девицы начали свою «пытку макияжем», уже подъехали несколько автобусов со школьниками, и в холле мы были не одни. Пара человек остановились посмотреть, что происходит. Девушки хихикали – Эрика все красила и красила, пока мои губы и все вокруг них не стало ярко-красным. Я хотела кричать, но эти две дуры того не стоили. Со мной уже случались вещи и похуже, так что я просто дала им насладиться моментом. В самый разгар пытки я услышала, как одна девушка с плохо скрываемым издевательством воскликнула:

– Надо же, какая ты красивая!

Кто-то из парней крикнул:

– Хьюстон, у нас тут красотка!

Я почувствовала, как обливаюсь холодным потом.

Когда Эрика закончила с губами, Эбби сняла с меня очки и начала красить глаза. Она взяла самый темный оттенок оранжевого из палетки и намазала мое верхнее веко, потом повторила процедуру на втором глазу.

– Думаю, к твоим глазам подойдет любой цвет, – сказала она с усмешкой. – Значит, будем делать радугу.

Она взяла кисть, ткнула в ярко-фиолетовый и провела по моему веку.

Руки Эрики и Эбби закрывали мне обзор, так что я не видела, почему все вдруг затихли. Мои визажистки тоже поняли – что-то происходит.

И обомлели. Даже без очков я разглядела посреди холла Нэйтана. На нем были брюки и рубашка с галстуком, в руке он держал розу с длинным стеблем. И сам был такого же красного цвета, как ее лепестки.

– Эрика? Что ты делаешь? – спросил Нэйтан.

На лице Эрики моментально сменились несколько оттенков красного. Она пролепетала:

– Да я... То есть... знаешь... учила Мэдди краситься. У нее ведь нет мамы, и никто ей не расскажет, как правильно наносить макияж.

– Да, – добавила Эбби со смешком, – мы ей помогаем.

– Чего это ты так разоделся, Нэйтан? – спросила Эрика.

Но Нэйтан посмотрел сквозь них с Эбби прямо на меня. Я смущенно отвернулась – не хотела, чтобы он видел меня такой.

– Сегодня я должен выглядеть хорошо, – пробормотал он. – Потому что собираюсь кое-кого пригласить на выпускной.

Эрика расплылась в улыбке:

– Ну, должна сказать, в моих глазах ты уже король выпускного бала. Все, что тебе нужно, – такая же красивая королева.

– Ты права, Эрика, – сказал он, и лицо его смягчилось. – Именно королева мне и нужна.

Он поднял розу и медленно подошел к ней.

– И ты красива настолько, насколько можно.

Эбби аж задрожала от волнения. Эрика выпятила грудь и быстро пробежала взглядом по окружающим, ожидая слова, которые Нэйтан собирался вот-вот сказать. Когда они с Эрикой оказались лицом к лицу, Нэйтан наклонился к ней, как будто собирался поцеловать, а потом еще тише добавил:

– Ну, внешне.

Выражение лица Эрики надо было видеть. Грудь ее опала, как и челюсть, когда он повернулся ко мне и спросил, согласна ли я пойти с ним на выпускной вечер.

Из толпы послышались вздохи, но визг Эрики перекрыл все звуки в холле.

Мгновение было божественным. Уверена, некоторые подумали, что Нэйтан шутит, но я-то знала, что о подобных вещах он шутить бы не стал.

Только не со мной. Это было нереально. То есть он же был моим другом, и для меня его приглашение не было странным, но все остальные, должно быть, думали, что все происходящее на их глазах – просто безумие. И, наверное, в каком-то смысле это и было странным: самая ботанистая ботаничка – и вдруг приглашена на важнейшее событие года Мистером Совершенство! Я знала, когда Нэйтан протянул мне розу, что не меня он собирался пригласить. Но пригласил, чтобы спасти от унижения, а также, наверное, чтобы преподать этим двум дурам хороший урок. Нэйтан так никогда и не сказал, кого хотел пригласить на выпускной, но я все же подозреваю, что Эрику.

– Ты уверен? – спросила я. – То есть я пойму, если ты передумал.

– Да, уверен, – настаивал он. – Брось, скажи наконец «да». Будет весело. И как сказала Эрика, мне ведь нужна королева.

Мои щеки горели, и, признаюсь честно, я была готова поцеловать его. Но не теряла самообладания и счастливым голосом ответила:

– Тогда «да».

Глава 26

Новость о «подвиге» Нэйтана распространилась, как лесной пожар. Некоторых – всю шайку чирлидерш, к примеру – подобный поворот событий привел в ужас, но большинству показалось милым, что Нэйтан отстоял свои убеждения, хотя они искренне жалели его: теперь ведь ему придется и впрямь вести на выпускной меня. Сам же он делал вид, что все это пустяки.

За обедом я спросила его, одни ли мы пойдем.

– А с кем мы должны туда пойти?

– Не знаю. Я вообще не в курсе, как это обычно происходит. Мы пойдем одни или большой компанией?

– Компанией было бы весело, – согласился Нэйтан, – но Рэнди идет с Эбби, и я не хочу проторчать с ней всю ночь.

И тут вдруг у него появился тот взгляд, который появлялся всякий раз, когда в его голову приходила какая-нибудь безумная идея.

– А знаешь что? Я, пожалуй, наведу справки. Есть у меня одна мысль.

Я не знаю как, но к концу следующего дня еще три девушки вроде меня, которые даже не мечтали пойти на выпускной, кружиться среди цветов и воздушных шариков, оказались пристроены – Нэйтан уговорил своих товарищей по футбольной команде, которые еще не выбрали, с кем пойдут, пригласить этих трех.

– Это у вас что, такая благотворительность, что ли? – несколько возмущенным тоном поинтересовалась я, когда он сказал, что мы пойдем на выпускной компанией из четырех пар.

– Могла бы и поблагодарить, – ответил Нэйтан, и выглядел он при этом искренне обиженным. – Мы это не ради себя делаем, а потому что пойти на выпускной имеет право каждый. Ты не рада? А я вот очень рад, что иду с тобой.

– Да, и я рада, – ответила я.

– Хорошо. И думаю, другие девочки тоже рады. И помни, Мэдди: делай добро – и получишь добро в ответ. Мне кажется, так действительно лучше. Не только для тебя или тех девушек, но и для меня и моих друзей. Ведь ребята боялись пригласить кого-то, потому что не хотели, чтобы их продинамили. И я гарантирую: мы проведем время гораздо лучше, чем если бы пошли с кем-то вроде Эрики, которая только и думает, что о себе.

– Ладно, я поверила «не ради себя», – сказала я со смешком. – Ты прав.

Мы классно проведем время.

Так все и получилось.

Мои чувства в день выпускного не поддавались описанию. Я, школьный изгой, иду рука об руку с Нэйтаном Стином в купленном на распродаже, но внешне роскошном платье из голубой тафты, которая при определенном освещении становилась зеленой. Мы сходили в самый шикарный ресторан и в компании других выпускников проехали по всему городу на лимузине – одним словом, распрекрасно провели время. Это был действительно потрясающий день, пожалуй, один из лучших в моей жизни. И хотя, в сущности, я осталась такой же верзилой-ботаничкой, рядом с Нэйтаном это не имело никакого значения. Мы просто были самими собой, если, конечно, можно так выразиться.

Я очень признательна Нэйтану за то, что он сделал для меня: был так добр, так много шутил и был таким обходительным, но при этом все не выглядело так, будто он делает кому-то одолжение. Мне нравилось быть рядом с ним, нравилось, что он помог мне ощутить собственную значимость. За ужином я наклонилась и шепнула ему на ухо:

– Я тебе так благодарна.

– За что? – не понял Нэйтан.

Я оглядела ресторан и изящно сервированный стол, посмотрела на других членов нашей маленькой компании... И сказала:

– За это. За все.

– Брось, – отмахнулся он. – Это я у тебя в долгу. Ты сделала меня лучше. Я был бы сейчас совсем другим человеком, если бы не прочитал тогда твое стихотворение.

Это любовь, подумала я. Не романтическое чувство – влюблена-то я ведь была все еще в Рэнди, – а любовь. Я хотела просто обнять Нэйтана и никогда больше не отпускать. Он вселял в меня уверенность. Ему было не все равно. Он никогда бы не причинил мне боль.

– Все равно я твоя должница, – сказала я. – И обещаю вернуть долг.

Когда мы прибыли в школу, первое, что бросилось мне в глаза, – Эбби, которая повсюду таскала за собой Рэнди: сначала к чаше с пуншем, потом к диджею, затем к столу с закусками, потом опять к чаше с пуншем. И каждый раз махала как чокнутая всем, кто, как она думала, от нее глаз отвести не может. Бесила она меня жутко. Честно говоря, Эбби и выглядела-то в тот вечер совсем не блестяще. Рэнди же в элегантном смокинге смотрелся сногшибательно. Судя по всему, он был совсем не в восторге от своей подружки – пару раз я заметила, как он нервно выискивает взглядом в толпе нас с Нэйтаном.

В самый разгар празднества, когда я пошла за пуншем, Рэнди улизнул от Эбби на пару минут – поговорить с Нэйтаном. Когда я вернулась, Рэнди улыбнулся мне и, кажется, даже покраснел – и поспешил ретироваться.

– О чем шла речь? – спросила я Нэйтана.

– Речь шла о четвертом классе, насколько я могу судить.

– Что? – не поняла я.

Он усмехнулся:

– Ну, когда Рэнди в тебя втюрился, помнишь? Так вот... Думаю, он по-прежнему в тебя влюблен.

Внешне я пыталась играть невозмутимость, но внутренне радостно была степ.

– В самом деле? Ты серьезно?

– О, только не говори, что не хотела бы, чтобы он был в тебя влюблен. Я видел, как ты смотришь на него, когда он рядом. Но сделай одолжение – не говори ему, что я тебе рассказал. Думаю, он хочет произвести на тебя впечатление.

– Так что он тебе сказал-то? – распирало меня.

– Только то, что его жутко бесит Эбби, и он уже сильно пожалел, что ее пригласил. Тогда я сказал, что он может спокойно присоединиться к нам. Ты ведь потанцуешь с ним? Думаю, Рэнди бы этого очень хотел.

– А ты не против? – осторожно спросила я, боясь выплеснуть ликование.

– Я? Черт возьми, конечно, нет. Я ему весь год говорил, что нужно было пригласить на выпускной тебя. А теперь, надеюсь, когда я намекнул, он будет вести себя более решительно.

В этот момент крик в другом конце зала прервал нашу беседу. Мы обернулись и увидели, что кричит Эбби. Она безобразно орала на Рэнди, тыча в него указательным пальцем:

– Ты не можешь вот просто взять и отменить свое приглашение! Это же выпускной! Меня даже еще не выбрали королевой!

Рэнди что-то ответил, но мы не могли расслышать что. Однако, каким бы ни был его ответ, Эбби он разозлил еще больше. Она оглянулась через плечо и тут вдруг заметила меня, Нэйтана и других парней и девушек, которые приехали вместе с нами. И заорала с новой силой:

– Отлично! Подавись своей благотворительностью! Жалкий кретин!

Быстро и проворно, как будто уже не раз такое проделывала, Эбби протянула руку и вырвала из петлицы Рэнди цветок, бросила его на пол и растоптала каблуком. Когда она убедилась, что цветок уничтожен, сняла с руки браслет с таким же цветком и швырнула Рэнди в лицо.

Я в тот момент даже сочувствовала Эбби. Не думаю, что она поняла, какой дурой себя в тот момент выставила. Когда она убралась вон, преследуемая свитой других популярных девчонок, которые выглядели так, будто их жизнь только что потеряла смысл, из громкоговорителя раздался голос диджея:

– Эй, я всегда говорю: какой выпускной без старой доброй тинейджерской разборки! Как насчет того, чтобы разрядить обстановку ударной дозой хорошей музыки? А ну-ка, все, кто сгорают от нетерпения выйти на танцпол, давайте подвигаемся!

Десятки выпускников устремились на танцпол, и сразу же стало веселее. Нэйтан как раз спросил, нравится ли мне песня, когда сзади подошел Рэнди и похлопал меня по плечу. Более взволнованным я не видела его, пожалуй, еще никогда:

– Мэдди... Я знаю, что ты здесь с Нэйтаном, но... Потанцуем?

Я смотрела на Нэйтана, пока на его лице не заиграла улыбка.

– Да, – кивнула, – конечно.

Рэнди взял меня за руку и повел на танцпол, где выпускники уже вовсю дурачились, отплясывая в ритм, прыгая и играя на воображаемых музыкальных инструментах. Не говоря ни слова, Рэнди схватил мою вторую руку, прижал меня к себе и начал медленный танец.

– Что ты делаешь? – не поняла я.

– Танцую, – сказал он. – Не люблю быстрые танцы.

Не то чтобы я была против оказаться так близко к объекту моих вздыханий, но на нас уже начинали пялиться и показывать пальцем.

– Но... Разве тебя не волнует, что о нас все подумают?

Рэнди смущенно улыбнулся:

– Раньше волновало. А теперь я просто хочу танцевать... – он помедлил, – ...с тобой.

До конца песни мы больше не произнесли ни слова. Наверное, Рэнди ждал, что разговор начну я, но я держала рот на замке – не хотела портить момент.

А затем заиграла медленная песня – «Небеса» Брайана Адамса. И вот тут-то мы начали танцевать по-настоящему. Песня уже была на середине, когда Рэнди наконец осмелился заговорить снова.

– Я знаю, Эбби была слишком маленького роста для меня, – сказал он, посмеиваясь. – Мне нужен кто-то повыше.

По моей спине побежали мурашки.

– И поумнее, – согласилась я.

Он засмеялся снова:

- И не забудь «поочкастее».
- «Поочкастее»? – опешила я.
- Ну, то есть... в очках.

Я обняла его.

- Да, тебе, безусловно, нужен кто-то поочкастее.

Спустя еще минуту я набралась смелости и задала вопрос, который, как я надеялась, прозвучал бы не слишком прямолинейно:

- Почему сейчас, Рэнди?
- Почему сейчас – что?
- Почему ты... ммм... так мило со мной общаешься?
- Я всегда с тобой нормально общался, – возразил Рэнди.

– Допустим, но почему ты, как бы это сказать... мной вдруг так заинтересовался? Или я что-то не так поняла? – запинаясь, спросила я.

Он перестал танцевать и слегка отстранился, чтобы посмотреть мне в лицо.

- О чем ты говоришь? Я ведь с тобой все время общаюсь.

– Да, но только тогда, когда никто не смотрит, за исключением, может быть, Нэйтана. Не тогда, когда рядом кто-то еще...

В глазах Рэнди отразилось раскаяние.

– Я никогда не был таким, как Нэйтан. Думаю, меня слишком интересовало мнение «крутых». Извини меня. Нэйтан всегда говорил, что никогда не надо слушать других, а просто делать то, что нужно мне. А прямо сейчас я хочу одного – танцевать с тобой.

Я была рада это слышать, но его ответ меня еще не убедил. И я продолжила допрос:

– То есть завтра ты не будешь смущаться, если кто-то спросит, почему ты променял Эбби на меня?

– Пусть говорят, – ответил он с уверенностью, которой я от него не ожидала, а потом снова обнял меня и начал двигаться в такт музыке.

– А что, если кто-то уже подумал, что мы, типа... парочка? – не унималась я.

Конечно, я торопила события, но лучше уж все сразу расставить по своим местам.

Рэнди улыбнулся:

- А даже если и так? Ты ведь не против?

Я, не колеблясь и сотой доли секунды, тут же брякнула:

- Ммм... нет. А ты против?

Теперь его улыбка стала более озорной. Он сказал:

- Я бы очень хотел, чтобы о нас все сейчас именно так и думали.

Во взгляде Рэнди появилось что-то новое для меня. Я почувствовала, как у меня засосало под ложечкой, словно поняла, что сейчас случится нечто неожиданное. Но что бы это ни было, я *хотела*, чтобы оно произошло. В горле у меня пересохло, я едва могла говорить, но успела пробормотать:

– Зачем... ммм... то есть как... как мы их заставим так о нас думать..?

– У меня есть идея, – прошептал Рэнди.

Его взгляд заставил мое сердце забиться сильнее. И тогда он медленно нагнулся и поцеловал меня! Не в щеку, как иногда делала Элиза, или в лоб, как Грант целовал меня на ночь. Это был *он*, настоящий поцелуй, в губы. Даже не помню, сколько мгновений он продлился. Наверное, не так долго, как мне тогда показалось, но достаточно, чтобы я, словно по волшебству, оказалась совсем в другом мире.

Когда Рэнди наконец отпустил меня, мы на подкашивающихся ногах поплелись с танцпола. Нэйтан и еще пара его друзей приветствовали нас громким улюлюканьем.

– Прости, чувак, – сказал Рэнди, снова покраснев.

– Не переживай, – ответил Нэйтан, шутя ткнув его в бок. – Хоть одному из нас сегодня свезло.

Я чувствовала, как на моих щеках тоже заиграл румянец, – ощущение было очень приятное. Все происходящее казалось настолько нереальным, что я даже спросила себя, не угодила ли я в волшебную сказку и не пора ли мне проснуться.

Всю оставшуюся часть выпускного вечера мы с Рэнди либо танцевали, и нам было совершенно неважно, медленные танцы или нет, либо болтали с Нэйтаном около стола с закусками. На танцполе мы вели себя так, будто уже сто лет встречаемся, и мне было немного непривычно, но я не обращала на это внимания – в этом и заключалась магия выпускного вечера.

В полдвенадцатого объявили последний танец, и Рэнди настоял, чтобы я танцевала с Нэйтаном – в знак благодарности. После песни мы еще задержались на некоторое время, но потом нас все-таки отправили по домам. Рэнди сел за руль старенького «Форда», который принадлежал его матери, и хотя я больше всего на свете хотела бы, чтобы отвез меня домой именно он, послушно села в лимузин к Нэйтану – я ведь уехала с ним, значит, и возвращаться нам тоже следовало вместе. Кроме того, Грант вряд ли бы одобрил, что ушла на выпускной я с одним, а вернулась с другим.

Перед тем как сесть в машину, Рэнди отвел меня в сторону и крепко поцеловал, пожелав спокойной ночи.

Я не хотела его отпускать. А отстранившись, положила руку ему на грудь, туда, где должен был быть бутон розы в петлице.

– Я уже говорила, как хорошо ты выглядишь в смокинге? – спросила я. – Только цветка не хватает.

Он засмеялся:

– Пойдем спасать розочку, которую раздавила Эбби.

– Нет, – возразила я. – Она красная. А я думаю, тебе больше подошла бы белая.

– Ммм... А я думаю, синяя, под цвет твоих глаз, – нежно произнес Рэнди.

Мое сердце затрепетало.

– К сожалению, синих роз не бывает, – грустно заметила я.

Рэнди вопросительно вскинул брови:

– И откуда ты знаешь?

– Вычитала как-то в энциклопедии. У них нет гена, который отвечает за синий цвет.

– В самом деле?

– Я почти уверена. Но, опять же, три недели назад я была уверена, что вместо выпускного проведу вечер в обнимку с книгой. А пару часов назад была уверена, что ты весь выпускной будешь с Эбби. Так что, возможно, не всегда все так однозначно, – проговорила я тихо.

– Но то, что мы сейчас здесь, и наш поцелуй доказывают: возможно все. Даже синие розы, – прошептал Рэнди.

И прежде чем я успела что-то сказать, он наклонился и поцеловал меня на прощание. И у меня снова перехватило дыхание и засосало под ложечкой.

Через несколько минут Рэнди уехал, а все остальные забрались в лимузин. Когда всех развезли по домам, мы с Нэйтаном остались в лимузине одни. Наконец водитель остановил машину у моего дома. Нэйтан открыл передо мной дверь, взял меня за руку и проводил, как настоящий джентльмен. Я сказала, что это вовсе не обязательно, но он настоял. А потом, поднявшись на полутемную веранду, заключил меня в объятия и долго благодарил за прекрасный вечер.

– Рэнди действительно повезло, – сказал Нэйтан. – Ты гораздо лучше, чем все о тебе думают.

Если бы тот вечер закончился прямо тогда, я могла бы с легкостью назвать его лучшим в моей жизни. И с теплотой вспоминала бы потом в трудные времена.

Но приятные воспоминания – словно друзья. Или родители. Другое

дело – неприятности. Воспоминания о них потом преследуют, скрываясь по углам, словно затаившийся грабитель, в любой момент готовые украсть ваше счастье.

Глава 27

Когда одна дверь закрывается, открывается другая. Так говорят. Может, оно и правда так. Только вот иногда хочется запереть ее и никогда больше не открывать.

Пока мы с Нэйтаном прощались на крыльце, входная дверь вдруг распахнулась, залив нас светом из прихожей. На пороге стоял Грант – босой, с бутылкой в руке. Я сразу почуяла неладное: в его глазах загорелся тот жуткий огонек, который я так хорошо знала. И тут же велела Нэйтану уйти.

– Нет, нет, нет... не так сразу, – произнес Грант, погрозив нам пальцем. – Ну как, сын проповедника хорошо провел время с моей маленькой девочкой?

– Да, сэр, – ответил ему Нэйтан. – Было весело.

– Пожалуйста, – умоляла я, – просто уйди. Он немного пьян, видишь... Ты должен уйти. Сейчас же.

Грант рассмеялся:

– Немного? Детка, да я просто в стельку. Давай называть вещи своими именами.

С этими словами он ткнул бутылку Нэйтану под нос, но тот и ухом не повел. А Грант начал сыпать гневными фразами, зажевывая половину слов:

– И так как я в нетрезвом состоянии, мне не составит никакого труда сказать тебе все в лицо... Так вот – я никогда не любил тебя. Тебя и твоего папашу-святошу! Вы всегда себя ставили выше нас всех! Неужели нормальный отец будет сквозь пальцы смотреть, как его сын пуляется бумажными шариками в церкви?!

Грант сложил почти негнущиеся пальцы в кулак и поднял руку, словно и правда собирался ударить Нэйтана.

– Надо было в тот же день научить тебя смирению и покорности. А знаешь что, я, пожалуй, преподам тебе хороший урок прямо сейчас! – прошипел мой отчим сквозь зубы.

Я испугалась, что он действительно ударит Нэйтана, поэтому оттолкнула его и закричала:

– Уходи быстрее!

Когда Нэйтан был уже вне досягаемости, Грант опустил руки и немного расслабился. Я еще раз повторила, что будет лучше, если Нэйтан уйдет. Тот неохотно отступил в сторону лимузина, а Грант выкрикивал ему

вслед грязные ругательства. Я еще довольно долго стояла на крыльце, чтобы увидеть, как лимузин уехал, а потом убежала к себе в комнату.

Боясь, что Грант все еще хочет кого-нибудь ударить, я как была, в выпускном платье, залезла в постель, спряталась под одеялом и с ужасом ждала, что он вот-вот ворвется и не оставит на мне живого места. Но этого не произошло. Через час, а может быть, больше я прокралась вниз, чтобы посмотреть, чем занят отчим, и застала его сидящим в кресле в гостиной, спиной ко мне. Он курил сигарету за сигаретой, перемежая затяжки заглатыванием львиных доз алкоголя, а у ног его лежала упаковка таблеток, и вокруг нее были разбросаны пилюли. Учтывая, сколько дряни он уже принял, то, что Грант вырубится, было лишь вопросом времени. С облегчением переведя дух, я на цыпочках вернулась наверх, убедилась, что Элиза спит, а затем начала готовиться ко сну, решив, что теперь мне ничто не угрожает.

Только все было совсем не так.

Не знаю, услышал он, как я ходила по комнате или как скрипнули половицы на лестнице, но в момент, когда я уже сняла платье, дверь распахнулась, и на пороге оказался Грант, снова с бутылкой в руках.

Несколько долгих мгновений он просто смотрел на меня, и по моей спине побежали мурашки. Затем, подойдя ближе, Грант с пафосом заявил, что таким, как я, не пристало ходить на свидания с парнями вроде Нэйтана Стина, что я его недостойна.

– Как может главный нападающий футбольной команды интересоваться такой, как ты? – произнес Грант заплетающимся языком. Он замолчал, наклонил голову и покосился на меня. – Хотя... Ты становишься похожей на свою мать. Да, может быть, этот твой Стин не такой уж и святоша.

– Убирайся, – зарычала я, пытаюсь прикрыться платьем, – пожалуйста!

Это последнее, что я успела сказать... Шлеп! Грант врезал мне в висок, и я отлетела назад. После этого окружающий мир провалился в пропасть. Все, о чем я успела подумать: *«Нет, это происходит не со мной!»* Слишком уж все было отвратительно. Даже не могу вспомнить, что случилось дальше, потому что заблокировала все воспоминания о той ночи.

Очнулась я уже утром и попыталась убедить себя, что все, что произошло ночью, – просто кошмарный сон. *«Грант хороший, – твердила я себе. – Он мой отчим. Он заботится обо мне. Он никогда бы не сделал мне так больно. Не сделал бы, ведь правда?»*

Я долго стояла под душем, пока не поняла, что на меня льется ледяная вода. Одевшись, спустилась и обнаружила Гранта спящим в кресле. Вокруг

валялись таблетки и пустые пузырьки от них. Рядом, на диване, устроилась Элиза – она смотрела мультфильмы по телевизору и бодро уплетала хлопья прямо из коробки. Грант проснулся только после полудня, и судя по его словам, такого жуткого похмельного синдрома у него еще не было никогда. Не знаю, был ли это продуманный спектакль, но вел он себя так, словно ничего не помнит о вчерашнем. Даже поинтересовался, как прошел мой выпускной. Когда я без тени иронии призналась, что это была самая отвратительная ночь в моей жизни, он искренне огорчился и попытался меня обнадежить, сказав, что, может быть, в следующем году все будет лучше.

– А ты-то сам как? – спросила я нервно. И настроилась уловить ложь в его ответе. – Как прошел вечер?

– Сложно сказать, – ответил Грант смущенно. – Почти ничего не помню после того, как уложил Элизу спать. Нет, потом помню, что кто-то кого-то преследовал – по телевизору, а вот после этого...

Он замолчал и оглядел бардак в комнате.

– Потом, предполагаю, я сильно перебрал.

– Да, – выдохнула я. – Похоже на то.

Оставшуюся часть дня я просидела одна в своей комнате, то утешая себя, то пытаюсь придумать план побега, при этом каждую минуту испытывая какое-нибудь новое отвратительное чувство: смущение, стыд, чувство вины, неверие в свои силы, страх... Через каждые две минуты я подходила к окну, пытаюсь набраться смелости сбежать и никогда больше не возвращаться. Но потом меня одолевал страх, и я снова искала любые отговорки.

Вдруг в школе узнают, почему я сбежала из дома? Что, если узнает Рэнди? Вдруг в полиции мне никто не поверит? А вдруг они начнут расследование, и придется проходить через всякие унижительные процедуры, чтобы в итоге все сочли меня выдумщицей? Разве Грант стерпел бы подобное? А как же Элиза?..

Если бы не сестренка, уверена, я давно бы сбежала. Но план у меня был, правда, тот же самый, который я придумала, когда Грант первый раз меня ударил. Да, при ближайшем рассмотрении критики он не выдерживал, но вот если оценивать с точки зрения перспективы... *Тебе уже почти восемнадцать, Мэделин. Осталось меньше года, и все изменится. Тогда ты сможешь заявить в полицию. И никто уже не посмеет забрать твою сестру в какой-нибудь там детский дом. Они не смогут отобрать ее у тебя. А ты нужна Элизе. Ей нужна ты... и ее мать.*

Я сделала глубокий вдох, чтобы побороть поднимающуюся из глубины

души панику. У тебя все получится, сказала я себе. Должно получиться. Еще раз глубоко вздохнув, я спустилась вниз, старательно делая вид, что все хорошо.

То, что Грант ничего не помнил, помогло мне притворяться.

После ужина раздался звонок в дверь. Грант оказался к ней ближе, так что открыл первый.

– Мэдди, – сказал он весело, – тут кто-то пришел к тебе в гости.

Я думала совсем о другом и даже не пыталась угадать, кто это.

Подошла к двери и ахнула:

– Рэнди...

– Не удивляйся так сильно.

– Я оставляю вас наедине, – сказал Грант. А потом продолжил себе под нос, но так, чтобы мы с Рэнди слышали: – Два парня за два дня. Неплохо, детка. Совсем неплохо.

– Не говори, – рассеянно произнесла я.

– Пойдем пройдемся? – предложил Рэнди.

– Э-э... да. Только обуюсь, – метнулась я в коридор.

Прошлись мы только пять минут, а большую часть следующего часа просидели на качелях в парке и болтали. Рэнди был так мил, рассказывал, как ему хорошо, когда рядом нет крутых ребят, с которыми надо вести себя соответствующе.

– А с тобой можно быть крутым по-своему, – гордо заявил он.

– Крутость в любом виде – слишком мощно для меня, – сказала я.

– Ты какая-то растерянная, – заметил Рэнди. – Все в порядке?

– Не спала всю ночь, – пожала я плечами, стараясь быть честной, насколько возможно.

– Я тоже, – признался он. – Никак не мог забыть, как здорово было на выпускном.

Иногда трудно быть честным.

– Я тоже, – соврала я.

На неделе Нэйтан и Рэнди заметили, что я чем-то озабочена, но я что-то быстро сочинила про итоговые экзамены, и они купились.

Рэнди сдержал слово и изменился – теперь его больше не волновало мнение окружающих, и мы начали проводить время вместе. Мы часто виделись. Отношения с ним оказались для меня своего рода терапией: чем чаще мы встречались, тем меньше у меня оставалось времени, чтобы переживать о том, что я так отчаянно хотела забыть.

Хотелось бы, конечно, чтобы изменение моих отношений с Рэнди в хорошую сторону повлияло на мой социальный статус, но все произошло

иначе: тем, чей социальный статус совсем упал, оказался Рэнди. Мне, конечно, надо было предугадать эту ситуацию. То есть я же несколько лет общалась с Нэйтаном, но те девушки, которым он нравился, ограничились лишь презрением и завистью в мой адрес. Однако Нэйтан всегда вращался в различных компаниях и старался быть вежливым с «представителями всех социальных кругов», к чему все в школе привыкли уже давно. Так что его дружба со мной была лишь проявлением типичного «синдрома Нэйтана Стина». Но вот с Рэнди дело обстояло не так. Он изначально словно хотел общаться лишь с крутыми подростками. И когда он публично, на школьном выпускном, предпочел Эбби меня, поправ тем самым всю школьную социальную систему, отношение к нему поменялось в одно мгновение. Теперь издевательства градом сыпались в его адрес, но он все терпел.

И, как ни странно, не бросил меня. А пару раз даже вступился за мою – и свою – честь. Кто-то из парней заявил, что Рэнди встречается со мной только потому, что я не против более «близких» отношений. Если раньше он молча пропускал все обидные ремарки мимо ушей, то теперь, стоило кому-то намекнуть на нечто неприличное, он тут же выпрямлялся во весь свой огромный рост и просил клеветника повторить обвинение.

Насколько мне известно, не решился ни один из обидчиков.

Через пару недель учеба закончилась, а потом началось лето. Вот когда для нас с Рэнди наступил самый прекрасный период. По утрам он подрабатывал садовником в Рокуолле, но потом приходил посидеть со мной и Элизой. Грант в этот момент был далеко – красил дома, как обычно летом. Мне тогда казалось, что мы втроем – или вчетвером, когда Нэйтан был свободен, – делали вместе все: купались в озере, гуляли в парке, ходили в кино или просто собирали былинки на заднем дворе. Неважно, чем мы были заняты, мы просто все делали вместе.

Очень часто Рэнди брал мою руку в свою, сплетал пальцы и говорил:

– Мы хорошо друг друга дополняем.

– Лучше не придумашь, – соглашалась я.

– Ну что вы все держитесь за руки! – возмущалась Элиза. – Вы же не маленькие!

Как-то в начале июля Рэнди взял меня и Элизу на утренний показ фильма «Ла Бамба». Мы решили перехитрить мою сестренку – купили ей отдельное ведерко попкорна, стакан воды и посадили на место в ряду перед нами. В результате мы с Рэнди оказались «одни» в полупустом кинотеатре. Но на середине показа и, как назло, в момент, когда стало особенно тихо, Элиза вдруг повернулась и закричала:

– Фу! Хватит целоваться! Я папе расскажу!

– Поймала с поличным, – вздохнула я, услышав, как сменяются сидящие рядом.

– Да уж, – добавил Рэнди. – Пойду куплю ей еще попкорна.

Лето было в самом разгаре, и с каждым днем я старалась мысленно отдалиться от того, что случилось со мной в ночь после выпускного. Нет, я не смирилась с этим, но рядом с Рэнди было так хорошо, что я не хотела думать о чем-то плохом. *«Просто не вспоминай о реальности, – напоминала я себе время от времени, – пока тебе не исполнится восемнадцать. Тогда все изменится. А сейчас не позволяй мыслям о Гранте испортить то, что происходит у тебя с Рэнди».*

Каникулы получились действительно восхитительными – произошло столько прекрасного, у меня осталось множество замечательных воспоминаний о волшебных моментах с Рэнди. Так продолжалось до тех пор, пока в начале августа не стартовал футбольный сезон.

Рэнди воспитывала мама, и денег у нее было немного, так что он знал: единственным шансом вытянуть счастливый билет и поступить в хороший колледж для него был только футбол. Но в таком случае ему требовалось оттачивать мастерство, и тренировки стали отнимать все его свободное время.

У Нэйтана футбол тоже времени отнимал достаточно, хотя стипендии на обучение в колледже в его случае вряд ли зависели от спортивных достижений: на роль идеального нападающего он не подходил по комплекции. Кроме того, помимо меня, Нэйтан был одним из немногих выпускников с наивысшей успеваемостью – с такими результатами получить хорошую академическую стипендию было парой пустяков, и спортивные достижения отошли на второй план.

Большую часть августа я видела Нэйтана и Рэнди только в выходные, да и эти наши встречи получились очень короткими.

В том же месяце я снова начала набирать лишний вес – особенно заметно это было в области талии. К тому же у меня была задержка менструации, но я не волновалась: подобное случалось и раньше. Но в последнее воскресенье августа меня начало тошнить, и тут я забеспокоилась. Чтобы привести нервы в порядок, с утра отправилась в аптеку и купила тест на беременность.

Где-то в глубине души я говорила себе, что не нужно даже и беспокоиться. Ведь я все еще цеплялась за ложную надежду, что произошедшее той ночью с Грантом на самом деле было лишь в моей голове. И дойдя до туалета, я даже попыталась саму себя уговорить не делать тест – ведь история знает лишь одно непорочное зачатие, и вряд ли я

повторю этот подвиг.

В итоге я все же себя убедила. И когда увидела результат теста, тут же захотела умереть.

Все ужасные воспоминания о той ночи нахлынули на меня разом. Я вышла из аптеки в смятении, пытаюсь одновременно разобраться с тысячей разных мыслей, но на уме у меня было лишь одно: бежать. Все это было для меня слишком. Как раз когда я уже почти оставила самое страшное позади, когда мне уже почти исполнилось восемнадцать и я была почти свободна... Как раз когда уже мечтала, что скоро смогу жить как все нормальные люди. Но не смогу... никогда. И пусть подобное желание было низким и недостойным, в тот момент я хотела бежать от всего мира, от моей боли и всего этого ужаса.

Я медленно двинулась туда, где, как считала, смогу обрести равновесие. Когда свернула от шоссе на улицу, рядом со мной остановилась машина.

– Эй, Мэдди, – окликнул меня Нэйтан. – Ты что, плачешь? Что-то случилось с Рэнди?

– Нет, я просто... вышла погулять, – сказала я и посмотрела на него затуманенным взглядом.

– Ну уж нет, что-то тут точно не так. Куда ты собралась? – не отставал он.

Не так уж далеко отсюда, подумала я, пожимая плечами.

– Я еду в церковь, – продолжил Нэйтан. – Слегка опаздываю, но могу тебя куда-нибудь подбросить, если нужно. Или можешь поехать в церковь со мной. Точно знаю, папа был бы очень рад тебя видеть. К тому же, может, так мы тебе поднимем настроение.

– Не уверена, – пробормотала я. Но, хоть и неохотно, все же села в машину.

Когда мы вошли в часовню, пастор Стин был за кафедрой и начинал проповедь. Я мысленно «отключила» его голос и еще глубже погрузилась в пучину собственных мыслей. Я по-прежнему хотела оказаться там, куда собиралась попасть, прежде чем Нэйтан меня остановил.

Он не приставал ко мне минут десять, но потом все же нагнулся и спросил:

– Так ты расскажешь мне, что происходит?

– Не могу, – сказала я. Мой голос предательски дрогнул, настолько я самой себе казалась жалкой и отвратительной. – Не здесь.

– Тогда скажи мне, куда ты шла, – упорствовал Нэйтан.

Как рассказать другу о таких вещах? Как рассказать о своих самых

жутких намерениях тому, у кого за всю жизнь и мысли дурной ни разу не возникло? Как, черт возьми, сказать сыну пастора, проповедь чьего отца мы сейчас слушаем, что вместо того, чтобы слушать сообщения о Боге, ты бы в данный момент предпочла встретиться с дьяволом?

Я не смогла вымолвить ни слова и просто разрыдалась. Понимая, что мои проблемы гораздо серьезнее, чем просто плохое настроение, Нэйтан схватил меня за руку и почти насильно выволок из церкви, к своей машине.

– Так, хватит, – сердито потребовал он. – Давай, колись.

– Не могу! – закричала я, закрыв лицо руками. – Ты меня возненавидишь.

– Ты знаешь, что это не так. Я просто хочу тебе помочь. Правда. Или, если хочешь, мы могли бы поговорить с моим отцом. У него довольно неплохо получается... – начал Нэйтан, но я его оборвала.

– Нет! Никому нельзя говорить!

– Знаешь что? Говори, что происходит, Мэдди. Куда ты собиралась, когда мы встретились?

Не переставая рыдать, я заглянула в его глаза и не увидела ничего, кроме искреннего сострадания. Наверное, такую неподдельную заботу обо мне я больше не чувствовала никогда. И что-то внутри меня дрогнуло. Словно чтобы проверить, насколько сильно сострадание Нэйтана, чтобы увидеть, как он отреагирует, когда узнает правду, я сдалась.

– Ты действительно хочешь знать? Отлично! Тогда слушай. Я собиралась дойти до перехода над шоссе... и спрыгнуть.

Прежде чем Нэйтан успел отреагировать, я добавила, сотрясаясь от очередного приступа внезапно нахлынувших рыданий:

– Я хочу умереть, Нэйтан. Моя жизнь кончена! Я хочу, чтобы меня переехал грузовик. Я просто... хочу снова быть рядом с мамой.

– Но почему? – выдохнул он. – Как ты можешь так говорить?

Отвернувшись – от смущения – я прошептала:

– Потому что я беременна.

В ожидании его реакции я уставилась в окно. И Нэйтан задал вполне предсказуемый вопрос:

– А Рэнди-то ты сказала?

– Нет. Не могу, – без всякой надежды в голосе ответила я. – Тем более что отец не он.

Говорить Нэйтану правду в тот момент, наверное, было самым сложным в моей жизни. Свое признание я начала словами:

– Помнишь, как Грант напился в день выпускного?

И закончила:

– Вот почему я просто хочу умереть.

Суровая правда заключалась еще и в том, что Грант непременно убьет меня, когда узнает.

У Нэйтана, однако, было свое понимание ситуации. Когда я закончила изливать душу, он завел машину и выехал с церковной парковки. Он не хотел говорить, куда мы едем, но я прекрасно догадалась сама.

Я предупредила Нэйтана, что бить морду Гранту опасно, пыталась его образумить.

– Ты с ума сошел, – негодовала я. – У него очень скверный характер.

Но остановить Нэйтана было невозможно. Припарковав машину перед моим домом, он приказал мне остаться там. Я опустила стекло, чтобы слышать их разговор. Но сначала они почти и не говорили, потому что, как только Грант открыл дверь, Нэйтан с размаху врезал ему прямо в лицо. Мой отчим отлетел в коридор, однако поднялся на ноги и ринулся на Нэйтана с кулаками. На крыльце они схлестнулись, а продолжился бой на лужайке возле автомобиля. Улучив момент, Нэйтан снова ударил Гранта, на этот раз под дых. И прижал к земле. Из рта отчима потоком лилась кровь. И нецензурная брань. В адрес Нэйтана сыпались всевозможные ругательства.

– Сукин сын, я в суд на тебя подам! – вопил Грант.

– Только сядете из нас двоих вы, мистер Мак Фэдден! – кричал Нэйтан.

Уверена, Грант догадался, что у меня наконец хватило смелости рассказать, как он годами меня избивал.

– С чего это? Что за небылицы рассказала тебе Мэдди? – напустив на себя удивленный вид, произнес он.

– У вас большие проблемы, – процедил Нэйтан. – Вы вообще в курсе, что вы больны? Она беременна, и отсюда мы оба пойдем прямо в полицию.

– Беременна? Мэдди? – Теперь удивление Гранта стало совершенно искренним. – Ммм... Ну, им с Рэнди все-таки нужно было быть осторожнее. Но ведь ей уже почти восемнадцать, и не то чтобы я мог их остановить... – начал он, но тут Нэйтан окинул его таким взглядом, что тот все понял. – Стоп. Ты что, думаешь, что это я? Что бы там Мэдди ни сказала, я никогда... Слушай, я, конечно, хреновый отец, но чтобы... Да никогда!

Я не могла спокойно смотреть на Гранта, тем более что меня душил очередной приступ рыданий.

– Выпускной! – рявкнул Нэйтан. – Вы здорово накачались. И не только выпивкой. Но не думаю, что суд сочтет это смягчающим обстоятельством.

Грант застонал:

– Я не... Я ничего не помню о той ночи. Как же так получилось?..

Уж не знаю почему, но в какой-то момент я даже сочувствовала ему. Я ведь с самого первого дня подозревала: Грант вообще не помнил, что натворил, и я знала: он бы никогда так не поступил, будучи трезвым. Но когда он снова начал юлить, пытаюсь снять с себя подозрения и оправдаться перед Нэйтаном, осыпая того грязной бранью, все мое сочувствие вмиг испарилось.

– Не может быть! – прорычал Грант. – Я бы никогда!

Он орал, словно раненый зверь, хищник, загнанный в угол, но не желающий сдаваться без боя.

– Вы хотите жаловаться в полицию? Вперед. Но кому они поверят, мне или ей? – брызжа слюной, выкрикнул он.

– Суд покажет, кто говорит правду, – отрезал Нэйтан, сильнее прижав Гранта к земле.

– Хорошо. А даже если это и я, то что? Я скажу, что она сама пришла ко мне и все было по обоюдному согласию! – расхохотался тот в лицо Нэйтану.

– Неважно. Она несовершеннолетняя, – ответил Нэйтан.

Грант судорожно пытался придумать какое-то оправдание, но не мог:

– Тогда... тогда...

И тут на его лице проявилось чувство, которое застало меня врасплох. *Раскаяние*. Трудно сказать, раскаявался ли Грант в том, что он со мной сделал, или же ему просто было жаль, что не получилось ничего придумать, но он выглядел сломленным.

– Хорошо, – выдохнул он. – Слезь с меня. Пойдемте в дом, поговорим.

Нэйтан быстро взглянул на меня через плечо и медленно встал. Очень вовремя, потому что в этот момент мимо дома как раз проходил один из наших соседей. Он выгуливал свою маленькую собачонку, которая отчаянно взвизгивала на каждом шагу.

– Все в порядке, Грант? – спросил сосед. Грант и Нэйтан отряхнулись.

– Да, все хорошо, Стив, – ответил отчим. – Просто Нэйтан показывал мне один боевой приемчик.

В доме Грант отвел нас в дальнюю комнату, где Элиза не могла ничего услышать.

– Слушай, – начал он, – Мэдди, ты же меня знаешь. И знаешь, что я бы никогда не сделал тебе больно намеренно. Просто я был не в своем уме той ночью. Подобное мне даже в голову никогда не приходило... Я имею в виду, ты же моя падчерица. Я ведь все эти годы любил тебя и заботился о

тебе.

– И бил, – добавила я.

– Он что, тебя бьет? – в ужасе остолбенел Нэйтан.

– Уже давно нет, – быстро возразил Грант. – Это случилось только тогда, когда я сильно напивался.

Он плюхнулся на стул, на мгновение закрыв лицо руками. Когда снова поднял глаза, сказал:

– Я *слаб*, Мэдди. Ты это знаешь. Я слаб с тех пор, как потерял твою маму. Но я не плохой человек. А ведь если вы пойдете в полицию, они отправят меня в тюрьму. После всего, что я для тебя сделал, думаешь, я это заслужил? За что?! За то, о чем я даже не помню?

Он посмотрел на меня, словно я должна была что-то сказать, но я не могла ни о чем думать.

Когда Грант понял, что сочувствие вызвать не получилось, он зашел с другого угла:

– Слушай, должен же быть какой-то выход. Я сделал ошибку, или зовите это как хотите, но это не должно испортить нам жизнь. Ты не можешь пойти в полицию, Мэдди. Подумай об этом. *Никому* нельзя рассказывать. Вы вообще понимаете, что будет, если мы кому-то скажем? Тогда узнают все. Кто-нибудь обязательно проговорится. Полиция будет снова повсюду с вопросами, и репортеры начнут вынюхивать. Эта история попадет во все заголовки. Узнают все, Мэдди: твои одноклассники, Рэнди, Элиза – все. И все будут помнить об этом всю твою жизнь.

Грант сделал паузу, пытаясь прочесть мои мысли. Наверное, мое отчаянное состояние от него не укрылось, потому что он заговорил с новой силой, надеясь, что сможет меня образумить:

– Ты этого хочешь? Чтобы узнала твоя сестра? А ей не надо этого знать! Мы можем сделать вид, что ничего не было. Я отвезу тебя в клинику, где тебе сделают аборт. Никто не должен знать. У тебя может быть нормальная жизнь, Мэдди. У нас всех. А я вылечусь, обещаю. Никакого больше алкоголя и лекарств. *Больше ничего*. Обещаю. Знаю: у меня проблема. Теперь знаю, и мне жаль. Я не должен был до такого докатиться. Ни за что в жизни.

– Но докатился ведь, – колко заметил Нэйтан.

– Простите! – взревел Грант. – Сколько раз мне нужно это повторить? Я облажался, детка. Но давай не будем из-за одной ошибки пускать всю жизнь под откос. И речь сейчас не обо мне. *О себе* подумай. Ты что, хочешь такого унижения? Разве Элиза заслужила, чтобы ее забрали в какой-нибудь там детский дом или в чужую семью? Мэдди, ты слишком умная, чтобы

такое допустить. Подумай хорошенько. Я ведь учитель, черт возьми. Если в газетах пронюхают, что школьный учитель мог такое натворить, мы все от этого пострадаем. О нас расскажут по телевизору и напишут во всех газетах – отсюда до самого Нью-Йорка. Ты что, хочешь, чтобы твое лицо мелькало тут и там? Об этом узнают все, Мэдди. Все. Ты этого правда хочешь?

Чем больше он говорил, тем больше я понимала, что он прав, и тем больше мне хотелось просто сбежать. Убежать, спрятаться где-нибудь и никогда не вылезать на свет божий. Я так запаниковала, что у меня даже дыхание перехватило.

– Я... Мне нужно немного воздуха, – сказала я. – Нэйтан, пожалуйста, давай выйдем.

Нэйтан кивнул.

– А вы сидите тут, – приказал он Гранту. – Мы сейчас вернемся.

К тому моменту, как мы оказались во дворе, я чуть было не задохнулась от возбуждения. Легла на траву, пытаюсь успокоиться.

– Он прав, – сказала я. – Он совершенно прав. Зря ты остановил меня сегодня.

– Не говори так, Мэдди, – простонал Нэйтан.

– Но это правда! Неужели ты не видишь? Я не смогу жить, если все будут знать, что он со мной сделал! То, что он у меня *отобрал*. Тем более что я его *приемная дочь*! Журналисты, эти хищники, будут свирепствовать. И ты прекрасно знаешь, что скажут местные. Бьюсь об заклад, половина сразу переложит вину на меня, как будто я сама ему на шею бросилась. Нет, я не могу, Нэйтан. Я в безвыходной ситуации. Мне просто нужно... исчезнуть.

Нэйтан долгое время внимательно изучал сорванный листочек клевера.

– Так почему бы не согласиться на предложение Гранта? Сделать аборт. Тогда бы никто не узнал.

– Но я бы знала! И никогда бы себе не простила, – отмахнулась я.

– Знаешь, учитывая все обстоятельства, это может быть единственным нормальным выходом, – пожал плечами Нэйтан.

– Возможно. Но не для меня.

– Ты бы не сделала аборт, но хотела броситься с моста? – пораженно спросил он.

– Тогда мне не пришлось бы жить с чувством вины.

Я что, правда это только что сказала?

– Ты что, думаешь, мне нужно позволить ему «обо всем позаботиться»?

– Нет. Я просто пытаюсь помочь тебе разобраться, вот и все, – вздохнул Нэйтан.

Я сорвала несколько травинок и просеяла их сквозь пальцы.

– Ты знаешь, что моя мама забеременела, когда училась в колледже, а замуж вышла только потом?

Вопрос должен был быть риторическим, потому что я сама никогда не говорила об этом ни Нэйтану, ни кому-либо еще, но он все равно ответил:

– Нет.

– Однажды я подсчитала, сколько прошло времени с момента моего рождения до их с папой свадьбы, и получилось намного меньше девяти месяцев. Я поинтересовалась у мамы, и она мне честно все рассказала. Она не была уверена, сможет ли вырастить ребенка. Даже подумывала об аборте, вот как мне сейчас предложил Грант.

Мне пришлось сделать паузу, чтобы подобрать слова, которые бы отражали все, что я чувствую:

– Неужели ты не видишь? Если бы она так сделала, меня бы не было. Так что я знаю, что растет внутри меня, Нэйтан. Это частичка меня. И вне зависимости от того, как она во мне оказалась, я не думаю, что смогу от нее избавиться.

Во взгляде Нэйтана снова появилось прежнее сочувствие.

– Понимаю. Но ты не хочешь огласки, не согласна на аборт, а я не могу позволить тебе покончить с жизнью. Что же делать?

– Ничего! Вот и я про то же. Я в ловушке. Я и так в ловушке всю свою жизнь, а теперь клетка все сжимается и сжимается.

Нэйтан сорвал еще один лист клевера.

– Почему же? Я вижу еще один выход. Может быть, ребенку просто нужен отец.

Я пропустила его фразу мимо ушей и только потом спохватилась:

– Что?

– Не Грант, конечно. Давай посмотрим правде в глаза. Ты не сможешь скрывать свою беременность вечно. И не надо. Просто придумаем красивую легенду, якобы ты случайно забеременела и теперь ситуацию нужно расхлебывать. Ты далеко не первая, с кем такое случилось. И уж тем более не первая в нашей школе.

– Ни в коем случае, – сразу же отмела я его фантазии. – Я не осмелюсь подложить Рэнди такую свинью. Тем более мне придется тогда ему все рассказать. И даже если бы он повел себя благородно, что же будет с его футбольным сезоном? А как же колледж?

Судорожно сглотив, Нэйтан ответил:

– Мэдди, не Рэнди привел тебя домой после выпускного. Это не он последним был с тобой наедине.

– Ты про себя? – ужаснулась я.

– Конечно, решение не идеальное, но, думаю, у нас получится.

Я чуть в обморок не упала: Нэйтан так много для меня сделал... Куда ему еще и это?

– Но... почему?

– Потому что в одиночку ты с этим не справишься. Никто не справится. А я не могу стоять в сторонке и молча смотреть, как ты выкручиваешься. Зачем, если я могу помочь? – Он замолчал, пытаясь справиться с чувствами.

– А что, если... То есть... если правда кто-то узнает, что на самом деле произошло, и журналисты все растрезвонят? Как ты с этим собираешься справиться, Мэдди?

– Не знаю, – прошептала я.

– Скажи мне честно, – настаивал Нэйтан, – если бы мы с тобой сегодня не встретились, ты бы уже?..

Я не могла произнести ни слова. Покачала головой и заплакала.

– Именно поэтому я должен тебе помочь.

Не переставая плакать, я спросила:

– А что будет с Грантом?

– Что будет с Грантом? Он должен заплатить за то, что сделал, и заплатит – когда-нибудь. Когда у тебя уже родится ребенок и ты закончишь школу. Но на данный момент он прав: ни ты, ни Элиза не должны страдать от того, что он натворил. А вот если я назовусь отцом ребенка, то смогу защитить вас от всего этого. И заодно позабочусь, чтобы Грант получил по заслугам.

– А Рэнди? Думаю, ему будет не очень весело услышать, что мы с тобой... – начала было я.

– Да, – кивнул Нэйтан. – Но ты права насчет него. Если бы ты рассказала ему правду и попросила помочь, он бы немедленно согласился. И тогда его мечты были бы растоптаны. Так что пусть лучше дуется на нас, чем так рисковать.

Почувствовав наконец, что могу вздохнуть, я села.

– Ты самый лучший друг. Но, Нэйтан, я не могу тебя об этом просить.

– А ты и не просишь. Это я тебя прошу. И давай не забывать: это же я тебя подвез домой. Учитывая состояние Гранта, мне вообще не следовало оставлять тебя с ним одну, и теперь меня тоже мучает совесть. Поверь, если бы можно было сделать как-то иначе, я бы сделал, но другого выхода я не

вижу.

– А твои родители? Им-то как это все проглотить? – вдруг осенило меня.

По глазам Нэйтана было видно: об этом он еще не подумал. Ему потребуется время, чтобы обдумать возможные варианты. Его ответ меня снова потряс:

– Все просто. Нам нужно пожениться.

– Что?!

– Это единственный вариант избежать шума. Конечно, некоторым прихожанам будет сложно смириться с обстоятельством, что сын пастора обрюхатил местную девушку. Но если мы поженимся, это всем покажет, что я, по крайней мере, пытаюсь поступать правильно. Надеюсь, этого будет достаточно.

– Нэйтан, мне не интересно, как будут реагировать прихожане, а вот что насчет твоих родителей? Они-то что скажут?

Он пожал плечами:

– Не знаю. Они всегда говорят о том, что надо уметь прощать. Думаю, теперь они смогут доказать истину на практике. Некоторое время им, конечно, будет трудно, но рано или поздно они поймут.

Я помолчала – взвешивала все предложения Нэйтана. Он говорил весьма убедительно, но мои нервы были на пределе, так что, возможно, я даже не все поняла.

– Мы что, уже достаточно взрослые, чтобы пожениться? Я имею в виду, мы оба несовершеннолетние. Разве Грант и твои родители могут дать согласие?

– Грант – запросто, нам есть чем его припугнуть. А мои родители? Да я уверен, что они скорее насильно нас поженят, чем позволят тебе быть матерью-одиночкой. Они согласятся, поверь мне.

Нэйтан огляделся.

– Так что?

– Ты абсолютно уверен? – спросила я, словно в тумане.

Нэйтан сделал глубокий вдох. А когда выдохнул, расплылся в улыбке:

– Нет, конечно. Но ради тебя я готов рискнуть.

Когда мы вернулись в дом, Грант все еще сидел там, где мы его оставили. Стоило мне на него снова взглянуть, как мой живот свело судорогой. На его лице застыла паническая гримаса, и он прекрасно понимал, что теперь его дальнейшая судьба в наших руках. Моих и Нэйтана.

– Могу ли я спросить, что вы решили? – спросил Грант с нервным

смешком.

– Мы решили, что вы – жалкое подобие человека, – невозмутимо сообщил Нэйтан. Да, не таким я представляла начало этого разговора, но мне понравилась его откровенность.

– И... мы решили, что Мэдди и Элиза не заслуживают того, чтобы вскрылась позорная правда о том, какой вы урод, – добавил Нэйтан.

Грант с облегчением вздохнул:

– Так каков план?

Нэйтан подошел ко мне ближе и обнял.

– Отцом ребенка буду я. И мы с Мэдди поженимся.

– Поженитесь? – Глаза Гранта стали размером с блюда.

– Ну да, чтобы моим родителям было легче.

– И все? Вы поженитесь, и мы будем жить дальше? – недоверчиво уточнил мой отчим.

– Не совсем, – помотал головой Нэйтан. – Вы отправитесь в реабилитационную клинику, а Элиза останется у нас до тех пор, пока не вылечится полностью.

Грант посмотрел на меня.

– Мэдди, еще одна причина для тебя выйти за меня замуж – так легче получить опеку над твоей сестрой, пока Грант будет в клинике.

На лице Гранта выразилось отчаяние. Он покачал головой:

– Ни за что. Вы не можете забрать Элизу! Она моя дочь.

Теперь наконец смогла заговорить я:

– Мы ее не «забираем». Мы просто позаботимся о ней, пока ты будешь проходить курс лечения, сколько бы времени он ни продлился. Она моя младшая сестра, и я хочу, чтобы она была в безопасности.

Видя, что спорить бесполезно, Грант пробормотал:

– И что теперь?

Мы с Нэйтаном снова обменялись недоуменными взглядами. А ведь так далеко мы и правда не заглядывали. Конечно, стратегия у нас была, но как ее осуществить, точно сказать мы не могли. Нэйтан посмотрел на часы. И сказал мне:

– Церковь скоро закроется. Надо ведь сказать родителям?

Я медленно кивнула:

– Но... можно мы позовем Рэнди? Боюсь, что второй раз все рассказывать у меня мужества не хватит.

Нэйтан одобрительно кивнул.

– А как же я? – снова занервничал Грант. – Мне тоже пойти в церковь?

– Конечно, нет, – ответила я ему. – Не хочу видеть тебя рядом в такой

момент.

– А как я узнаю, что вы не собираетесь рассказать... что-то другое?

– Ты что, сомневаешься? – оскорбленная, крикнула я.

– Не волнуйтесь, – заверил его Нэйтан. – У нас есть план, и мы будем действовать по нему.

– А что вы им про меня-то скажете? – упорствовал Грант.

– Что вы отправляетесь в реабилитационный центр – лечиться от алкогольной и наркотической зависимости. В любом случае все когда-нибудь об этом узнали бы, так что лучше рассказать сразу.

Гранту крыть было нечем, и он просто один раз кивнул.

Двадцать минут спустя наши с Элизой вещи были собраны и сложены в багажник машины Нэйтана. Грант прощался с Элизой и горько плакал.

– Милая, – говорил он ей, – папе придется уехать на несколько недель. О тебе в это время будет заботиться твоя сестренка, ладно?

– Куда ты уедешь? – спросила она.

Губы Гранта задрожали, и он срывающимся голосом ей ответил:

– Туда, где меня научат быть хорошим папочкой. Но обещаю, я вернусь очень быстро. Я буду скучать по тебе каждый день.

– И я, папочка, – ответила Элиза со слезами.

Я прощаться с Грантом не стала.

Глава 28

Когда мы подъехали к дому Нэйтана, его родители еще не вернулись. Первое, что он сделал, – пошел на кухню и набрал номер Рэнди. Я бы, конечно, могла и сама позвонить, но боялась разрыдаться в трубку.

Пастор Стин и Колин приехали минут через десять. Как раз когда мы здоровались, подоспел Рэнди.

– Похоже, у нас еще один гость, – заметил пастор, услышав шум мотора.

– Да, пап, это Рэнди. Я его пригласил, – ответил Нэйтан.

– Ну, какие планы на воскресенье? Я тут недавно насобирал камешков... Не поможете со шлифовкой? А то мне тут в церкви напомнили, что давненько я не рассказывал...

– Пап, – перебил отца Нэйтан, – момент неподходящий.

Вошел Рэнди. О, как мне хотелось продолжать обсуждать камешки! Я вспомнила урок пастора. Через пару месяцев после того, как я начала ходить в церковь, а Грант помогал Стину наладить занятия, пастор начал очередное занятие с короткого рассуждения, что каждый из нас подобен камешку. Идея была такая: мы приходим в этот мир несовершенными и, как камни на земле, часто оказываемся в грязи; наша жизнь – опыт, окружающие люди, важные решения – должна отшлифовать нас и превратить в произведение искусства, прежде чем мы отойдем в мир иной и предстанем пред Господом. Чтобы мы лучше запомнили этот урок, он подарил каждому из нас по камешку, которые сам отшлифовал в специальной машинке. Они были такими блестящими, такими сверкающими...

Помню, как, сидя на занятии в воскресной школе, я мечтала, чтобы моя жизнь была похожей на эти камни – гладкие, с ровными краями и без единого пятнышка. Но, стоя сейчас перед Рэнди и родителями Нэйтана, ждавшими, что мы им скажем, я понимала, что моя жизнь – не что иное, как отвратительный булыжник, вдавленный в грязь. Хуже того, я знала, что грязь сейчас станет еще больше: я ведь собиралась их всех обмануть...

– Все в порядке? – почуяв неладное, спросила миссис Стин и растерянно оглядела нашу компанию.

– Просто... нужно поговорить, – начал Нэйтан и, повернувшись к Рэнди, сказал с нажимом: – Нам всем...

Пастор Стин забеспокоился:

– Ладно, тогда давайте сядем...

Мы отправили Элизу в другую комнату и включили ей телевизор, чтобы уберечь от сцены, которая назревала в гостиной.

Рэнди порывисто подошел ко мне, взял за руку и попытался обнять. Я безумно хотела раствориться в его объятиях! А он не подозревал о том, что сейчас будет сказано... Я отпустила его руку и быстро села. Лицо Рэнди отразило его замешательство. Он сел рядом со мной и прошептал:

– Мэдди... Что случилось?

Я почувствовала, как к глазам подступают слезы.

– Ничего, – прошептала я, еле сдерживая рыдания. – Просто... Пусть Нэйтан все объяснит.

Нэйтан немного помедлил и, подбирая слова, не стал терять времени:

– Это... трудно. Мне тяжело говорить, а вам, наверное, еще тяжелее будет услышать.

Я чувствовала, что Рэнди ищет мой взгляд, но заставить себя посмотреть на него не могла.

– Дело в том, что... мы совершили ошибку... – Нэйтан прокашлялся.

– Кто это – мы? – не удержался Рэнди.

– Я, – уточнил Нэйтан твердо. – Выслушай меня, Рэнди. Я допустил ошибку. Я и Мэдди, мы...

Не успел он закончить, как Колин вздохнула – догадалась. Пастор Стин побелел как мел, но виду не подавал.

– Мы... В общем, в ночь выпускного, когда все разъехались, мы на некоторое время остались наедине и...

Рэнди прошибло. Тряся головой, он вскочил с кресла, я испуганно подняла на него взгляд – глаза его метали молнии.

– Нет! – закричал он. – Не может быть! Не говорите ничего больше! Все неправда. Не может этого быть!

Я больше не смогла сдерживать слезы, и они ручьем хлынули из моих глаз. У миссис Стин глаза тоже были мокры. Рэнди покраснел, а пастор Стин побелел сильнее.

– Мы не хотели, Рэнди, – всхлипнула я. – Клянусь. Просто... так случилось.

– Прости меня, Рэнди, – добавил Нэйтан на удивление спокойно. – Ты мой лучший друг, и я вовсе не хотел досадить тебе.

Рэнди ходил по комнате, как хищник в клетке, и приговаривал, недобро усмехаясь:

– Друг? Нет уж, дудки, Нэйтан... Друг бы так не поступил... Никогда... – Он снова повернулся ко мне. В его глазах плескалась

ненависть: – А ты! Сама невинность, мать твою! Запудрила мне мозги, что до свадьбы ни-ни. И я, дурак, поверил же ведь!

Рэнди тяжело дышал.

– А с чего это вдруг вы оба выглядите так виновато? Зачем говорить мне все это сейчас?

Неловкая пауза ничего не объяснила ему. Молчание прервал пастор Стин, проявив чудеса проницательности:

– Думаю, дело куда сложнее.

Он пару раз перевел взгляд с меня на Нэйтана и обратно, чтобы убедиться, правильный ли ход приняли его мысли.

– Да, – подтвердил Нэйтан, и его голос предательски дрогнул. – И вот продолжение. Сегодня утром... Мэдди узнала, что беременна.

– Что?! – взревел Рэнди. – Ты ее обрюхатил! Ты, жалкий кусок...

Но так и не закончив ругательство – хоть я и думала, что он имеет на это полное право, – Рэнди сделал глубокий вдох, брезгливо уставившись на меня и своего «друга». Взгляд его был таким красноречивым, что у меня внутри все оборвалось.

– Ненавижу вас... обоих, – тихо процедил Рэнди.

От этих слов мне стало так больно, как не было больно ни в одно из мгновений этого ужасного дня, ибо я знала: это говорит его бедное сердце.

– Не хочу иметь с вами ничего общего.

Рэнди повернулся к нам спиной и пошел к входной двери. Часть меня отчаянно рвалась сказать ему правду, но я знала, что из-за этого будут новые неприятности, с которыми я просто не в силах справиться. *«Так будет лучше для него, – сказала я себе снова. – Лучше для всех нас... Ведь так?»*

Он ушел. А я сидела и слушала, как Нэйтан в подробностях излагает родителям наш с ним «план». И восхищалась, с какой легкостью он придумывает на ходу подробности.

– Знаешь, Нэйтан, что в этой ситуации беспокоит меня больше всего? – в какой-то момент подала голос миссис Стин. – Что мы с твоим отцом всегда считали тебя взрослым и зрелым. Выходит, мы основательно заблуждались на сей счет...

– Согласен, – с раскаянием отвечал Нэйтан. – И мне очень жаль.

– А что насчет других подростков, в церкви и в обществе, – каким ты будешь для них примером? Как их родители теперь должны будут объяснить подобное своим детям?

– Да-да, – повторил Нэйтан. – Я чувствую себя ужасно.

Миссис Стин повернулась к мужу:

– Тим, что скажут люди?

– Не знаю, – пожал тот плечами. – Но надеюсь, поймут, что никто не без греха. Уверен, большинство нормально к этому отнесется, хотя, конечно, найдутся и те, кто начнет кликушествовать: «Что это за пастор! за собственным сыном не уследил!..»

Родители Нэйтана обменялись многозначительными взглядами, затем пастор Стин внимательно посмотрел на нас с Нэйтаном. Выражение его лица было суровым, но в глазах я увидела сострадание.

– Простите, – сказал он. – Не нужно было говорить про прихожан или кого-то еще. Их это не касается, хотя, уверен, они не преминут изобразить, что касается. Но речь о вас двоих. Насколько я могу судить, вы оба понимаете, что совершили ошибку, и, должен заметить, ошибку глупейшую из всех возможных. Но знаете что? *Каждый из нас* ошибается. Вопрос в том, как быть, если ты оступился. Некоторые отрещиваются от последствий, другие же принимают их, берут ситуацию под контроль и учатся на своих ошибках.

Он «профессионально» прервался, проверяя, насколько заблудшие дети прониклись сказанным им и осознали свое головотяпство.

– Нет смысла хвататься за голову и причитать по поводу случившегося и рвать на себе волосы в стенаниях, как можно было бы этого избежать. Но меня интересует, как вы собираетесь решать проблему. Что вы намерены делать дальше?

– Да, – храбро ответила я, желая своим «продуманным» поведением продемонстрировать, что не спасую, что трудностей не боюсь. – И мы собираемся ответственно подойти к решению сложившейся проблемы. Какими бы ни были последствия, мы к ним готовы.

Какая ирония судьбы: мы были готовы нести ответственность за последствия того, чего не совершали... Только непонятно, становились мы от этого героями или трусами.

– Правда, – добавил Нэйтан, – мы уже решили. Мэдди оставит ребенка.

– Ох, – пробормотала миссис Стин, – я стану *бабушкой* в тридцать девять.

– И мы поженимся, – победоносно заключил Нэйтан.

– Так, еще и свекровью! – хмыкнула его мать.

Пастор Стин резко нахмурился.

– Ты еще слишком молод. Брак – это такая ответственность...

– Папа, мы сами виноваты и собираемся вести себя как взрослые. Как ты говоришь, мы возьмем ситуацию под контроль.

– Но есть ведь и другие решения. Например, отдать ребенка на усыновление какой-нибудь супружеской паре. Вы не думали об этом? – сделал мягкий заход пастор.

Нэйтан разочарованно плюхнулся в кресло:

– Я думал, ты будешь рад, что мы женимся.

Тим наклонился к нему:

– Вы любите друг друга?

Любовь? А любовь-то здесь при чем? Я быстро повернулась к Нэйтану, ожидая его ответа. Он тоже повернулся ко мне. Беседа определенно протекала не так, как Нэйтан планировал. Он оглядел меня с головы до ног, поджал губы и повернулся к отцу:

– Да. Конечно.

– Я не могу вас заставить, – продолжал Тим. – Но если вы действительно любите друг друга, я бы посоветовал не торопиться с такими решениями. Дайте друг другу шанс подрасти и немного освоиться в этом мире. Сначала нужно закончить школу. И если даже тогда это решение покажется вам правильным – если вы действительно любите друг друга, – поступите так, как считаете нужным.

Нэйтан покраснел, и я поняла почему. Если его родители не согласятся на наш брак, что будет со мной и Элизой? Наш план рухнет. Пастор ни за что не позволит Нэйтану просто жить со мной, и что мы тогда будем делать? Мне придется остаться с Грантом? Черта с два!

– Почему ты так реагируешь? – спросил Нэйтан с вызовом. – Мы поступаем так, как, думали, ты бы одобрил.

Пастор Стин протяжно вздохнул:

– Подумай, Нэйтан. Ваше решение коснется не только вас, но и ребенка, причем его в первую очередь. Я очень много работал с семьями, которые распались, и, поверь мне, мать-одиночка – не лучшая перспектива для твоей девушки. Исходя из своего опыта могу сказать, что лучше всего, если ребенок растет в полноценной семье, где для его воспитания созданы все условия и оба родителя его любят. Итак, сначала спросите себя, в состоянии ли вы взять на себя труд по воспитанию ребенка. И если вы так в себе уверены, то возражений нет. И да, я действительно верю, что лучше отдать ребенка на усыновление, чем пытаться воспитать его в не лучших для него условиях.

В этот момент в гостиную вбежала Элиза.

– Сериал кончился, – сообщила она. – Теперь мы можем идти?

– Пока нет, – ответила я. – Найди себе еще что-нибудь по телевизору. Мы почти закончили. Я к тебе зайду, когда пора будет домой.

Элиза послушно вышла из комнаты.

– Так ты хочешь сказать, что не дашь согласия на свадьбу? А вот отец Мэдди согласен.

– Отчим, – поправила я.

Пастор Стин покачал головой:

– Я не говорю, что не дам согласия. Просто... Я хочу, чтобы вы отдавали себе отчет в том, что делаете, вот и все. В конце концов, речь о моем внуке, так что не нужно думать, что мне легко так говорить. Мы просто должны поступить так, как будет лучше для этого ребенка. Если вы чувствуете, что готовы взять на себя такую ответственность и нести это бремя, то я поддерживаю ваше решение. Но если есть сомнения, я предлагаю подождать, пока вы не поймете, чего на самом деле хотите.

Нэйтан вскинул голову:

– Тогда решено. Мы женимся.

– А ты что скажешь, Мэдди? – обратился ко мне пастор Стин.

За ту секунду, что промелькнула между его вопросом и моим ответом, я вспомнила Гранта и весь связанный с ним кошмар: что пришлось бы мне пережить, если бы все узнали; каково было бы Элизе вскоре узнать, что ее отец надругался над ее сестрой; как надо мной издевались бы в школе – наверное, подумали бы, что я сама виновата, поскольку никому не сказала о случившемся; и как рвал и метал бы Рэнди, узнай он правду... И еще я задалась вопросом: что будет, если я не выйду замуж за Нэйтана? Мне придется жить под одной крышей с Грантом и носить его ребенка – или я все же найду способ свести счеты с жизнью? Подумала я и о семье Нэйтана – какие последствия наше решение будет иметь для них всех... Конечно, несправедливо спасать меня, жертвуя близкими... Но Нэйтан не отступал. А учитывая альтернативу, мешать ему я не нашла в себе сил...

– Да, сэр, – ответила я, глядя ему в глаза. – Я люблю вашего сына. И мы думаем, лучше всего для нас будет пожениться и вместе воспитывать нашего ребенка.

Глава 29

После того как мы деликатно рассказали об алкогольной и наркотической зависимости Гранта родителям Нэйтана, они любезно предложили нам с Элизой остаться у них столько, сколько потребуется.

– Пока мы не найдем жилье, – заверил своих Нэйтан. – Мы хотели бы как можно быстрее переехать.

– К чему такая спешка? – спросила миссис Стин. – В нашем доме хватит места для всех.

– Подожди, то есть ты не уверена, что у нас получится растить ребенка самостоятельно? – обиделся Нэйтан.

– Я этого не говорила. Просто хотела понять ваши планы. Мы же твои родители, мы тоже хотим помочь.

– Ну, с одной стороны, – рассуждал Нэйтан, – у нас есть Элиза. Мы не знаем, сколько продлится курс реабилитации Гранта, а хотелось бы хоть какой-то определенности для девочки. Если все это время она будет жить у вас, рано или поздно почувствует себя обузой. К тому же, как я уже говорил, мы берем на себя ответственность за ситуацию, в том числе собираемся найти жилье.

– Мне просто показалось, что для людей, у которых впереди выпускной год в школе, вы слишком много на себя взвалили, вот и все, – пожала плечами миссис Стин.

– Мы справимся. Вот увидишь, – заявил Нэйтан.

Слушая его разговор с матерью, я заметила в Нэйтане одну черту характера, которой до сих пор не замечала. Гордыня, и гордыня нехорошая. Нэйтан всегда представлялся мне уверенным в себе, но теперь открылась другая сторона этой медали. Впрочем, вспоминая годы нашей с ним дружбы, я поняла, что уже один раз сталкивалась с чем-то подобным – когда, услышав мое стихотворение, Нэйтан решил во что бы то ни стало изменить свое ко мне отношение.

Лично мне повисеть на шее у пастора и его супруги в течение нескольких месяцев, пока не родится ребенок, было бы совсем не трудно, но Нэйтан вбил себе в голову, что справится сам, без участия родителей, и переубедить его было невозможно.

Невозможно было даже убедить его в том, что торопиться не стоит.

Уже в понедельник утром Нэйтан отправился в суд – получить все необходимые документы для разрешения на брак. По дороге назад он

заехал к Гранту, разбудил его и притащил к нотариусу, чтобы тот подписал все бумаги. Вернувшись домой, он и нас всех тоже заставил пойти к нотариусу.

Во второй половине дня мы с Нэйтаном поехали в суд, чтобы уладить все формальности окончательно.

Через два дня начался учебный год. Первый день был ужасен. Очевидно, новости уже распространились, и в глазах всех, кто на меня смотрел, я читала презрение и отвращение. Нэйтану тоже пришлось туго: мало того, что всякий считал своим долгом отпустить в его адрес оскорбительную шуточку, так еще и главный тренер вызвал парня на ковер и распекал в течение всего перерыва на обед. В заключение последовало заявление:

– Нэйтан, надеюсь, ты понимаешь, что финансировать команду, капитан которой обрюхатил местную школьницу, не станет никто, и нам придется взять для тебя помощника!

– Не хочу, чтобы команда пострадала из-за меня, – сказал Нэйтан. – Так что я прямо сейчас из нее уйду. К тому же мне теперь нужно заботиться о жене и ребенке, поэтому времени на футбол все равно не останется.

Когда он сообщил мне, я видела, насколько больно ему было принять такое решение. Но ведь Нэйтану и правда стало бы очень тяжело играть с Рэнди. Особенно после того, что случилось в тот же день.

Нэйтан как раз помогал мне с учебниками после уроков, когда к нам подошел Рэнди в компании еще нескольких старшеклассников.

– Это правда? – спросил он.

– Что – правда? – не понял Нэйтан.

– Сам знаешь. Вы с ней что, вправду *женитесь*? – упорствовал Рэнди.

– А даже если и так, что с того? – осклабился Нэйтан.

Этого Рэнди было достаточно. Он с размаху саданул Нэйтана по ребрам, а потом врезал ему под дых.

– Тогда вот тебе подарок на свадьбу, – добавил он.

Нэйтан согнулся от боли, судорожно хватая воздух и кашляя. А я молча смотрела, как Рэнди с друзьями уходят. И хотела разрыдаться.

– Не нужно, – сказала я, обняв Нэйтана. – Может быть, все старания того не стоят.

Он прокашлялся еще несколько раз и поднялся с пола.

– Я уверен, – сказал он, тяжело дыша, – ты уж точно того стоишь.

Тем же вечером мы присмотрели двухкомнатную квартиру с мебелью в нескольких минутах ходьбы от школы Элизы. Стоила она дешево, и в субботу мы уже переехали. В следующий понедельник Нэйтан устроился в

магазин автозапчастей на неполный рабочий день, а я стала подрабатывать репетитором – занималась с парой отстающих школьников. Вместе мы зарабатывали достаточно, чтобы покрыть все расходы, по крайней мере, позволить себе трижды в неделю лапшу быстрого приготовления могли.

Грант первые две недели учебного года преподавал, а потом все же согласился лечь в клинику, как и обещал. Но выписался оттуда уже через три дня, сославшись на то, что момент неудачный, и пообещав снова вернуться в клинику в следующем месяце.

Свое обещание он так и не выполнил.

Когда наступила зима, мы с Нэйтаном уже порядком измучились от количества всего, что на нас свалилось: работа, учеба, домашние хлопоты, забота об Элизе. К тому же, когда ребенок внутри меня начинал толкаться, я не могла заснуть по ночам. В начале декабря я почти уже решила, что пора признать поражение.

Как-то вечером, когда мы уложили спать Элизу, я призналась Нэйтану:

– Все сложнее, чем я думала.

Нэйтан как раз делал домашнее задание по физике, которое я уже успела сделать к тому моменту. Он спросил:

– Ты про беременность?

– Это я как раз переживу. А вот все остальное... Вся эта куча дел...

Он кивнул:

– Это тяжело. Но если бы мы все сделали иначе, было бы еще хуже.

– Вот уж не сказала бы. Грант ведь по-прежнему ходит в школу и учит детей, а должен бы сидеть в тюрьме. Что скажешь? Я начинаю задумываться, правильно ли мы поступили... – Я не могла скрыть раздражения.

– Ну, он же никуда не сбежал. Просто исполнение приговора откладывается на некоторое время. Когда ребенок родится, мы сделаем генетическую экспертизу и упечем его в тюрьму. А сами поступим в колледж и уедем подальше отсюда.

Я кивнула. Не потому, что была согласна, а потому, что не хотела мешать ему делать домашнее задание.

Когда Нэйтан закрыл наконец учебник, я позвала его к себе на «диван», роль которого выполняло гигантское кресло-мешок.

– Ты смог решить задачу на вакуумную проницаемость? – спросила я. – Мне пришлось попотеть над ней.

– По-моему, ты хочешь поговорить со мной вовсе не о физике, Мэдди, – хмыкнул он.

– Тогда как насчет химии?

Нэйтан посмотрел на меня искоса:

– Что же?

– Послушай! Я думала. Много. О будущем. И о том, что произойдет через пару месяцев, когда ребенок родится.

– Тогда ты, скорее, о биологии собралась поговорить, – пошутил он. – Или об анатомии.

– Прекрати, Нэйтан. Просто... Я хочу рассказать, о чем думаю и что чувствую. Так что... Наверное, это, скорее, из области психологии.

За последние несколько месяцев мы с ним иногда затрагивали в разговорах тему будущего, но ни к каким определенным выводам не приходили. Хотя чем больше времени мы проводили вместе, тем очевиднее становилось, что у Нэйтана есть четкий план: воспитать Элизу как свою дочь, вырастить ребенка, который родится, и доказать себе, а особенно своим родителям, что мы можем справиться со всем сами.

В чем лично я не была так сильно уверена.

– Хорошо, – неуверенно произнес Нэйтан. – Но разве психология – точная наука?

– Просто послушай, – попросила я. – Я только... Я много думала об этом, и мне кажется, что твой папа был прав.

Он прищурил глаза:

– Конечно. Мой папа всегда прав. Мистер Пастор-Совершенство. Так насчет чего он прав на этот раз?

– Не сердись, Нэйтан. Но... я не готова стать мамой. И я решила отдать ребенка на усыновление.

Нэйтан побледнел, как побледнел его отец, когда Нэйтан сообщил о моей беременности.

– А как же мы? – спросил он.

– Ну... – тихо протянула я. – С этим сложнее всего.

С этим и правда было сложнее всего. Все наши жизненные перипетии последних нескольких месяцев усугублялись подсознательным желанием Нэйтана верить в то, что между нами действительно было что-то вроде любви. Но как бы я ни ценила все те жертвы, на которые он ради меня пошел, любви я к Нэйтану не испытывала.

– Нам пора уже подумать о будущем. Не хочу больше быть для тебя обузой, Нэйтан. Да, я знаю, ты бы что угодно сделал ради меня – ты всегда поступаешь благородно. Но я больше не хочу быть грузом, который тянет тебя вниз.

– Но ты не тянешь меня вниз, – возразил Нэйтан. – Ты делаешь меня лучше.

– Это ты делаешь мир лучше, Нэйтан. Не стоит все свои усилия тратить только на меня. Во всяком случае, все время так продолжаться не может, – грустно улыбнулась я.

Он помолчал, а потом задал очень болезненный для меня вопрос, хотя сам уже прекрасно знал ответ:

– То есть ты меня не любишь?

– Конечно, люблю, – быстро ответила я, – просто... не так.

– А, я понял, – сказал Нэйтан тихо. – Дело в химии. Хочешь сказать, что ты не можешь любить меня как Рэнди.

Я не ответила. Впрочем, это и не прозвучало вопросом. Нэйтан знал ответ так же хорошо, как знал меня, саму.

Мы долго молчали. Нэйтан, казалось, смирился с моим намерением. И хихикнул:

– Так что? Получается, мы вроде как разводимся?

Я прыснула следом за ним – фраза прозвучала нелепо.

– Ну, если это назвать разводом, то да. – С этими словами я придвинулась ближе к Нэйтану и крепко его обняла. – Словами не передать, как я благодарна тебе за все, что ты для меня сделал. И что бы дальше ни произошло, ты всегда будешь моим самым близким другом, который несколько раз спас мне жизнь.

Это заставило Нэйтана улыбнуться, но всего на мгновение.

– Но ведь какое-то время нам еще придется со всем этим справляться в одиночку, верно? – спросил он.

– Я собираюсь начать искать приемную семью прямо с завтрашнего дня, так что отдам ребенка сразу после рождения. Но да, мы должны будем дождаться конца учебного года, если, конечно, тебя это устроит. Для Элизы будет лучше, если мы ей не будем рассказывать об этих планах как можно дольше.

– А как же Грант? – спросил Нэйтан.

– Нужно убедиться, что, когда ребенок родится, Грант даст согласие на проведение теста на отцовство. Подождем до нужного момента, а потом сдадим его полиции, – ответила я.

– Каково это – носить ребенка? – Он положил руку мне на живот.

– Странно, я бы сказала.

Ребенок толкнулся, и Нэйтан вздрогнул.

– Да, – согласился он. – И правда странно.

Через две недели после этого разговора, в сочельник, мы собрались в доме родителей Нэйтана. Как оказалось, зря мы надеялись, что вечер будет

веселым. Когда трапеза была окончена, а Элиза убежала играть с новой куклой, которую ей подарила миссис Стин, пастор задал нам с Нэйтаном несколько обычных вопросов. На все я дала бодрые ответы.

– Как самочувствие, Мэдди?

– Прекрасно.

– Как учеба?

– По-прежнему одни пятерки.

– Как ситуация с Грантом?

– Насколько я знаю, он так и не лег в клинику и не вылезился.

И тут в разговор вмешался Нэйтан:

– А что насчет тебя, папа? Все в порядке в церкви?

Пастор и его жена обменялись обеспокоенными взглядами.

Сообщив пастору о моей беременности, мы с Нэйтаном решили пока не ходить в церковь, чтобы избежать лишней шумихи. Не дразнить гусей, так сказать... Мы на это надеялись.

– Прекрасно, я полагаю, – после паузы ответил пастор Стин.

– Звучит не очень воодушевляюще, – насторожилась я.

– Папа, что происходит? – с откровенной тревогой спросил Нэйтан.

Его отец снова посмотрел на свою жену, словно взглядом требуя ее одобрения:

– Милая, нужно им рассказать. Все равно они скоро обо всем узнают.

Миссис Стин медленно кивнула.

– Мы не хотели вас загружать этим, – продолжил пастор. – У вас и так хлопот полон рот... Но лучше уж вы от меня узнаете, чем из газет, что меня, скорее всего, отстранят от обязанностей пастора. Решение будет принято завтра утром.

– О боже! – не удержалась я.

– С какой стати им тебя отстранять? – возмутился Нэйтан. А спустя миг на его лице застыла гримаса отчаяния. С трудом выговаривая каждое слово, он спросил: – Все из-за нас?

Словно в подтверждение этого, пастор с женой снова обменялись красноречивыми взглядами, но Стин-старший попытался преуменьшить масштаб бедствия:

– Думаю, для меня в любом случае настало время что-то изменить. Вы тут ни при чем, ребята. Это мне следовало им лучше вдолбить: не судите, да не судимы будете. Честно говоря, их реакция меня очень и очень разочаровала.

Следующие пару минут родители Нэйтана рассказывали, как некоторые прихожане – не все, но особо активные – пришли в ужас, узнав,

что Мэдди беременна от «сына пастора». Другие оскорбились, когда узнали, что пастор позволил нам пожениться и жить самостоятельно в таком возрасте. Конечно, сплетни начали расползаться с самого начала этой истории, но в последнее время накал страстей достиг точки невозврата – и пара особенно «нравственных» прихожан потребовала, чтобы пастора сняли с должности. Особенно возмущался один. Ему под сорок, и они с женой почти десять лет безуспешно пытались зачать ребенка. Так вот, этот «поборник справедливости» заявил, что пастор поступил эгоистично и безответственно, разрешив Мэдди не делать аборт, – как будто это было его решение.

– Почему эти люди лезут не в свое дело? – уныло бросил в пространство вопрос Нэйтан. – Если им так все это не нравится, почему бы не найти другую церковь? Выбор-то огромный.

– В том-то и проблема, – посетовала его мать. – Некоторые из старых прихожан уже перестали ходить в нашу церковь. С сентября посещаемость упала донельзя. И даже те, кто по-прежнему к нам ходит, перестали делать пожертвования. В прошлом месяце твой отец предложил урезать себе зарплату, чтобы как-то поправить положение церкви, но, боюсь, этим дело не исправишь.

– А как же совет старейшин? – не сдавался Нэйтан. – Они что, не могут вмешаться?

Пастор пожал плечами:

– Их прежде всего волнует духовное и финансовое положение. Прямо сейчас я не могу честно сказать, что знаю их критерии успеха в этих двух сферах. Как один из членов совета честно сказал мне недавно, прежде чем останавливать кровотечение, нужно вытащить из раны стрелу. В данный момент кровотечение очень сильное.

– А стрела – это я, – пробормотал Нэйтан.

– Нет, – поправил сына пастор, – стрела – это я.

– Тогда я лук...

Ответом ему стало напряженное молчание. Когда оно стало действовать всем на нервы, я не выдержала:

– И что вы теперь собираетесь делать?

Миссис Стин усмехнулась так, как усмеваются, когда что-то настолько не смешно, что приходится смеяться:

– Ну, здесь оставаться мы, безусловно, не можем. Сплетни уже распространились, словно вирус. И даже если бы были вакансии, я сомневаюсь, что Тима взяли бы в какую-нибудь другую местную церковь. И уж точно не в качестве главного пастора.

Пастор Стин несколько оживился:

– Я навел справки: в других штатах есть подходящие должности. Будем действовать по ситуации. В любом случае уверен, все это к лучшему.

Когда родители Нэйтана ушли прибирать со стола, я спокойно предложила ему рассказать всю правду:

– Просто несправедливо подкладывать им такую свинью.

– Нет! Не смей ничего им рассказывать! – отрезал он.

Меня поразил тон, каким Нэйтан это сказал.

– Остынь. Я просто думаю вслух, – поспешно ретировалась я.

Он на мгновение замолчал.

– Ну тогда не думай об этом. Мы не можем рассказать им, Мэдди, и ты сама это прекрасно понимаешь. Иначе папе придется сообщить в полицию об изнасиловании, и когда мы попытаемся отдать ребенка на усыновление, сплетни будут расти как снежный ком. Думаешь, кто-нибудь захочет усыновить ребенка, оказавшегося в центре скандала? Мы зашли уже слишком далеко, чтобы отыграть назад. Теперь нужно просто придерживаться плана. Ты слышала, что сказал папа. Все к лучшему.

Я почувствовала, что Нэйтан придумал новые причины скрыть от родителей нашу ложь, но, похоже, делиться ими со мной он не собирался, так что настаивать не стала.

– Хорошо, – прошептала я, вставая, чтобы помочь Стинам с уборкой. – Ты прав. Я буду держать рот на замке.

Когда я шла на кухню, у меня возникло странное чувство, что теперь я защищаю Нэйтана так же, как он защищает меня.

Глава 30

26 декабря совет старейшин вынес единогласное решение: Тим был освобожден от обязанностей пастора.

– Но не стоит переживать об этом, – вспомнила я его слова, сказанные в канун Рождества. – Бог уготовил мне, как и всем другим, свой путь.

Поздно ночью, когда Нэйтан и Элиза уже спали, я думала об этих словах. Учítывая, насколько моя жизнь запуталась в последнее время, можно ли говорить, что Бог уготовил мне вообще какой-то путь? А если и уготовил, не в том ли он, чтобы обманывать всех, кто мне встретится в жизни? Нет, такое Бог навряд ли одобрил бы. К тому же, если Божий промысел и в самом деле существует, почему тогда счастье в моей судьбе не предусмотрено в принципе? Почему тогда Бог допустил подобный сценарий по отношению к нам с Рэнди? А Грант? Неужели то, что он бил меня в детстве, – тоже Божий промысел? А изнасилование? Неужели все это теперь сойдет ему с рук?

Я долгое время не позволяла себе плакать, но в тот вечер бороться с подступившими слезами не стала. Нарыдавшись, я уснула.

В среду позвонила миссис Стин и сообщила, что ее муж был на собеседовании в какой-то большой церкви в Северной Каролине. Там освободилось место пастора – прежний ушел на пенсию после какой-то сложной операции. На следующей неделе Тиму позвонили и предложили должность, а к началу февраля Стины уже готовы были переехать. Кто знает, может быть, у Бога все-таки есть свой план для всех. Во всяком случае, для пасторов.

Родителям Нэйтана было крайне неловко, что пришлось уехать в такой момент, ведь у меня вот-вот должен был родиться ребенок, а их сын заканчивал школу.

– Но вы оба доказали, что можете справиться со всем самостоятельно, – считала миссис Стин. – Если бы мы не были уверены, что у вас получится и вы поддержите друг друга, мы бы ни за что не уехали.

Хотя я уже выбрала для ребенка приемных родителей – милую семейную пару из Калифорнии, – мы все еще не рассказали Стинам-старшим, что решили отдать малыша на усыновление. Осложняло положение то, что, кажется, пастор и его жена привыкли к мыслям о внуке, хоть обстоятельства его рождения были не самые благополучные. Так что

мы с Нэйтаном не говорили им до самого конца. То есть до момента, когда уже стояли на пороге, провожая их в путь.

Пастор Стин обнял Нэйтана крепко и по-мужски похлопал его по спине:

– Позаботься о своей ненаглядной, ладно? И береги кроху.

– Да уж, – обняла меня миссис Стин, – передавайте ей много-много приветов и поцелуев от бабули, хорошо?

– Почему «ей»? Может быть, «ему», – заметил пастор.

– Ну уж нет, – ответила его супруга, положив руку на мой округлившийся живот. – После восемнадцати лет рядом с нашим маленьким упрямец я имею право понянчить маленькую внучку.

И игриво подмигнула Нэйтану.

Мы с ним обменялись взглядами и поняли, что момент настал. Нэйтан шагнул в мою сторону и взял меня за руку. И позвал Элизу, которая взобралась на грузовик:

– Элиза, спустись на секунду.

Я сжала руку Нэйтана, и он начал:

– Слушайте, я знаю, вы очень рады и с нетерпением ждете появления на свет внука. Но мы с Мэдди много думали в последнее время и кое-что решили.

Лицо миссис Стин помрачнело еще до того, как Нэйтан продолжил:

– Просто... сейчас... В общем, пап, ты был прав. Лучше уж родители, которые в состоянии позаботиться о малыше, чем двое подростков, которые еще не окончили школу. Поэтому мы решили отдать ребенка в приемную семью.

Пастор Стин подошел к жене и приобнял ее.

– Вы точно уверены? Вы оба?

– Да, – ответила я. – Я уже выбрала семью.

Пастор кивнул.

– Это же не из-за нашего отъезда, нет? То есть если бы мы остались, вы бы не...

– Нет, папа, – начал объяснять Нэйтан. – Мы решили еще до того, как ты потерял работу. Просто ждали подходящего момента, чтобы сообщить вам.

Глаза его матери наполнились слезами.

– И ты считаешь, что подходящий момент сейчас? – всхлипнула она.

Элиза взяла меня за руку и заглянула в глаза.

– Получается, я не стану тетей? – спросила она.

– Станешь, милая. – *И сестрой.* – Просто... Не в этот раз. У этого

ребенка будут другие мама и папа.

Расстроившись, Элиза убежала.

– Простите меня, – обратился к родителям Нэйтан. – Нас обоих. Но мы чувствуем, что поступаем правильно.

Его отец отстранился от плачущей жены, обнял меня, затем Нэйтана.

– Не скажу, что мы не удивлены и не разочарованы. Но мы рады, что такое сложное решение вы с Мэдди приняли вместе. Оно, думаю, далось вам совсем не легко, но я думаю так: то, что вы решили отдать малыша тому, кто, как вам кажется, позаботится о нем лучше, говорит о вашей огромной любви к этому ребенку. И я вами просто горжусь. Если в вашей семье всегда будет царить такая любовь, вы будете очень счастливы в браке. Непременно.

Нэйтан крепко сжал мою руку, и я сочла это деликатной попыткой напомнить, чтобы никаких планов на будущее я больше не раскрывала.

Миссис Стин шагнула вперед и в последний раз дотронулась до моего живота, вытирая другой рукой слезы.

– Вы хоть пришлете мне ее фотографию? – улыбнулась она через силу.

– Конечно, – ответила я, задыхаясь от чувства вины и борясь с подступающими к горлу рыданиями.

– Или его, – напомнил пастор Стин.

– Да, папа. Или его.

Глава 31

Я шла по коридору в школе, как вдруг меня догнал Грант. Рядом никого не было. Я остановилась.

– Ты ведь уже совсем скоро родишь, верно? – спросил Грант.

До этого мы долго не разговаривали. Надо сказать, вид у него был сейчас совсем неважный: мешки под глазами, как будто он не спал недели две. К тому же исхудал так, что стал похож на тень.

– Через полторы недели, – ответила я. – Но у меня постоянно схватки. Врач говорит, что это может произойти когда угодно.

– Пол ребенка ты решила не узнавать? – не отставал Грант.

Я покачала головой.

– Но ты точно собираешься отдать его на усыновление?

Я кивнула. Грант продолжил:

– Хорошо-хорошо. Думаю, это к лучшему.

Должно быть, выражение лица у меня стало таким жутким, что он тут же поправился:

– То есть не для меня, конечно... Я имею в виду, для ребенка... и для тебя. – Он помолчал и пробормотал: – Слушай, детка, я знаю, я облажался. Сильно. Мне хотелось бы быть для тебя лучшим отцом. Но как?

Казалось, Грант пытается подобрать слова.

– Я хочу тебе сказать еще до рождения этого ребенка: ты достойна лучшего. Что бы ни случилось в будущем, я просто хочу, чтобы ты была счастлива. Элиза тоже. Вы особенные, и я хочу, чтобы ты смогла осуществить все свои мечты. Не позволяй никому встать у тебя на пути.

Он снова сделал паузу, глядя вокруг, чтобы убедиться, что никто не подслушивает.

– Прости меня за то, что я сделал с тобой. И за то, кем я стал после смерти твоей мамы.

Грант попытался положить руку мне на плечо, но я отстранилась, стыдясь его прикосновения. Его лицо помрачнело.

– Да, ты слишком добра ко мне, Мэделин, – снова пробормотал он, очевидно сделав акцент на моем имени. Наверное, это был второй или третий раз в моей жизни, когда Грант назвал меня по имени. Уходя, он добавил фразу, которую я слышала всего однажды – на объявлении приговора маминому убийце:

– Но в угоду милосердию нельзя жертвовать справедливостью.

Я не поняла, что Грант имел в виду. Но тем же вечером его машина на полной скорости врезалась в дерево рядом у проселочной дороги. Алкоголя в его крови обнаружено не было, но он был не пристегнут. Об этом даже показали сюжет в десятичасовых новостях – сначала искореженный автомобиль, а после этого парня с микрофоном на фоне нашей школы, который долго рассказывал, что погибший был прекрасным преподавателем и заботливым отцом и все его очень любили. Следствие пришло к выводу, что, должно быть, машина попала в яму на обочине и водитель не справился с управлением. Но мы-то с Нэйтаном знали.

Просто для Гранта настал час расплаты.

И все равно я проплакала всю ночь. В основном из-за Элизы, которая до сих пор с нетерпением ждала дня, когда сможет вернуться к отцу. Он все время повторял ей: «Скоро, милая, скоро мы снова будем жить вместе». Однако я плакала, потому что еще хранила в памяти времена, когда Грант не пил. Каким бы жутким отчим ни становился напившись, я все еще помнила, каким он был до того: любящим мужем и человеком, который помогал мне в трудную минуту.

Может быть, в угоду милосердию и нельзя пожертвовать справедливостью, но в данном случае, как мне казалось, справедливость вошла в дверь без стука.

На следующий день мы с Нэйтаном решили не ходить в школу, а остались дома с Элизой. После полудня у нас состоялся очередной тяжелый разговор: я хотела рассказать его родителям правду, а Нэйтан меня отговаривал. Но я больше не видела смысла в том, чтобы скрывать, кто отец ребенка, – ведь Грант был мертв. И ни полиция, ни газеты уже ничего бы сделать не смогли.

Однако Нэйтан прямо-таки рассвирепел:

– Ты ни черта не понимаешь, Мэдди! Нельзя рассказывать им ничего. Что с того, что Гранта больше нет? Это что-то меняет?

– Это меняет все. Теперь это просто семейное дело. Никакой полиции, никакого суда. Не нужно давать показания. Теперь все иначе, Нэйтан. Так почему ты и дальше должен тащить все на себе?

– О, и теперь тебя, значит, не волнует, что люди могут пронюхать?

– Конечно, волнует. Но твои родители имеют право знать правду, особенно после всего, через что мы все прошли.

– А Рэнди? Ты что, ему тоже собираешься рассказать? – ошеломленно прошептал Нэйтан.

– Он ненавидит меня, Нэйтан. Я бы ни за что ему не рассказала. И вообще, никто в школе не должен знать. Особенно те, кто обожал Гранта. А

то еще подумают, что это я виновата в его смерти, – поморщилась я.

Нэйтан буравил меня взглядом гораздо дольше, чем хотелось бы.

– А разве это не так? – спросил он наконец.

– Мы виноваты в том, что случилось с Грантом? Не думаю, – откликнулась я.

– То есть ты думаешь, что его смерть – расплата за то, что он с тобой сделал?

– Не думаю, – сказала я быстро. – Хотя, признаюсь, иногда он так меня доводил, что я желала ему смерти.

– То есть если бы мы поступили иначе – пошли в полицию с самого начала, Грант был бы жив? – рассуждал Нэйтан.

Слышать этот вопрос мне было больно.

– Да, – вымолвила я слабым от волнения голосом. – Вероятно. В тюрьме... но жив.

– Неужели ты не поняла? Он же погиб из-за нас! – вскричал Нэйтан, схватившись руками за голову.

– Нет! Он покончил с собой, потому что не смог жить с чувством вины. Устал бояться последствий, которые, он знал, рано или поздно наступят, – возразила я. И остановилась – мне нужно было понять реакцию Нэйтана. – Ты ведь поэтому не хочешь рассказать все родителям? Потому что чувствуешь себя виноватым в смерти Гранта?

– Нет. Да... Не знаю. И поэтому тоже, наверное, – отрезал Нэйтан. Он сделал несколько шагов по комнате, нервно взъерошив волосы. – Я рад, что помог тебе, Мэдди. Я так счастлив, что оказался в тот день рядом. Если бы ты покончила с жизнью из-за Гранта, я бы никогда не смирился с этим. В данном случае лучше он, чем ты. Но в то же время посмотри, что теперь стало с моими родителями. Папа лишился хорошей работы. Хуже того, лишился доверия своих прихожан, которым пришлось искать новую церковь. Все это совершенно несправедливо. Не знаю, что могло бы быть, но из-за нашего решения все пошло наперекосяк. И как папа с мамой теперь отреагируют, если я позвоню им и небрежно так сообщу: «Вообще-то всего этого можно было избежать, если бы я сразу рассказал правду. Но я решил поиграть в героя-мученика и врал вам, как и всем остальным, – и вот теперь из-за этого ваша жизнь превратилась в кошмар, а Грант покончил с собой!» Весело, да?

Он остановился – перевести дух.

– Знаешь, что мне с рождения вдалбливал папа? Нужно всегда быть честным, Нэйтан. И после того, чем для них с мамой обернулась эта ложь, ты так уверена, что они простят меня... меня, поставившего твои интересы

выше интересов своей семьи?

– Да, – прошептала я, уязвленная его словами. – В конечном итоге да.

– В конечном итоге... может быть. Честно говоря, самоубийство Гранта очень сильно облегчило мне жизнь – теперь не нужно ни о чем рассказывать родителям. Потому что, если бы он был жив, когда мы пошли бы в полицию, папа с мамой бы сразу смекнули, что мы им врали, ведь так? А теперь никто не узнает. Эта правда должна умереть вместе с нами! И пусть ни мои родители, ни Рэнди, ни кто-либо в школе, ни даже Элиза ни о чем не догадываются.

– О, – не выдержала я, – это твое окончательное решение?

Я никогда еще не видела Нэйтана с таким бледным лицом. И он выглядел таким хрупким, словно вот-вот треснет, как скорлупка.

– Что происходит? Ты что-то от меня скрываешь? – спросила я.

Нэйтан развернул к себе рядом стоящий стул и сел, словно ноги не держали его. А дальше – закрыл лицо руками и зарыдал, сначала тихо, потом все сильнее.

– Это я убил Гранта, Мэдди, – глухо простонал Нэйтан. – Это моя вина!

– Потому что мы не притащили его в полицию? Ерунда. Глупости какие, – отмахнулась я.

– Нет, ты не поняла! Грант говорил со мной. Вчера на перемене, прежде чем поговорить с тобой, он почти насильно втащил меня в свой класс.

– Что он сказал?

– Умолял, чтобы я никогда никому не говорил о том, что он сделал с тобой. Мол, каких бы гадостей он ни натворил, он очень любит тебя и Элизу и ему стыдно за содеянное. Он сказал, что придумал, как исправить положение, чтобы вам с сестрой не пришлось больше расхлебывать ситуацию. И хотел убедиться, что Элиза никогда ничего не узнает. Он уже столько раз подвел ее, что не может позволить ей жить с этим.

– Что ты ему сказал? – спросила я.

– Что ничего обещать не могу, – стонал Нэйтан.

– Правильно.

– Нет. Он сказал, что я не понимаю, но скоро пойму. Что он скоро от нас уйдет. Не в клинику, а просто *уйдет*, насовсем. Я подумал, он собирается уехать из города или придумал что-то еще, чтобы уйти от правосудия. Тогда я окончательно обнаглел и сказал, что, если он уйдет, я тут же обращусь в полицию. Думаю, он был немного раздражен, что я его не понимаю, потому что стукнул кулаком по столу и сказал: «Слушай, всем

ведь будет все равно, если я умру?»

Я вдруг поняла, что слова даются мне с огромным трудом.

– А ты что ответил? – прошептала я.

Слезы из глаз Нэйтана потекли с новой силой.

– Что не только всем будет все равно... но и то, что все будут страшно рады.

– О, Нэйтан, – выдохнула я и попыталась его обнять.

– Это еще не все. Все гораздо хуже. Грант предложил мне сделку. Он сказал: «Отлично. Если я уйду – *навсегда* – то ты никому не расскажешь о том, что я сделал? И проследишь, чтобы кто-нибудь позаботился об Элизе и Мэдди».

Нэйтан шумно вдохнул.

– Я уже понял, что он имеет в виду, но не воспринял это всерьез и засмеялся. *Засмеялся!* И сказал, что с радостью унесу эту тайну в могилу, если Грант к тому моменту опередит меня. «Только не думаю, что человеку, который бьет девушек-подростков, хватит смелости на что-то подобное!» – вот как я ему сказал.

Теперь и я расплакалась.

– Нэйтан, мне так жаль, что я тебя втянула во все это. Но это не ты убил его. И даже не ты подал ему идею. Он сам так решил, Нэйтан. Это не твоя вина.

Мы не выпускали друг друга из объятий еще минуту, после чего Нэйтан снова попросил меня держать язык за зубами.

– Все слишком сложно, – сказал он. – Для тебя, для меня, для моих родителей. Будет только лучше для всех нас, если никто не узнает, что твой ребенок от Гранта.

Нэйтан поднял голову и заглянул мне в глаза.

– Нравится мне это или нет, я дал Гранту слово. Он выполнил свою часть обещания, а я намерен выполнить свою. Мэдди, я не хочу, чтобы мои родители узнали. Или кто-то еще.

Было невыносимо видеть Нэйтана в таком состоянии. И я ненавидела Гранта за то, что из-за его «аварии» на плечах моего друга оказалось бремя еще одной страшной тайны. Это было несправедливо. Чтобы облегчить ношу Нэйтана, я залезла в левый карман его брюк.

– Что ты делаешь? – спросил он.

А я медленно вытащила один из маленьких красных камешков и сказала:

– Забираю его. Навсегда.

И прежде чем он успел возразить, сунула камень в карман своего

комбинезона для беременных.

– Зачем? – не понял Нэйтан.

– Это мое обещание. Если ты просишь, я никогда никому не скажу. Мне по-прежнему очень неудобно перед твоими родителями, но если ты так хочешь, пусть это будет мое доброе дело для тебя. Никто никогда не узнает, Нэйтан. Договорились?

Он кивнул. Больше мы об этом никогда не говорили, потому что сказать было нечего. Я дала обещание. И собиралась его сдерживать.

Ребенок родился спустя пять дней после этого разговора, в день похорон Гранта. Я была рада, что так получилось, потому что, как бы я ни грустила о нем, не думаю, что смогла бы выслушивать все эти грандиозные истории о его порядочности и благородстве. С Элизой на похороны пошел учитель, много лет друживший с Грантом, а мы с Нэйтаном поехали в больницу.

Перед отъездом я позвонила в агентство по усыновлению и сообщила, что ребенок вот-вот родится. Из агентства позвонили мистеру и миссис Шредер, семье из Калифорнии, которую я выбрала, и те сразу же рванули в аэропорт. Самолет приземлился семь часов спустя, за целых четыре часа до родов.

Миссис Стин оказалась права – у меня родилась девочка. Я успела понынчить ее целый час, а потом Нэйтан пригласил Шредеров в палату.

Хотя моя дочь была зачата при совершенно жутких обстоятельствах, я любила этого ребенка. Передать ее на руки другой женщине было самым трудным шагом в моей жизни. Мы обе плакали – и я, и миссис Шредер.

– Вы выбрали ей имя? – спросила я, слушая непонятные звуки, которые издавала моя маленькая девочка.

Мистер и миссис Шредер улыбнулись друг другу, потом оба посмотрели на меня.

– Мы не собираемся терять связь и будем рассказывать, как растет ваша девочка... Мы решили, что имя вы должны выбрать сами. Ведь вы сделали все, чтобы она смогла появиться на свет, поэтому мы бы хотели, чтобы вы ее и назвали.

Мы с Нэйтаном обменялись улыбками. Мы уже много раз обсуждали имена, но даже и не надеялись, что нам разрешат назвать ребенка.

– Зоуи, – ответила я не задумываясь. – Это значит «жизнь». Ее появление на свет для меня настоящее чудо. И хотя растить ее будете вы и вас она будет называть своими родителями, я навсегда хотела бы остаться частью ее жизни. Зоуи. Так бы я ее назвала.

Миссис Шредер повернулась к мужу, сияя.

– Дорогой, что скажешь? Малышка Зоуи?

– Имя подходит... – улыбнулся он.

Миссис Шредер опустила голову и с нежностью посмотрела на маленькое личико с закрытыми глазками, прошептала:

– Привет, Зоуи. Очень приятно наконец с тобой познакомиться.

Спустя два месяца, в середине марта, по дороге из школы Элиза вытащила из почтового ящика толстый конверт. Судя по штампу, прислали письмо из Калифорнии. Нэйтан был еще на работе, но дожидаться его я просто не смогла и тут же открыла конверт. И чуть не заорала от счастья.

– Что пишут? – спросила Элиза, почувствовав мое волнение.

– Пишут, моя дорогая, что мы переезжаем в Калифорнию! – радостно сообщила я.

Когда Нэйтан вернулся домой, у меня голова шла кругом, я прыгнула в его объятия и протянула ему письмо.

– Пришло наконец, – я задыхалась от радости. – Полная стипендия, представь себе, Нэйтан! Я поступила в Стэнфорд!

– Я так за тебя рад, – ответил он со значительно меньшим энтузиазмом, чем я рассчитывала.

– В самом деле?

– Конечно. Ты ведь мечтала об этом. К тому же теперь ты сможешь навещать Зоуи, – попытался он улыбнуться.

– Угу, а почему у тебя такое лицо?

Он пожал плечами:

– Теперь все будет иначе. Весь прошедший год мы провели вместе, а теперь наши пути разойдутся.

Нэйтану пришла пара писем из разных университетов, но в Стэнфорд он документы не подавал.

– Но мы же будем общаться...

Хмыкнув, он легонько ткнул меня в бок:

– Разве ты не в курсе, как это бывает? После развода никто не общается.

– Ладно, – тоже хмыкнула я, возвращая шутку и в свою очередь ткнув в бок Нэйтана, – тогда не будем разводиться.

Он закатил глаза:

– Я до сих пор не сказал родителям, ты ведь знаешь.

– С нетерпением жду этого разговора. «Эй, пап, помнишь, как ты просил, чтобы я заботился о своей невесте? Так вот, представь себе, ее отбил какой-то Стэн. Стэн Форд», – расхохоталась я.

– Прекрати. Подумаешь, большое дело – развестись, – отмахнулся Нэйтан.

Оказалось, большое.

Была середина лета. Одним воскресным вечером Нэйтан наконец созрел и позвонил родителям, чтобы сообщить им о нашем разводе. Я сняла трубку в спальне и подслушивала. Нэйтан попросил, чтобы к телефону подошли и мистер, и миссис Стин, и объяснил, что наши с ним пути расходятся, а краткой, но насыщенной семейной жизни пришел конец. Сначала ответом ему было молчание.

Потом мистер Стин заговорил, и его слова звучали так, что это было похоже на чеканку монет:

– Позволь мне кое-что прояснить. Год назад твоя девушка забеременела. Ты женился на ней, будучи семнадцатилетним оболтусом, объяснив свое решение тем, что вы вроде как друг друга любите. Затем вы с ней решили, что ребенка вдвоем вам не воспитать, и отдали дочь на усыновление. А теперь, в восемнадцать лет, ты звонишь мне и говоришь, что вы разводитесь?

Он перевел дух.

– Что дальше, Нэйтан? А ведь из вашего брака могло бы что-то получиться, если бы вы захотели. Почему ты не пожалел бедную девушку? Она осталась без матери, ее отчим скончался, а теперь ей еще придется в одиночку воспитывать младшую сестренку? Не стану скрывать, Нэйтан, я очень разочарован. Не так мы с твоей матерью тебя воспитывали.

– Это настолько же решение Мэдди, как и мое, – пробормотал Нэйтан.

– Значит, вы ошибаетесь оба! Чтобы создать семью, нужно хорошо потрудиться. И нельзя так просто соскочить, едва становится тяжело. А вы выбрали самый легкий путь!

– Неправда, – прорычал Нэйтан. – Мне ничто в отношениях с Мэдди не давалось легко.

– Так что, все? Вы попытались, но не получилось, и вы решили пойти на попятную? Так прозаично? Получается, я воспитал лентяя, – констатировал мистер Стин.

Уверена, Нэйтан еле сдержался, чтобы не послать его куда подальше. Надо сказать в его оправдание, что он продолжил ровным голосом:

– Мы идем в колледж, пап. В разные колледжи. Ничего не выйдет.

– Что ж, воля ваша! – Голос Тима сорвался на крик. – Надеюсь, с колледжем выйдет лучше, чем со школой.

И, не попрощавшись, он передал трубку миссис Стин.

Ее наше решение тоже разочаровало, но она все же добавила, что

любит Нэйтана. И попросила передать, что меня тоже.

Не знаю, когда Нэйтан снова заговорил с родителями, но явно не тем летом.

Часть III

Шлифовка

Линдси Уокер

26 октября

Несколько лет назад мистер Стин присутствовал на нашей ежегодной акции «Собери полный грузовик» (мы отправляем посылки в фонды Майкла Гримма и Челси Хикс). Его сын играет в команде противника. Мистер Стин спросил, в чем суть акции, а потом сказал, что у него есть «пара» старых вещей. Понадобилась помощь всей футбольной команды, чтобы перетаскать всю эту «пару» комплектов униформы (которых оказалось под 100 штук). Вот таким щедрым и спортивным был мистер Стин!

Джей Мэдэус

26 октября

Нэйтан был прекрасным другом и коллегой, и я буду ужасно по нему скучать. Пару месяцев назад он отправил мне посылкой из Техаса любимые шоколадные конфеты... только потому, что знал, как я обожаю сладости.

Глава 32

Элис

Я иду к выходу из школы. По пути опускаю левую руку в карман джинсов, перебирая пальцами шесть небольших камешков. Иду медленно, чтобы Тай на своей машине успел повернуть за угол и скрыться из виду, а затем делаю крутой разворот и мчусь назад к тротуару. Я вижу впереди автобус, который едет в Даллас. Если поторопиться, успею сесть на следующей остановке.

Двадцать секунд спустя, запыхавшись окончательно, я подбегаю к очереди из пассажиров, сажусь в автобус, расплачиваюсь с водителем, занимаю место в задней части салона и устраиваюсь поудобнее. Как правило, поездка в центр города занимает всего около получаса, но сейчас утренний час пик, так что ехать я буду как минимум вдвое дольше. Когда мы въезжаем в город, я вынимаю записку с адресом и распечатанную вчера карту. Пока пытаюсь понять, какая остановка ближе всего к тому месту, куда я еду, старшеклассник, сидящий через два сиденья от меня, пытается завязать разговор:

– Куда ты едешь? Я знаю город очень хорошо.

Я поднимаю голову и нервно улыбаюсь. Его ответная улыбка открывает неровные зубы. На одном из передних трещина по диагонали, а еще один просто кривой. Но я стараюсь не обращать внимания и не пялиться. В конце концов, папе, например, было бы все равно, какие у него зубы, ведь так?

– И часто ты туда ездешь? – спрашиваю я.

– Раз в неделю, – отвечает он с гордостью. – Последние семь месяцев. И буду еще как минимум пять.

– В школу? – интересуюсь я.

– Не. Я бросил школу, когда... ну, когда меня выгнали, – говорит парень и сам смеется. – Потом я жил в центре города некоторое время. А теперь просто езжу к своему социальному работнику.

Я не знала, что ответить, поэтому ограничилась лишь простым «надо же».

– Это тебе не хухры-мухры. Лучше уж к соцработнику, чем в каталажку, где тебе все время задницу дерут.

– О, – снова отвечаю я. И застенчиво спрашиваю: – А что такое каталажка?

– Колония для несовершеннолетних. Я провел там полгода. Конечно, это куда лучше, чем там, где я был до нее. В каталажке хоть каждый день жратва была.

– А что было до каталажки?

– Болтался по Далласу, говорю же. Жил на улицах, а иногда ночевал в приюте. Поэтому так город хорошо знаю. Могу тебя куда угодно провести. Куда, ты говоришь, тебе надо?

– В Вест-Виллидж. – Я подумала, что такой ответ для незнакомца достаточно расплывчив.

– О, крутой райончик. Клевые там телочки. По магазинам аль к кому в гости?

– В гости.

– В общем, если надо будет подсказать, как что пройти, не стесняйся. Я у соцработника буду всего полчаса. А потом могу тебе экскурсию закатить.

Я снова улыбаюсь:

– Спасибо, не стоит. Думаю, я дорогу знаю.

Разговор сходит на нет. Я машу на прощание, когда парень выходит из автобуса на главной улице, в историческом районе, рядом со старым зданием суда. Моя первая остановка в двадцати кварталах отсюда, рядом с папиным любимым магазином пончиков.

Как обычно, перед его дверью небольшая толпа с пончиками в руках. Когда подходит моя очередь, я громко заказываю. За прилавком стоит парниша в дредах и с проколотым носом. На вид ему лет двадцать, но держится дружелюбно.

– Двенадцать пончиков, пожалуйста, – прошу я. – Два с желе, четыре с яблоками... ммм... четыре в глазури и два – в шоколаде.

Парень откидывает копну волос:

– А давай тринадцать, деточка? Тринадцатый бесплатно.

– Ладно. Тогда розовый с обсыпкой.

Я отдаю ему пятнадцать из пятидесяти долларов, которые еще до завтрака вытащила из копилки.

Парень отдает мне сдачу и кладет пончики в большую розовую коробку, приговаривая:

– Не ешь сразу все, ладно?

На моих плечах рюкзак, в руках – коробка с пончиками. Я выхожу из магазина, прохожу мимо толпы жующих и держу курс на восток, к эстакаде. Мама, наверное, с ума бы сошла, если б узнала, куда я иду, но так как она явно не понимала и не ценила папу, чего толку ждать от нее

понимания по отношению ко мне? Проходя вдоль эстакады, я вспоминаю, как папа водил меня поесть пончиков в последний раз. Это было почти год назад, но воспоминания все еще свежи. Помню, он заказал двадцать пончиков, а я сказала, что столько мы не съедим. А папа кивнул и сказал, что нам просто придется найти кого-то, кто нам поможет. А потом, с двумя коробками пончиков, он провел меня по тому же маршруту к этой эстакаде.

По мере моего приближения к массивным бетонным опорам, которые поддерживают эстакаду, воспоминания постепенно пропадают. Перед моими глазами заброшенная парковка, заваленная мусором. В темной нише за парковочными местами, где стальные балки уходят в землю, я вижу тех, кого ищу: *людей*. Пятеро или шестеро разлеглись на больших картонных листах. Трое – в порванных спальнях мешках, другие укрываются от холодного утреннего воздуха газетами и грязными одеялами. Сомневаюсь, что это те же, кто был тут в прошлом году, но надеюсь, их реакция будет такой же. Я делаю глубокий вдох и иду вперед на свой страх и риск.

– Ээээ... привет, – говорю я тихо, как только подхожу достаточно близко, чтобы почувствовать запах немытого тела. – Вы спите, да?

Сначала ответом мне полная тишина. А потом один из спальнях мешков начинает шевелиться. Через полсекунды из него высовывается голова. На меня смотрит девчушка лет, наверное, трех или четырех. У нее огромные глаза – карие, словно начинка от яблочного пончика.

– Мама, – шепчет девочка, – мама, вставай.

Из мешка показывается второй его обитатель – женщина. Ей лет двадцать, хотя по общему виду не скажешь. У нее редкие волосы, круглые щеки и синяк под глазом. На лице испуг.

– Потерялась? – спрашивает она.

Я качаю головой.

– Тебя кто-то сюда за чем-то послал?

Я снова качаю головой.

Еще пара местных жителей с неохотой поднимаются с мест, чтобы посмотреть, что происходит. Среди любопытных я вижу двоих мужчин и двух женщин за сорок. Один мужчина белый, другой темнокожий. Все выглядят так, будто не ели уже лет сто.

Темнокожий мужчина смотрит на меня с подозрением, хотя чего ему меня бояться – я же просто крошечная тринадцатилетняя девушка. Не понимаю. Внимательно оглядев меня, он говорит глубоким, гортанным голосом:

– Че надо? Мы не хотим никаких проблем и тут не цирк, так что вали-ка ты отсюда подбру-поздорову.

Мои руки начинают дрожать. Но я вспоминаю, что в прошлом году тоже нервничала, хотя рядом был папа. А теперь, когда я одна, и вовсе каменею от страха. На мгновение я вообще забываю, зачем пришла; внутренний голос велит мне бежать прочь, но, сделав еще один глубокий вдох, я вспоминаю про камешки в кармане.

– Я... подумала, что вы голодны, и принесла пончиков. Они свежие. Я только что купила их, несколько минут назад. Всем хватит, даже по два, – предлагаю я.

Медленно делаю несколько шагов вперед и ставлю коробку с пончиками на землю возле маленькой девочки.

– Ты можешь попробовать розовый, – говорю я ей, – с обсыпкой. Надеюсь, тебе понравится.

Последнюю фразу я произношу почти шепотом. Затем медленно оборачиваюсь и иду назад.

Но не успеваю сделать и пятнадцать шагов, как вокруг эхом отдается голос темнокожего мужчины:

– Благослови тебя Господь, девочка! Благослови тебя Господь.

Я оборачиваюсь и машу всем этим людям, которые меня благодарят, и иду дальше. Когда снова оказываюсь среди небоскребов, вне поля зрения бездомных, опускаю руку в левый карман, хватаю пальцами один из камешков и перекалдываю его в противоположный карман.

– Уже один камешек, а ведь нет еще и половины восьмого, – рассуждаю я вслух. – Папа прав: не так уж это и сложно, если решиться. Уверена, у меня получится справиться со всеми шестью камешками даже раньше, чем в школе меня хватятся...

Нэнси Теллефсен Гринхауз

27 октября

По страховке сиделка могла ко мне приходиться только несколько раз. Но Нэйтан и Хэлли узнали, что мне нужен тщательный уход, и договорились, чтобы медсестра приходила ко мне и дальше. А потом они помогли моей маме перебраться ко мне, чтобы она могла присматривать за моим маленьким сыном и менять мне повязки. Нэйтан, Хэлли и мама – мои герои!

Глава 33

Хэлли

Утро в понедельник в «Бархатных лепестках» всегда самое жуткое за всю неделю. Нужно произвести учет нового товара, переучет старого и исходя из результатов либо снизить цену на старые цветы, либо выбросить их, потом нужно подготовить план на неделю и успеть выполнить все срочные заказы, оставшиеся с выходных, до полудня.

Сегодняшнее утро ужасно вдвойне – я целых десять дней не появлялась в магазине, и теперь нужно помимо обычных дел успеть доделать еще и то, что накопилось. Вот почему до личной почты я добираться только в одиннадцатом часу.

Первым письмом, которое я вижу, оказывается письмо из школы Элис, помеченное флажком «срочно». Открываю его и удивленно читаю:

Настоящим письмом извещаем, что Стин Элис сегодня не появилась на занятиях в школе. Пожалуйста, наберите номер «горячей линии» округа по вопросам посещаемости и сообщите причину ее отсутствия. Все другие вопросы, касающиеся посещаемости Стин Элис, можно задать по телефону, указанному ниже.

Телефон «горячей линии» оказывается телефоном одной из школьных секретарей. Через полминуты она снимает трубку. Я судорожно бормочу:

– Тут какая-то ошибка. Элис приехала в школу вместе с братом, так что я знаю: она должна быть на занятиях. Может быть, в данных по посещаемости ошибка?

– Если бы речь шла только об одном уроке, то да, мэм, – отвечает мне секретарь. Я слышу, как она, говоря со мной, что-то печатает. – Но, по данным системы, она пропустила три урока подряд. Так что вряд ли тут ошибка. Это неявка без уважительной причины.

Я столбенею от страха. И начинаю волноваться. И злиться.

– То есть вы сейчас сообщаете мне, что моя дочь, которая сегодня на моих глазах уехала в школу и за которой там должны бы, по идее, присматривать, теперь вдруг исчезла? Она не могла просто исчезнуть! Вы вообще потрудились ее поискать? – медленно выхожу я из себя.

– Миссис Стин, мне очень жаль. Но у нас нет никаких данных, кроме учета посещаемости. Если бы она болталась без дела по холлу, ее бы уже привели в класс и тогда внесли бы в списки. Не хочу вас волновать понапрасну, но по всем признакам получается, что в школе ее нет. Вы точно

уверены, что она доехала до школы?

Пока секретарь говорит, я мысленно пробегаю по всем утренним событиям. *Элис не хотела добираться на автобусе. Тай хотел приехать пораньше и не собирался ее ждать. Оба в итоге ушли в спешке...*

Краем уха я слышу вопрос секретаря.

– В общем... нет, – отвечаю я. – То есть меня в этот момент рядом не было. Но она договорилась со старшим братом, что он довезет ее.

– Давайте я позвоню в корпус, где он учится? Его имя Тай, правильно?

– Правильно.

– Хорошо. Я соединю вас со старшей школой, и они позвонят Тая к телефону, чтобы он подтвердил ваши сведения насчет поездки. Вас устроит такой вариант? – мягко предложила секретарь.

У меня ощущение, что сердце оборвалось и свалилось куда-то в желудок. Женская ли это интуиция или материнский инстинкт, но каким-то шестым чувством я понимаю: что-то случилось.

– Да, – отвечаю я.

В старшей школе трубку снимает секретарь, которая явно больше школьница, чем секретарь.

– Кого? – переспрашивает она. – Тая Стина? Конечно, я знаю, кто такой Тай! Он очень-очень милый. Его шкафчик как раз под моим, поэтому мы постоянно видимся... Могу ли я с ним связаться? О, я извиняюсь, мэм, не думаю, что у меня есть его номер, но могу спросить. Потому что я точно знаю, у кого он может быть... Что?.. Прямо сейчас? Ммм... Он в классе, а нам запрещено срывать учащихся с уроков, и все такое, но... Стоп, еще раз – кто вы?.. Его мама? Ой, здрасьте, миссис Стин. Очень сочувствую... ну, вы поняли. Все эти похороны и прочее... такой кошмар... Хм, да, думаю, я смогу достать вам Тая, но это займет несколько минут. Повисите, пожалуйста, хорошо?

К моменту, как она заканчивает свою речь, я уже готова разораться на весь магазин. Единственное, что меня останавливает, – покупатель, который сейчас как раз присматривает букет роз.

Через пять минут после того, как он, расплатившись, удаляется, к телефону подходит Тай:

– Мама?

– Привет, дорогой. Прости, что сорвала тебя с урока. Но... – Мой голос дрожит.

– Что-то случилось?

– Слушай. Ты помнишь, что было после того, как ты отвез Элис в школу? С ней все было нормально?

– Да, конечно. Я высадил ее у школы. А что?

Я едва держу себя в руках.

– Она не пришла на уроки.

– Но я высадил ее прямо у входа! Клянусь.

– Верю. Но ты видел, как она вошла в школу?

Пауза.

– Нет.

Я тоже делаю паузу.

– Я боюсь, Тай. Мне кажется, она так и не дошла.

– Но почему?

– Не знаю. Вот что. Я сейчас опять позвоню в ее школу и расскажу обо всем. У них должен быть план действий на подобный случай. А потом поеду домой. Ты приедешь тоже, ладно?

– Я приеду *раньше*. И буду по пути искать Элис. Может быть, она просто прогуляла и пошла куда-то. И сейчас наверняка сидит где-нибудь под деревом в парке – учит словарь или что-нибудь в этом роде.

– Так, слушай, мы тратим драгоценное время. Ты поедешь прямо сейчас и тут же позвонишь мне, если найдешь ее. Договорились?

– Ты мне тоже сразу позвони. Люблю тебя, мама, – отвечает Тай.

Повесив трубку, я набираю наш домашний номер. К телефону подходит Тим. Дома Элис нет. Я звоню в школу и сообщаю все, что известно на данный момент. Секретарь уверяет меня, что администраторы сейчас же начнут прочесывать все помещения и аккуратно выспрашивать школьников, не видел ли кто Элис. Она пообещала перезвонить, как только проверка будет окончена, и доложить о результатах.

– Элис очень маленького роста, – предупреждаю я. – И ее недолюбливают одноклассники. Может, кто-то со злости затолкал ее в шкафчик?

– Это возможно, но маловероятно. Обычно в шкафчике нельзя пробыть дольше минут пятнадцати – кто-нибудь рано или поздно услышит, как ты кричишь и бьешься ногами в железные стенки. Нет, однажды, конечно, был у нас случай: один ученик младших классов просидел в шкафчике целый час, но он залез туда сам и старался не привлекать внимания. Просто отец напугал ребенка, сказав, что убьет его – образно, конечно, – если тот принесет очередную двойку по математике. Бедный мальчик подумал, что если сбежит с урока, то не получит двойку.

– Как мне его жаль, – замечаю скороговоркой. – Но мою дочь мне жаль больше. Пожалуйста, убедитесь, что мне тут же позвонят, как только выяснится хоть что-нибудь об Элис. Хорошо?

– Конечно, миссис Стин. Как только мы что-то узнаем, я сразу вам позвоню.

Я вешаю трубку, хватаю ключи и кошелек, запираю кассовый аппарат, выхожу из «Бархатных лепестков» и замыкаю входную дверь. Рядом стоит автомобиль, из которого как раз выходит женщина.

– Мы закрыты, – говорю я ей. – Мне очень жаль.

– Что значит «закрыты»? И что мне теперь делать? У моей дочери через полчаса первое в жизни сольное выступление – она занимается художественной гимнастикой. И мне нужно раздобыть для нее букет цветов.

Слова эти сказаны не самым дружелюбным тоном, но я понимаю, что женщине приходится нелегко. Протиснувшись к своей машине, я спокойно ей отвечаю:

– А моя дочь пропала, и я собираюсь ехать искать ее.

Собственно, я могла бы больше ничего не добавлять, но не хочу бросать женщину в беде.

– Зайдите в салон дальше по улице. Ваша девочка все равно не заметит разницы между моими цветами и их. Доброго дня.

Когда я врываюсь в дом, свекровь уже меряет шагами гостиную.

– Ну что, нашлась Элис? – сразу же набрасывается она на меня.

– Я хотела то же самое спросить у вас, – отвечаю я хмуро. – Где Тай?

– Все трое прочесывают улицы, – доложила Колин.

– Трое? – не поняла я.

– Тай рассказал обо всем Рэнди, старому другу Нэйтана, и тот тоже присоединился. Встал и ушел с работы, помогать нашему мальчику.

– Ясно. То есть они все просто прочесывают город на машине?

– Тай и Рэнди проверили несколько парков. Тим решил, что три пары глаз лучше, чем две, так что увязался за ними. – Она делает паузу и кладет руку себе на живот: – Я бы тоже пошла, но у меня желудок разболелся.

– Когда они уехали?

– Четверть часа назад. Может быть, меньше. Мне за это время удалось попасть в туалет... дважды.

На данный момент информация эта совершенно лишняя, но я все равно сочувственно улыбаюсь Колин. И избегаю по лестнице. Конечно, я тоже хочу прочесывать улицы в поисках Элис, но не раньше чем обыщу ее комнату. Если она намеренно не пришла в школу, то, возможно, ей хватило мозгов оставить где-то хоть самую никудышную подсказку, куда она собирается. Вихрем просматриваю листы бумаги, фотографии, блокнот на

ее столе, а также две стопки книг и журналов. Ничего. Когда я снова смотрю на стол в поисках того, что, возможно, нечаянно пропустила, мой взгляд упирается в самый центр той кучи барахла, в которую я превратила все, что было на столе, и выхватываю закрытый нетбук Элис.

– Вот же идиотка, – со стоном выдыхаю я.

Колин выходит из ванной как раз в тот момент, когда я говорю «идиотка».

– Я? – спрашивает она задумчиво, входя в комнату. – Я сделала что-то не так?

– Нет, я, – срываюсь я с отчаянием в голосе. – Надо было сразу залезть в Интернет!

– Думаешь, она сейчас сидит в Интернете? В каком-нибудь чате?

– В своем блоге. Она пишет туда постоянно!

Я открываю крышку нетбука, и тот оживает. Вбиваю адрес блога Элис.

– Элис не очень общительная. Она не слишком-то охотно рассказывает нам о своих переживаниях, своих друзьях и знакомых. А в блоге обо всем говорит открыто. Собственно, именно из блога мы и узнали, что над ней издеваются в школе.

Колин с ужасом зажимает рот рукой:

– Над ней что, издеваются? Кошмар какой! Думаешь, поэтому она сегодня не пришла на занятия?

На экране появляется последний пост Элис.

– Сейчас узнаем. Вот.

МОЯ ЛИЧНАЯ СТРАНА ЧУДЕС

28 октября

Дорогой Блог, это я, Элис.

Ох уж эти тупые, тупые, тупые, тупые взрослые! По одному слову «тупой» на каждого из четырех, в том числе и для моего братца, хотя теоретически он еще не взрослый, но ничем по тупости от взрослых не отличается. Они думают, что все знают!

Но они понятия не имеют, каким на самом деле был папа.

Он бы НЕ НАЗЫВАЛ меня своей единственной доченькой, если бы я правда не была единственной.

Он НИКОГДА бы не сказал мне, что двое детей – идеальное количество, если бы на самом деле у него их было трое!

ОН БЫ НИКОГДА НЕ СОЛГАЛ МНЕ!

Почему я единственная, кто это понимает? Почему я единственная, кто вступился за папу, когда он не может постоять за себя? Почему я единственная, кто надеется, что он был именно тем, кем, как мы все думали, он был? Может быть, потому что я единственная, кто хочет доказать, что все они ошибаются, – или хотя бы единственная, кто не собирается принимать все это как данность.

Если то, что они говорят, правда, наверное, есть что-то, чего они не знают. И явно есть кто-то более осведомленный.

И, спасибо маме, теперь я точно знаю, кто это!

Завтра я все выясню...

Колин дочитывает до конца первая, но я отстаю всего на одно предложение.

– Черт подери! – кричу я, вскочив с места и судорожно хватаясь за голову. – Я знаю, кого она собралась искать.

– Кого? – недоумевающе шепчет Колин.

Мне не верится, что она до сих пор не поняла, так что я просто игнорирую этот вопрос.

– Вот зараза! Я думала, ей нужны были доказательства. А ей-то информацию подавай! – ору я не своим голосом.

– Кто? – растерянно бормочет Колин.

– А вы что, еще не поняли? *Мэделин Цукерман*. Мать вашей первой внучки! – не сдерживаясь, ору я.

Келли Хансакер

27 октября

Привет... это снова я! Приятно читать такие замечательные комментарии! Хотела рассказать еще об одном недавнем «хорошем поступке». Как-то я ехала на машине и остановилась перекусить. Передо мной в очереди к окошку закуской стоял фургон, и его владелец оплатил мой заказ. Seriously! Сначала я не знала, кто это, но то, что водителем оказался мистер Стин, меня не удивило.

Глава 34

Мэделин

Почти все утро я провела одна в своем офисе, вновь и вновь прокручивая в голове события нашей с Нэйтаном юности. Все это было страшно давно, но у меня впечатление, что только вчера мы с ним прощались в аэропорту, обещали звонить друг другу, а потом разлетелись в разные части страны – навстречу своему будущему. Я нашла свое будущее в молекулярной терапии и медицинской генетике. А Нэйтан – в юриспруденции и очаровательной сокурснице, названной в честь кометы Галлея.

Я смотрю на часы, и, как выясняется, спохватилась я вовремя: через двадцать минут должна прийти новая преподавательница – на собеседование.

Снова достаю из ящика стола ее резюме, но, прежде чем успеваю на него взглянуть, дверь кабинета распахивается.

– Прошу прощения, – произносит Эми. – Знаю, вы просили, чтобы вас не беспокоили, но тут позвонила одна женщина, говорит, что ей нужно поговорить с вами прямо сейчас. Сказала, что будет звонить, пока вы не ответите. Судя по ее голосу, дело и впрямь срочное.

– Она представилась? – спрашиваю я.

– Да, – отвечает Эми, заглянув в свои каракули в блокноте, – Хэлли Стин. Утверждает, что вы знаете, кто она.

Услышав это имя – и понимая, что со мной хочет поговорить жена Нэйтана, – я покрываюсь холодным потом. На мгновение мир замирает, и я остаюсь один на один с сумбуром собственных мыслей. Зачем Хэлли звонит? Где она достала мой номер? Как она вообще обо мне узнала? Я, конечно, и сама хотела с ней встретиться, с самого начала, но Нэйтан считал, что из этого не выйдет ничего хорошего. Я судорожно хватаю ртом воздух и с шумом выдыхаю:

– Да... я... знаю ее. Давайте, Эми, соедините меня с ней.

– Сию минуту, профессор, – отвечает моя ассистентка и исчезает за дверью.

Секунд двадцать спустя красная лампочка на моем телефоне мигает, а спустя еще полсекунды аппарат начинает звонить. Ну и пусть звонит. И звонит. И еще звонит.

Сделав еще один вдох, я снимаю трубку:

– Алло?
– Я говорю с Мэделин Цукерман? – спрашивает женщина на другом конце провода.
– Да.
– Секретарь вам рассказала, кто это звонит?
– Да, – повторяю я. – Вы супруга Нэйтана.
Она чуть медлит.
– Самой не верится, что я это говорю, потому что вы последняя, с кем мне хотелось бы разговаривать, но... мне нужна ваша помощь...

Стефани Даль

27 октября

Я живу в Меските. Несколько лет назад из Денвера прилетел мой старший сын. Надо сказать, что я только вышла на новую работу, а пару месяцев назад скончался мой отец, так что с деньгами у меня было туго. Встретив сына в Далласе и привезя его домой, я помчалась в магазин – купить что-нибудь к рождественскому столу. Пока рассказывала кассиру, как я рада, что вся моя семья в сборе в канун Рождества, ко мне подошел мужчина. Он похлопал меня по плечу и спросил, все ли продукты, которые я напихала в корзинку, мои. Я кивнула, и тогда он воскликнул «С Рождеством!», протянув мне чек на \$ 100! Потом он ушел, а кассир спросила, знакома ли я с этим человеком. Я ответила, что никогда раньше его не встречала. Тогда кассир улыбнулась и сказала: «Ну, для Нэйтана Стина такой способ знакомиться вовсе не в новинку. Особенно в канун праздника». Какой замечательный подарок! И какая утрата... У меня сердце дрогнуло, когда я прочитала про мистера Стина в газете. Мои соболезнования его семье.

Глава 35

Элис

Прошлой ночью, планируя поход в город и копаясь в Интернете, я набрела на сайт с описанием всех окрестностей Далласа. Сейчас, когда я направляюсь к пункту назначения, в моей голове крутится обзор, написанный неким 10 Gallon Joe: «Вест-Виллидж – это не просто жилой район, это стиль жизни: шикарные особняки, роскошные художественные галереи, фешенебельные рестораны. Чтобы здесь жить, нужно иметь очень и очень много денег. Неудивительно, что это место давно стало одним из самых модных городских кварталов в Техасе».

Удивительно, но это «фешенебельное место» находится всего в нескольких кварталах от городских трущоб, где жить приходится в спальнях мешках под автострадой.

Здание, которое я ищу, оказывается сияющим на солнце небоскребом на Мак Кинни-авеню. К сожалению, попасть туда с улицы просто так невозможно. Крошечная табличка на входной двери гласит: «Вход только для жильцов. Незаконное проникновение в здание карается по закону». Слева от двери я вижу панель с кнопками звонка. Напротив каждой стоит фамилия жильца. Я пробегаю по ним взглядом, пока не нахожу ту, которая мне нужна.

«Это не незаконное проникновение» – убеждаю я себя, нажимая на кнопку. Никто не отвечает, и я нажимаю снова. Опять тишина. Я смотрю на часы. Полпервого. Если она обедает дома, то уже должна была вернуться. Я несколько раз подряд нажимаю на кнопку.

И почти сразу из динамика раздается:

– Да?

Ага! *Бог любит троицу.*

– Эй? – откликаюсь я, чувствуя, что начинаю нервничать. – Вы меня точно слышите? Больше ничего не нужно нажимать?

– Я вас прекрасно слышу. Кто это?

– Я говорю с миссис Цукерман?

– Да. Не подскажите, с кем говорю я?

Я не сразу ей отвечаю.

– Ммм... Лучше я это вам лично скажу. У меня к вам очень важное дело. Правда. И, клянусь, я не торговый агент.

– Ну, по голосу вы и правда безобидны, – говорит миссис Цукерман. –

Но иногда внешность обманчива.

– Вы меня видите? – спрашиваю я.

– На панели, прямо перед вами, небольшая камера.

Я быстро приглаживаю волосы и улыбаюсь ей в объектив:

– Так что, у вас найдется свободная минутка? Как я сказала, это действительно важно. Мне пришлось аж с самых окраин ехать сюда, чтобы с вами поговорить.

– А разве ты не должна быть сейчас в школе, деточка?

– Ну... теоретически, да. Но сегодня мне не до этого. Проблемы в семье важнее, чем учеба.

– Проблемы в семье?

– Да, мэм.

– Может, пояснишь?

Я не хочу сразу раскрывать все карты, но понимаю, что, если есть хоть какой-то шанс попасть в здание, придется кое-что все-таки рассказать.

– Ну... Думаю, у нас есть один общий знакомый... то есть был... который для нас очень много сделал. И я хотела бы поговорить с вами о нем, если позволите. Много времени это не займет, обещаю.

– Да? И кто бы это мог быть? – с любопытством спрашивает миссис Цукерман.

А вот и мой козырной туз.

– Нэйтан Стин, мэм.

Она долго молчит, потом приглушенным голосом спрашивает:

– Откуда ты знаешь мистера Стина?

– Он мой отец... и лучший друг, – говорю я.

На этот раз пауза длится намного дольше. Я даже начинаю бояться, что зря ей это сказала. Надо было потом... Как-то подготовить ее... Но снова слышу ее голос:

– А что, собственно, ты хочешь узнать о Нэйтане?

Я понимаю, что от моего ответа на этот вопрос зависит, смогу ли я поговорить с таинственной женщиной из прошлого моего отца. Скрестив пальцы, я заглядываю прямо в объектив, прямо чуть не влезаю в него:

– Я прочитала ваш пост о папе на Facebook и хотела бы знать, каким образом он спас вашу жизнь.

Долгое время ответом мне лишь тишина и шум помех, который тоже вскоре пропадает.

– Эй? – кричу я. – Миссис Цукерман? Вы тут?

Проходит еще секунда.

– Эй?

Проходит почти целая минута, и я уже собираюсь сдать ся и уйти, когда вдруг из динамика снова раздается голос незнакомки:

– Прошу прощения, мне позвонили. Как, ты сказала, тебя зовут?

– Элис Стин.

– Что ж, Элис, как ты уже сказала, твой отец был и моим очень дорогим другом. И я очень рада с тобой познакомиться.

Огромная стеклянная дверь справа от меня с характерным щелчком приоткрывается, после чего голос продолжает:

– Я живу на восьмом этаже, квартира номер семь. Буду ждать тебя в холле.

Накинув рюкзак на одно плечо, я дергаю дверь и иду – почти бегу – к лифту. Быстро поднимаюсь, и из другого конца холла меня дружелюбно окликают:

– Сюда, Элис. Налево.

Я оборачиваюсь и вижу женщину в стильной юбке, блузке с длинными рукавами и туфлях на высоком каблуке – она машет мне из глубины холла. Подойдя ближе, подмечаю еще больше деталей в образе миссис Цукерман: длинные распущенные волосы, белозубая улыбка, выразительно очерченные скулы, стройные ноги, яркий лак на ногтях... Единственное слово, которое сразу приходит на ум, – *идеальная*.

– Так ты дочь Нэйтана, – кивает миссис Цукерман, протянув мне изящную ручку. – Я очень рада.

Как ни странно, у меня возникает ощущение, что я здороваюсь со знаменитостью, и не только потому, что она безупречно выглядит. Но и потому, что эта элегантная женщина прямо-таки излучает уверенность.

– А вы... подруга моего отца, – растерянно говорю я.

– Да. Твой отец был, без сомнения, моим самым верным другом. – Миссис Цукерман нежно улыбается и кладет руку мне на плечо, как раз над лямкой рюкзака. – Так печально, так грустно... что его больше нет. Мое сердце разбилось, когда я услышала это...

– Спасибо, миссис Цукерман.

– *Мэделин*, пожалуйста, – поправляет она. – Что это за «миссис Цукерман»? Меня так даже студенты мои не называют!

– Вы преподаватель? Странно, вы совсем не похожи на преподавателя, – изумляюсь я.

– А как, по-твоему, должен выглядеть преподаватель?

– Ну, то есть вы так шикарно одеты. Преподаватели в моей школе носят джинсы с футболками. А где вы преподаете?

– Здесь, в Далласе, в медицинском центре. Вообще я занимаюсь в

основном исследованиями, но еще читаю лекции по молекулярной терапии и медицинской генетике. Все это жутко скучно на самом деле, если, конечно, ты не такая, как я, – то есть не хочешь создать действенное лекарство от рака. Но открою тебе тайну: так я оделась только сегодня, потому что мне нужно было провести собеседование. Однако моим планам помешали. А в остальное время я стараюсь надевать джинсы, они ведь куда удобнее. – Мэделин еще раз оглядывает меня. – Уверена, ты пришла не только для того, чтобы узнать, как я одеваюсь и где работаю. Входи, и мы поговорим.

Я следую за ней через дверь из красного дерева и оказываюсь в квартире, обстановка которой настолько изысканна, как и сама Мэделин. Здесь и лепнина на стенах, и полки из черного гранита, и мраморный пол.

– Чувствуй себя как дома, – говорит она, указывая в сторону гостиной, где я вижу несколько шикарных кресел в викторианском стиле. – Я поставлю чайник, и мы поболтаем. Ты ведь пьешь чай? У меня есть пара неплохих сортов с травами: «Манго», «Успокаивающий мятный», «Черная черника» и, кажется, даже пара пакетиков «Взрывного яблочного».

– Ммм... что, если черничный?

– Черничный так черничный. Я вернусь через секунду. – И она исчезает на кухне.

«Секунда» длится почти десять минут, но я очень этому рада: у меня есть время, чтобы обдумать, как незаметно перевести разговор в сторону их с папой предполагаемой интрижки. Конечно, я отрепетировала все по сто раз, но мне бы не помешали и еще сто.

Мэделин возвращается с подносом, на котором стоят две восхитительные фарфоровые чашки на двух изящных салфетках и блюдце с сахаром, рядом с которым лежат крошечные щипчики – таких маленьких щипцов для сахара я еще не видела никогда.

– Пожалуйста, – говорит Мэделин, положив передо мной на стол салфетку и ставя на нее чашку с чаем, – чай «Черная черника», идеальной температуры – не слишком горячий, чтобы не обжечь язык, и не слишком холодный, чтобы можно было пить большими глотками.

– Спасибо.

– Всегда пожалуйста. Нет ничего лучше чашки чая, когда хочешь расслабиться. Я начала пить его регулярно, когда училась в Оксфорде, и теперь просто не могу без него жить.

Мое сердце начинает биться сильнее, а во взгляде появляется восхищение. Я восторженно начинаю расследование:

– Вы учились в Оксфорде?

Не люблю хвастаться, но сомневаюсь, что во всех Соединенных Штатах кто-нибудь знает больше меня о самых крупных мировых университетах, потому что большую часть года я только и делала, что изучала, какие в какой университет нужно сдавать экзамены. Оксфордский был в моем списке под номером шесть.

– Тот самый Оксфорд, который в Лондоне? – уточняю я.

Мэделин делает маленький глоток из чашки, усаживается в кресле прямо, пытаясь создать видимость чопорной мадам. И произносит с весьма неплохим британским акцентом:

– Да, я училась в Оксфорде. В том, что на берегу реки Темзы. Там я получила докторскую степень по генетике, и я осмелюсь сказать, что после этого моя жизнь стала куда лучше.

Закончив фразу, она громко хихикает.

– Ого! Вы определенно не похожи ни на одного из моих преподавателей, – удивленно замечаю я.

– Сочту это за комплимент, – отвечает она с улыбкой. – А теперь вернемся к тебе, Элис. Могу ли я узнать, как ты нашла мой адрес?

– Легко. Через поисковик, – пожимаю я плечами.

– О, – произносит Мэделин так, как будто ожидала, что мой ответ окажется более содержательным. – Что ж, ближе к делу. Ты говорила что-то о посте на Facebook, про который хотела узнать поподробнее.

Я ставлю чашку на стол и откидываюсь в кресле.

– Да. Я имею в виду... и про него тоже.

– А про что еще?

– Есть еще кое-что.

– Я тебя внимательно слушаю.

Я прокашливаюсь. М-да, в своем сценарии не так я планировала начать этот разговор. Придется потрудиться, чтобы вывести его в нужное русло.

– Ну... Люди говорят о папе разные вещи. На его странице в Facebook пишут про хорошие поступки. Но есть и другое. Кое-что, в чем я очень сильно сомневаюсь, поэтому пытаюсь понять, что из этого правда, а что – нет.

– И ты решила спросить меня? – удивленно поднимает бровь Мэделин. Я киваю.

– Потому что я написала пост на Facebook?

– Да. И из-за кое-чего еще.

Мэделин смотрит на меня внимательно, словно пытаюсь прочесть мои мысли.

– Например..?
– Всего, что я прочитала.
– Элис, я не думаю, что смогу тебе помочь, если ты будешь говорить намеками.

– Ну, может быть, я просто забегаю вперед. Можно мы вернемся к первому пункту?

– К которому из...

– О посте на Facebook.

– Хорошо. Повтори еще раз: что ты хотела узнать?

Наконец-то. Вот с этого я и собиралась начать беседу.

– Папа правда спас вам жизнь?

На мгновение мне кажется, что Мэделин решает сказать что-то действительно важное. Но потом она просто улыбается и вскакивает с места.

– Минуточку...

Мэделин подходит к полке над газовым камином, берет в руки стоящую на ней небольшую деревянную шкатулку и возвращается на место.

– Эта вещь для меня дороже всего на свете. Подарок твоего отца, – говорит она, протягивая мне шкатулку, такую маленькую, что она без труда помещается в ладони.

– Он ее сделал? – не понимаю я.

– Не шкатулку. А то, что внутри, – показывает Мэделин.

Я вижу небольшой ящик на передней стенке шкатулки, величиной не больше мизинца. Поддев ногтем, приоткрываю его, а затем двумя пальцами хватаюсь за ручку размером с булавочную головку и открываю ящик до конца. Судя по тому, что она сказала, я ожидаю увидеть золотое кольцо, серьги с бриллиантами или еще какую-нибудь драгоценность. Но в ящике на подушечке из черного войлока лежит небольшой камешек красного цвета – точно такой же, как те, что я ношу в кармане своих джинсов. Я беру его и медленно сжимаю в руке. Я не могу говорить. Срывающимся голосом лепечу:

– Когда он вам его подарил?

– Давным-давно, Элис. Для меня этот маленький камешек и те, что он носил с собой, – доказательство того, что Нэйтан Стин был героем. Никто не требовал от него помощи. Никто не заставлял его. Нэйтан помогал людям по собственному желанию. И, к счастью, из всех людей в мире, кому он мог бы помочь, помог он именно *мне*.

Я кладу камешек обратно в ящик.

– Но как? Как он вам помог?

Я не хочу показаться бесцеремонной, но тот факт, что один из папиных камней лежит в шкатулке Мэделин, меня внезапно очень сильно расстраивает. В прошлом году, когда мы с ним поехали покупать еду бездомным, разговор как-то вышел на его забавные камешки, и я спросила, почему он выбрал именно цифру шесть, а не какую-то другую.

Знаете, что он мне ответил? *На самом деле, Элис, их было когда-то семь, но, кажется, один я где-то потерял.*

Потерял! Вот что он сказал! Однако же вот он, камешек, прямо тут, на подушечке, в шкатулочке, в квартире этой «мисс Совершенство»! Я стараюсь сохранять спокойствие, хотя внутри у меня все кипит от осознания того, что папа мне соврал, – и всем нам, как сказала мама.

– Так что, он вам действительно так уж сильно помог? – не отстаю я. – И почему, черт возьми, он отдал этот камешек вам?

Глядя на меня спокойно и уверенно, Мэделин делает еще один большой глоток чая из своей чашки. И говорит:

– Ну, все это сложно. И было так давно... Давай ограничимся тем, что твой папа помог мне в очень трудный момент.

Нет уж, *давайте не будем этим ограничиваться.*

Я так больше не могу. Знаю, вчера я все отрицала. Я не хотела верить в то, что мама и все остальные говорили про папу. Я так хотела, чтобы все они ошибались, но за то короткое время, что я провела с Мэделин, стало очевидно, что тут речь идет не просто о папином юношеском увлечении. Он очень о ней заботился, в этом я была уверена. Доказательство лежит в маленьком деревянном ящике. На мгновение утратив самообладание, я выкрикиваю:

– Трудным моментом вы называете девять месяцев от зачатия до родов?

Вот черт! Я что, правда только что все это сказала? Папа, наверное, в гробу сейчас перевернулся.

Мэделин, кажется, едва не поперхнулась чаем, но быстро взяла себя в руки. Она закидывает ногу на ногу и смотрит прямо на меня, но на самом деле, если так можно сказать, на меня даже не глядя. Я могу только догадываться, что она думает, но прежде чем успевает сказать хоть слово, раздается звонок в дверь.

– Спасли ситуацию, – бормочет Мэделин, подходя к трубке домофона возле входной двери. На маленьком экране видны несколько человек, стоящих перед входом в здание, но лица их с такого расстояния я различить не могу.

– Поднимайтесь сюда, – говорит Мэделин и нажимает кнопку на трубке. – Квартира семь, восьмой этаж.

– Я пойду, наверное, – вздыхаю я. – Не надо было мне приходить.

– Нет. Хорошо, что ты пришла. Я хотела с тобой познакомиться с момента твоего рождения, – отвечает она.

Я хочу спросить: «Почему?», но почему-то говорю:

– Нет, правда, я лучше пойду.

– Сначала позволь мне познакомить тебя с моими гостями, – жестом останавливает меня Мэделин.

Через полминуты раздается стук в дверь. Мэделин лишь слегка приоткрывает ее, и поэтому я не могу различить людей в коридоре. Мэделин говорит им что-то тихим голосом. Затем дверь распахивается, и в квартиру бодрым шагом входят пять человек, в представлении не нуждающихся: мама, Тай, бабушка и дедушка Стин, а позади них тренер Роулинз.

А вот теперь у меня, кажется, неприятности...

Шелли Бойс Рамирес

28 октября

Моему мужу делали операцию – удаляли опухоль мозга. Я сидела в холле и ждала, и тут вдруг ниоткуда появились Хэлли и Нэйтан с моим любимым десертом – лимонным батончиком. Но, что гораздо более ценно, они остались со мной до конца операции. Чтобы я знала: кому-то не все равно.

Глава 36

Хэлли

Боже мой, какая она красивая. Неудивительно, что Нэйтан о ней ничего не рассказывал.

Я едва успеваю представиться этой миссис Цукерман, как Рэнди сзади бормочет:

– Плохая мысль. Не надо было мне приходиться.

Он уставился на эту женщину, словно только что привидение увидел.

– Я тоже рада тебя видеть, Рэнди, – тихо отвечает она.

Хотя Рэнди явно чувствует себя не в своей тарелке, должна признаться, я рада, что он рядом во время моей первой – и, надеюсь, последней – встречи лицом к лицу с той, которую любил мой покойный муж. Чем нас больше, тем лучше. Я быстро пожимаю ей руку и представляю Тая.

И перехожу к более важным вещам.

– Элис Лэйн Стин! О чем ты думала?!

Я прохожу мимо Мэделин в гостиную. Элис пулей вскакивает со стула, на котором сидела, и запинаясь восклицает:

– Мама? Как ты меня нашла?

Меньше чем за пару секунд я оказываюсь достаточно близко, чтобы посмотреть ей прямо в глаза.

– Я не дура, Эл. Я прочитала твой блог и сопоставила факты.

– С каких это пор тебя интересует мой блог? – поражается Элис.

– Я твоя мать, Элис, я всегда его читала. Как только увидела вчерашнюю запись, позвонила миссис Цукерман и предупредила ее. Она пришла домой на обед и ждала тебя, пока мы ехали.

Элис посмотрела на Мэделин как на предательницу и снова обернулась ко мне:

– Так у тебя был ее номер телефона?

– Я вспомнила, что видела ее рабочий номер в одном из писем.

Повернувшись, я нарочно одариваю Мэделин недобрым взглядом. Она тут же опускает голову.

– Еще раз спрашиваю, Элис: *о чем ты только думала?* Ты хотя бы представляешь, скольких людей ты поставила на уши своей выходкой? Уже всю школу обыскали, и сообщили в полицию, и мы все места себе не находим с самого утра! – громко возмущаюсь я.

– Знаю, я поступила безответственно, – мнется Элис.

– Безответственно? То есть после всей нервотрепки прошлой недели из всех возможных мест ты оказалась именно здесь? У нее? Неслыханно, Эл. Просто неслыханно.

Тай реагирует куда менее эмоционально, чем я:

– Мама, мы все знаем, зачем она сюда пришла. Но может быть, стоит обсудить это дома.

– Согласна, – говорит Колин. – Это личное дело семьи Стин. Мы должны обсудить все в семейном кругу.

– Она когда-то тоже принадлежала к семейству Стин, – сквозь зубы напоминает Рэнди.

Кажется, этот его комментарий задел Мэделин. Или ей стало неловко. Тим видит, как меняется выражение ее лица, проходит дальше в комнату и останавливается прямо перед ней:

– Привет, Мэдди. Мне очень жаль, что все так случилось.

– Вам жаль *ее*? – взрываюсь я, не в силах сдержаться. – Да она же много лет тайно общалась с моим мужем... Не путайте роли, Тим!

– Это Нэйтан скрывал от тебя, что общается с Мэделин, Хэлли, – спокойным голосом отвечает Тим. – Мэделин же просто переписывалась с бывшим мужем.

Он снова смотрит на Мэделин и разводит руки, чтобы ее обнять. Она улыбается, принимая его объятия.

– Как дела? – спрашивает Тим.

– Я скучаю по нему, Тим, – отвечает она, борясь с подступившими слезами. – Не могу поверить, что его больше нет.

– А я не могу поверить, что мы все еще здесь. Дети, мы уходим, – с плохо скрываемой злобой говорю я.

Но тут Мэделин, справившись с собой, отпускает Тима и встает передо мной прежде, чем я успеваю уйти. Она тихо говорит:

– Хэлли, я надеялась уговорить вас задержаться. Совсем ненадолго. Думаю, нам есть что обсудить.

– Что, обменяться сплетнями о Нэйтане? Нет уж, спасибо.

– Нет. Я просто чувствую: есть кое-что, что я должна вам рассказать.

– По-моему, вы уже сделали достаточно.

Мэделин, кажется, не замечает моего тона. Она делает еще один шаг в мою сторону, как будто сокращение физического расстояния может помочь преодолеть эмоциональную пропасть между нами.

– Очень жаль, что наша первая встреча получилась вот такой. Когда мы с вами говорили по телефону, я очень нервничала. Я всегда хотела

познакомиться с вами и вашей семьей, но не думала, что это произойдет при таких обстоятельствах.

Она замолкает, глядя сначала на Рэнди, потом на Элис.

– Когда вы позвонили, я сразу поняла, что с момента смерти Нэйтана вы *что-то* обо мне узнали, но не знала точно что. А потом, как раз перед вашим приходом, Элис все мне сказала.

Она еще раз обводит взглядом всех присутствующих в комнате и снова останавливается на мне.

– Полагаю, вы знаете о моей дочери.

– Да, – говорю я коротко. – Знаю.

– Но если это все, что вам известно о нас с Нэйтаном и о тех временах, когда мы были молодыми, то мне определенно нужно рассказать еще кое-что. Элис задала мне правильные вопросы. Она хотела узнать о том хорошем поступке, который Нэйтан совершил для меня, и особенно о том, как он спас мою жизнь. Без него я, наверное, даже до окончания школы не дожила бы.

Рэнди все еще стоит в дверях.

– Уж точно не с ребенком на руках, – усмехается он себе под нос.

От этой фразы Мэделин передергивает.

– Слушайте, – говорю я ей прямо. – Меня не волнуют ваши отношения с Нэйтаном в выпускном классе. Что меня действительно волнует, так это то, что ваша с ним любовь каким-то образом восстановилась и ваши отношения все это время держались от меня в тайне. И мне очень и очень больно, что Нэйтан не удосужился упомянуть о вашем браке. По-моему, об этом ему стоило рассказать мне. Что бы вы там ни натворили, будучи детьми, меня не касается, но вот то, что он молчал об этом в течение всей нашей совместной жизни, касается непосредственно меня, и я с радостью убила бы его за это еще раз.

– Понимаю. И все же если вы дадите мне шанс объяснить, то поймете, что все было несколько иначе. Нэйтан был героем. Он несколько раз спасал мне жизнь, хотя об этом не знал никто, кроме меня.

Услышав это, Колин подошла к дивану.

– Может быть, стоит ее выслушать? – предлагает она.

– Я за, – щебечет Элис.

Мой визит к Мэделин должен был быть совсем коротким: пришла, схватила Элис и убежала. И я все еще хотела так и сделать, но сейчас мое мнение не имеет решающего значения.

– Тай, – обращаюсь я к сыну. – Что ты думаешь?

Он пожимает плечами.

– Не знаю, может, бабушка и права. Думаю, мы ничего не потеряем, если выслушаем Мэделин.

Я оборачиваюсь к двери.

– А вы, Тим?

– Я хотел бы остаться. Но я знаю, как трудно это должно быть для тебя, так что делай, как считаешь нужным, – отвечает тот.

Рэнди по-прежнему смотрит на Мэделин.

– Я уже один раз участвовал в подобной драме, – говорит он мрачно. – Но если вы все хотите остаться, я посижу и сделаю вид, что все нормально.

Я неохотно поворачиваюсь снова к Мэделин.

– Не такого я ожидала поворота событий, но если у вас есть что сказать, мы слушаем.

Судя по виду Мэделин, мои слова подействовали на нее успокаивающе.

– Превосходно. Тогда присаживайтесь. Я принесу чаю, – говорит она и скрывается в кухне. Пока она занята чаем, я звоню в школу и сообщаю, что Элис в целости и сохранности, отныне и навеки под домашним арестом. Когда пять минут спустя возвращается Мэделин, все уже расселись в гостиной. В руках у хозяйки большой серебряный поднос, на котором высится большой керамический чайник, целый сервиз чашек и несколько упаковок зеленого и травяного чая.

– Угощайтесь, – предлагает она, опуская поднос на середину кофейного столика.

– Мэделин, – начинает Колин тихим голосом, – а фотографий у тебя не осталось?

Мэделин смотрит на нее с сомнением, а затем, пока каждый выбирает себе сорт чая, подходит к книжной полке и снимает с нее два больших фотоальбома.

– Держите, – говорит она, протягивая один Тиму, а второй Колин, после чего элегантно опускается в свободное кресло рядом с Элис. – Насколько я помню, мы послали вам только одно фото. Фото Зоуи сразу после рождения.

Лицо Колин озаряется светом, губы начинают дрожать. В глазах ее проступают слезы. Она быстро достает из сумочки кошелек. А из кошелька – небольшую фотографию. На ней Мэделин, намного моложе, на больничной койке, с младенцем на руках, а рядом сияющий радостью Нэйтан.

– Я хранила ее все эти годы, – говорит Колин срывающимся от волнения голосом. – И все время на нее смотрела. И всегда спрашивала

себя, что стало с нашей маленькой внучкой.

Реакция моей свекрови застает меня врасплох, но много о чем говорит. Из-за потрясения от того, что Нэйтан все это от меня скрывал, мне и в голову не приходило – до этой минуты, – что все это время Тим и Колин, возможно, скучали по своей внучке. Очень может быть. Но я так была увлечена смакованием своего горя, что даже не подумала, как им, должно быть, больно годами жить с этой раной на сердце, с которой я еще и недели не прожила. Во мне боль вызвала гнев, а в них – печаль.

Элис зловеще хмурится, разглядев на фото своего отца. Она тотчас же встает с кресла и заглядывает Тиму через плечо, наблюдая, как он перелистывает страницы.

– Она красивая, – говорит Тим.

– И похожа на твою маму, – добавляет Колин.

В глазах Мэделин – тоска по ушедшим временам.

– Спасибо, – отвечает она им и поворачивается ко мне: – Хэлли, в этой шкатулке на столе – в ящичке – кое-что, что мне бы хотелось, чтобы вы увидели.

Я беру со стола шкатулку и открываю ящик. Внутри такой же красный камешек, как те шесть, что Нэйтан всегда таскал с собой.

– Где вы это взяли? – спрашиваю я. – О них никто не знает, кроме нас с детьми.

– И меня, – добавляет Мэделин.

– Что это? – спрашивает Тим.

Мэделин и я одновременно смотрим на него, а затем снова друг на друга.

– Можно я расскажу? – спрашивает она.

Я передаю камешек Тиму.

– Не думаю, что сейчас Нэйтан бы возражал.

Тим берет камешек и внимательно его изучает.

– Камень?

– Это не просто камень, – говорит Мэделин, – а один из камешков Нэйтана. Он называл их «камни помощи». Их у него было семь.

– Остальные шесть у меня, – поясняет Элис. Она достает камешки из кармана и показывает их Колин и Тиму.

– О, вот теперь я их узнала, – оживляется Колин. – Это же те самые камешки, которые он нашел на пляже? Он еще говорил про какой-то эксперимент.

– Ты про те камешки, которые он положил в карман и надеялся, что они сами друг о друга отшлифуются? – припоминает Тим. – Я ведь

предупредил его: чтобы так их отшлифовать, не хватит и целой жизни: сила трения недостаточная. Но Нэйтан во что бы то ни стало решил доказать, что я ошибаюсь.

– Нэйтан был забавный, – вздыхает Мэделин, и Тим с Колин озадаченно на нее смотрят.

Тим по-прежнему вертит в руке камешек.

– Я знаю, что он носил их долгое время, – говорит он. – В конце концов я перестал интересоваться итогами эксперимента. Не знаю, когда он сдался.

Повисает долгая пауза, и все смотрят друг на друга. Неловкое молчание нарушаю я:

– А он не сдался... Камни оставались с ним до самой смерти.

Тим и Колин, кажется, оба растерялись.

– Почему? – спрашивает Колин.

– Потому что, – отвечает Мэделин мягко, – суть эксперимента была не в шлифовке камней. А в шлифовке человеческих качеств.

Кристи Лав Баркер

28 октября

Знаю, я уже писала сюда пару дней назад, но я продолжаю читать истории всех тех, кого тронула доброта Нэйтана, и очень хочется рассказать еще об одном его поступке... Печально, но я сейчас как раз развожусь, и развод проходит не слишком гладко. Несколько недель назад выдался особенно трудный день. Так вот, с утра один мой друг привез мое любимое домашнее печенье. Потом кто-то еще привез целый мешок свежих овощей и зелени. И наконец поздно вечером приехали Нэйтан и его жена Хэлли. Они привезли потрясающий букет цветов, в котором была одна из самых трогательных записок, что я когда-либо читала. Удивительно, как много людей проявили тогда заботу обо мне! Нэйтан и Хэлли – прекрасные люди, но кроме них есть еще очень много настолько же отзывчивых и добрых. Так что, хотя Нэйтана больше нет, я знаю: любовь и забота останутся навсегда. Я, например, надеюсь следовать их примеру и совершать столько хороших поступков, сколько смогу.

Глава 37

Мэделин

Я знаю: то, что я только что сказала, – правда, но никогда раньше я не говорила об этом такими словами. *Шлифовка человеческих качеств...* Взгляд Хэлли подсказывает мне, что я права.

Изумление на лицах Тима и Колин не исчезает. Что думает Рэнди, я не могу понять – его лицо не выражает эмоций. К тому же я боюсь смотреть на него – чтобы не увидеть в его глазах неприязнь.

– Не понимаю... – признается Тим. – Зачем же ему нужны были камни?..

– Он, как и вы, их любил, и ему, конечно же, было интересно посмотреть, сколько месяцев, лет или десятилетий потребуется, чтобы отшлифовать их подобным образом. Но в данном случае камешки ему нужны были просто для счета! Эдакие импровизированные счеты.

– А что он считал? – недоумевает Колин.

Я смотрю на Хэлли. Та отвечает:

– Хорошие поступки.

Я киваю:

– Да. Камешки были нужны ему для подтверждения, что в день он совершил по крайней мере семь хороших поступков по отношению к людям.

– Верно, – включается Тай, – папа каждое утро проверял камешки в левом кармане брюк. Совершая добрый поступок, даже если он был совсем пустяковым, папа брал один камешек и перекладывал в правый карман. Если правый карман заполнялся, камни перекладывались снова в левый. И в конце дня перед ним был такой вот отчет...

– А что толкнуло его на эту затею с камнями? – задумчиво спросил Тим. – Это как-то связано с моими занятиями в воскресной школе, когда я говорил про шлифовку камней?

– Уверена, и это сыграло роль, – говорю я. – Но началось все из-за... в общем, из-за меня.

– А мне, – запальчиво говорит Хэлли, – Нэйтан объяснил, что просто устал видеть, как в его школе издеваются над одноклассниками, и потому...

– Это правда, – поспешила я подтвердить. – Но тем человеком, которому, как он считал – во всяком случае, первое время, – больше всего нужна была помощь, стала я.

– Над вами что, издевались? – взволнованно спрашивает Элис. Я киваю, но не успеваю перевести дух, как Рэнди быстро выпрямляется в кресле:

– Так это из-за этого, что ли, он вдруг стал так близко с тобой общаться?

Я киваю, на мгновение встречаясь взглядом с двухметровым красавцем Рэнди. Забавно – прошло столько лет, но, хотя он совершенно лысый, он по-прежнему заводит меня. Приходится побыстрее отвернуться, чтобы Рэнди не успел ухватить мои мысли.

– Он прочел стихотворение, которое я написала, – продолжаю я громко. – И которое хотела сохранить в тайне. Там говорилось обо всех моих проблемах. Думаю, он чувствовал себя немного виноватым за то, как себя до этого вел со мной, и, пытаясь загладить вину, решил сделать так, чтобы в школе ко мне начали относиться нормально. Пару недель Нэйтан был ко мне невероятно добр. Но в конце концов он понял, что есть и другие, кому приходится нелегко. Испугавшись, что без ежедневного напоминания он про них забудет и они будут чувствовать себя такими же одинокими и ничтожными, какой тогда была я, он и положил в карман эти камешки... для напоминания...

Я делаю паузу. Все слушали меня со вниманием.

– Кто-нибудь из вас в детстве клал под подушку молитвенный камешек, чтобы не забыть перед сном помолиться? Принцип тот же. Камешки напоминали Нэйтану, что иногда люди нуждаются в помощи, и он был полон решимости помочь им, совершив очередной хороший поступок.

– Гром меня разрази! – восклицает Тим. – Мой сын нашел, возможно, лучшее на свете применение обычной гальке, а я узнаю об этом последним...

– Он приберег это нам напоследок... – вздыхает Колин.

Хэлли сидит совсем тихо в кресле напротив журнального столика. Выражение ее лица мне понять трудно.

– Что скажете, Хэлли? – осторожно спрашиваю я. – Вы ведь о чем-то задумались?

– Все о том же. Вы еще и пяти минут не проговорили, а я уже понимаю, что узнаю новое о тех вещах, которые считала абсолютно ясными. Нэйтан рассказывал мне о своих «камнях помощи» еще тогда, когда мы встречались, но никогда не упоминал, что они как-то связаны со стихотворением или судьбой какой-то девочки. Получается, некоторых вещей о нем я совершенно не знаю.

Элис нетерпеливо подгоняет меня:

– Давайте вернемся к издевательствам. Другие школьники над вами издевались, потому что вы были в тысячу раз их умнее?

– Элис, – одергивает ее Хэлли.

– Что? – удивляется девочка. – Мне просто интересно.

– То, как надо мной издевались в школе, напрямую связано с тем, что я собираюсь рассказать. Вот почему я заговорила о камнях. Видите ли, Нэйтан так отчаянно старался защитить меня от издевательства, потому что думал, что мое стихотворение было только о них. И только намного позже я рассказала, что писала его с мыслью скорее о том, что происходило у меня дома, чем о школе.

Как я и думала, последнее предложение всех взбудораживает. Особенно Рэнди, Тима и Колин, которые, видимо, думали, что знают о моем детстве все.

– Что ты сказала? – привстает Рэнди.

Я пытаюсь ему улыбнуться, но не могу. Не в момент, когда собираюсь пролить луч света на непроглядную тьму своего прошлого...

– Я сказала...

Должен быть более простой способ перейти к этой теме. Я поворачиваюсь к Тиму и Колин:

– Помните, какие у Гранта были проблемы, когда мы с Нэйтаном поженились? И почему мы забрали Элизу?

Оба кивают.

– Алкоголь, – говорит Тим.

– И, насколько я помню, наркотики, – добавляет Колин.

– Мистер Мак Фэдден был алкоголиком? – удивляется Рэнди, и в его голосе я слышу сомнение и, возможно, даже брезгливость.

– Он хорошо это скрывал. И пил не все время. Обычно только по выходным. Он начал пить после убийства мамы, и с годами болезнь прогрессировала.

– Вашу маму убили? – Это Тай.

– Да, – отвечаю я. – Так что я знаю, как тебе и Элис трудно сейчас. Потерять кого-то из родных – это ужасно. Так вот, когда маму убили, у меня остались только сестра и отчим, Грант. В целом он был хорошим человеком и большую часть времени прекрасным отцом. Но когда напивался, ну... он давал волю рукам. Когда твой отец читал мое стихотворение и дошел до слова «избили», он подумал, что я имела в виду школьников. Но те могли ударить меня только словами. – Мне приходится опустить голову. И я продолжаю: – Грант же пускал в ход кулаки.

– Грант? – с ужасом выдыхает Тим. – В самом деле? О, Мэдди. Почему

ты не рассказала мне ничего?

– Или мне? – встревает Рэнди.

– Я мог бы помочь, – добавляет Тим.

– Я была ребенком, – отвечаю я им. – И боялась, что они заберут нас с сестрой в детский дом. После того как я лишилась матери, лишиться сестры и даже Гранта, как бы странно это ни звучало, казалось мне худшим из зол. Конечно, каждый раз, когда он разбивал мне губу или ставил синяк под глазом, ему было жутко неудобно передо мной, и он клялся и божился, что этого не повторится, а я заставляла себя поверить ему... Так и жили.

– Это неслыханно! – вскрикивает Колин. – Просто невероятно.

Кто бы спорил. И это при том, что вы еще даже половины не знаете. Поверьте мне, есть кое-что и похуже.

На лице Хэлли отражается беспокойство.

– Мэделин, – говорит она, – вы сказали, что постараетесь показать ваши взаимоотношения с Нэйтаном в новом свете, чтобы мы лучше поняли, как он вас «спас» в юности. Это вот так? То есть от побоев?

В памяти всплывают слова, которые я сказала Нэйтану, – в ответ на его, что я должна сохранить наш секрет:

Если ты так хочешь, то я никогда никому не скажу. Никто никогда не узнает, Нэйтан. Если ты так хочешь, это будет мое для тебя доброе дело.

Я смотрю на лица этих людей, которые о нем так заботились. Хотел бы он, чтобы они знали?

Слово нужно держать.

Я дважды киваю.

– В ночь выпускного мой отчим напился. Когда Нэйтан провожал меня домой, Грант вышел на крыльцо – он нас ждал. Таким пьяным я его еще не видела. Он ударил меня, на глазах Нэйтана. И тот дал ему пару хороших затрещин, втолкнул в дом и захлопнул дверь. Я до смерти перепугалась, и Нэйтан посадил меня обратно в лимузин и сказал, что не отпустит домой, пока Грант не завалится спать.

Рэнди встает. Его лицо сначала становится бледно-розовым, потом красным, а потом и вовсе пунцовым.

– То есть вместо того, чтобы пойти в полицию или ко мне, или рассказать Стинам, или хоть что-то сделать, вы, гении, решили переждать в лимузине?

Мне не хватает смелости подчеркнуть, что что-то мы уже сделали, если исходить из моей нафантазированной истории с прятками в лимузине. По крайней мере в этой версии.

– Я испугалась, – отвечаю я Рэнди. – Ты понятия не имеешь, как мне в тот момент было страшно. Я не хотела, чтобы кто-то узнал, что я была для Гранта боксерской грушей. Особенно ты... Я боялась, что, если ты узнаешь, ты его и правда побьешь.

– Конечно, побил бы! Тот, кто бьет детей, – особенно если речь идет о здоровом мужике, избивающем собственную дочь, – должен отвечать за свои поступки! – бесновался Рэнди.

– Но я была не готова к тому, что он будет вот так «отвечать». Других родных, кроме Гранта, у меня не было. У меня остался только он.

– То есть Нэйтан согласился молчать, что Грант тебя бьет? – спрашивает Тим. – Я думал, у него хватило бы мозгов придумать что-то получше.

Все идет наперекосяк. У Нэйтана врать получалось лучше, чем у меня... Я хочу, чтобы он был здесь и сказал мне, что надо говорить. Как бы я хотела просто рассказать им всю правду...

Но слово надо держать...

– Он не мог, – нетвердо говорю я. И слышу панику в собственном голосе.

– Почему, черт возьми? – рявкает Рэнди.

А действительно – почему? Куда мое вранье заведет меня дальше?

– Потому что... Я...

Думай, Мэделин! И думай хорошенько.

– Потому что я его соблазнила!

О нет... Неужели я это только что сказала?

В комнате наступает мертвая тишина. Никто не дышит, лица у всех остановившиеся. Тай и Элис, кажется, особенно впечатлены. И о чем я только думала, когда ляпнула такое в присутствии детей Нэйтана?

Слово – не воробей.

– Знаю, я поступила непорядочно. Но я была не в себе от страха. Поверьте. И сделала это не думая, как-то само вышло... Я соблазнила Нэйтана, в лимузине. А потом пригрозила ему, что, если он попытается кому-нибудь рассказать про пьянки и рукоприкладство Гранта, я пойду прямо к пастору Стину и все расскажу.

– Это неправда, – возражает Элис. Чем ставит меня в тупик.

– К сожалению, это правда, – отвечаю я. – К моему вечному стыду.

Снова тишина. И пустые взгляды. О, как же я ненавижу врать. С тех пор как я узнала, что беременна, одна ложь громоздится на другую. Сначала пришлось врать, чтобы скрыть, что я жертва. Потом лгать, чтобы скрыть первую ложь. А теперь я прямо-таки перешла на новый уровень –

из жертвы превратилась в хищницу, которая нагло воспользовалась Нэйтаном, чтобы потом им манипулировать.

– Ну что ж, тогда, безусловно, ситуация предстает в другом свете, – говорит Хэлли тихим голосом.

– Причем в аварийном, – бормочет Рэнди.

– Но это не отменяет факта, что Нэйтан лгал мне, – продолжает Хэлли. – И в течение всего нашего брака скрывал все от меня. К тому же это свидетельствует еще и о том, что друзей он выбирать не умел совершенно.

Не могу с этим не согласиться.

Хэлли встает.

– Дети, нам пора. Я и так услышала больше, чем хотела. Мэделин, спасибо, что согласились сегодня уйти с работы и присмотрели за Элис до нашего прихода. Мы уходим.

Я оглядываю всех в комнате. Рэнди выглядит так, словно его вот-вот стошнит. Он встает и, крутя головой, идет к двери. А Тим и Колин словно пытаются втиснуть в головоломку, которую уже давно считали решенной, эти недостающие кусочки. Они выглядят так, словно их предали. Да, они всегда заботились обо мне как о невестке, которой я когда-то для них была; но теперь, я уверена, их отношение ко мне резко изменилось. Зато на лице Тая какое-то странное облегчение. А Элис? Она единственная, кто все еще смотрит на меня, и в ее огромных глазах я вижу горькое разочарование.

Наши взгляды встречаются, и она начинает плакать.

– Почему? – всхлипывает Элис. – Что вы скрываете?

Ее вопрос застает меня врасплох. Как она догадалась, что я что-то скрываю?

– Прекрати, Эл, – призывает Хэлли. – Пойдем.

Но Элис буравит меня взглядом. Не сдвинувшись с места, она еще громче спрашивает:

– Почему вы врете?

– Элис, – повторяет Хэлли.

– Она врет, мама, – отмахивается Элис.

– Элис! Прекрати немедленно этот цирк! – кричит Хэлли, подходит к дочери, хватая ее за руку и тащит к двери.

Мое сердце ноет.

– Скажите ей! – рыдает Элис, пока мать волочет ее через гостиную. – Скажите ей правду, миссис Цукерман! Пожалуйста.

Я не знаю, как эта семиклашка смогла учуять, что я вру, но я вижу ее лицо, и ее голос разрывает мне душу. Неужели Нэйтан хотел бы такого

исхода? Чтобы из-за нашего вранья развалилась его семья? Если он знал, что они живут с его ложью, неужели он не хотел бы, чтобы они знали правду, а? Настоящую правду.

Элис изворачивается, вытаскивает из кармана красные камешки и протягивает их мне.

– Вот! Ну сделайте же одно доброе дело для всех нас, расскажите моей семье правду!

Хэлли вне себя.

– Тебе мало того, что ты прогуляла школу? – шипит она. – Ну погодите, юная леди. Своим поведением тут вы только что удвоили себе штрафные баллы.

Нет, не этого бы хотел Нэйтан. Не этого. Или с ложью будет покончено сейчас, или никогда. Но гордость или стыд надо мной уже не властны – тех, кому правда может повредить, уже нет.

Нет больше Гранта.

Нет больше Нэйтана.

В моей голове пролетает миллион мыслей, но только одна, обретая форму, еле слышным шепотом срывается с моих уст:

– *Как ты узнала?*

Но дверь захлопывается раньше, чем они успевают услышать мои слова. Семья Стин удалась, момент упущен, и правда остается похороненной в моей душе. Правда, похороненная заживо.

Сью Кокран

28 октября

Мы работали вместе с Нэйтаном, и в обеденный перерыв он часто за нас платил прежде, чем мы с девочками успевали заметить. Он никогда не делал этого ради благодарности, просто хотел, чтобы нам было приятно.

Сью Кокран

28 октября

Кстати, разве не приятно, когда ты стоишь в очереди в супермаркете и у тебя всего 5 вещей, а человек впереди тебя, у которого полная тележка, тебя пропускает? Нэйтан был именно из таких людей – всегда всех пропускал и никогда не жаловался.

Сью Кокран

28 октября

Ой, Хэлли, еще кое-что, только для вас: если вы читаете эти сообщения, пожалуйста, знайте, что мы все очень соболезнуем вам и

вашим детям. Я слышала, кто-то сказал недавно, что Бог посылает всем нам такие испытания, пройдя через которые мы становимся лучше. Я всем сердцем в это верю. Бог любит вас и послал вам это испытание, чтобы вы стали лучше. Я знаю, вам тяжело, но все мы с вами.

Глава 38

Хэлли

Сейчас утро, вторник. Я в своем цветочном салоне «Бархатные лепестки», и все валится из рук. Мало того, что во все стороны сыплются увядшие лепестки, а я не успеваю справиться с потоком заказов, автоответчик к тому же переполнен недовольными сообщениями от клиентов, которым я должна была доставить заказы еще вчера. На витрине завяли все цветы, и в довершение ко всему из-за вчерашней «прогулки» Элис я не закупила свежий товар, поэтому учет с переучетом временно откладываются.

Впрочем, с какой-то точки зрения я даже рада, что на работе такой бедлам, ибо так я могу хоть чуть-чуть абстрагироваться от недавних событий. Теперь, когда я осведомлена, как Мэделин использовала моего мужа, я знаю: нужно быть к нему чуть снисходительнее, но какая-нибудь мелочь то и дело напоминает мне, что в глубине души я его все еще не простила.

Так, в двенадцатом часу позвонил мужчина и заказал букет красных роз для жены в честь годовщины свадьбы. Повод вполне безобидный, но я почему-то сразу вспомнила про Нэйтана.

– Это ваш первый брак? – спрашиваю.

– Конечно.

– В самом деле? Или это вы только так говорите?

– Прошу прощения? – не понимает мужчина.

– Ох... Не обращайтесь внимания, – спохватываюсь я.

Через некоторое время позвонила женщина – ее дочь только что родила ребенка, и она хотела заказать букет цветов с доставкой.

– Это ее первый ребенок? – интересуюсь я.

– Именно! – отвечает женщина. Волнение в ее голосе заставляет меня думать, что бабушкой она тоже стала впервые. – Они с мужем меньше года в браке, но ждать не хотели.

– Это прекрасно. А у ее мужа до этого не было детей?

– Что? – изумляется женщина.

– Ой, простите. Просто... вдруг ваш зять был женат или у него были дети, а ваша дочь не в курсе?

В ответ – короткие гудки. Кладя трубку, я уговариваю себя посмеяться над той глупостью, которую только что сморозила, но вместо этого злюсь.

– Я не могу так больше! – кричу я во всю силу голоса, не заметив, как в магазин вошла клиентка.

– Не можете что, дорогая?

От неожиданности я прикусываю язык. Но это старушка Мэри Лу, одна из моих постоянных клиенток, пришла за своей еженедельной гвоздикой.

Не думаю, что она знает о смерти моего мужа. Даже не уверена, что она вообще знает, кто такой Нэйтан. Судя по ее улыбке, смысла рассказывать ей о моей трагедии нет.

– Простите, Мэри Лу, – извиняюсь, – я просто ною.

Мэри Лу смешно морщит и без того покрытый морщинами нос.

– Не ври. Я слышала, как ты говорила по телефону. По-моему, у тебя неприятности с мужчиной.

– Угадали.

– О, со всеми бывает, милая. Правда, с некоторыми чаще. Прости за любопытство: речь о твоём муже?

– Да.

– И что он натворил? – интересуется Мэри Лу.

– *Погиб*, – отвечаю я про себя. – Соврал мне, – говорю вслух.

– Серьезно? Или по какому-нибудь пустяку?

– Достаточно серьезно.

Она пожимает хрупкими плечиками:

– Все мы ошибаемся – твой муж не первый и далеко не последний. Понимаешь, дорогая, мужчины – всего лишь люди. Мне говорили, женщины тоже.

Боюсь, я хотела бы услышать совсем не это.

Мэри Лу подходит к ведру с гвоздиками и достает одну длинную розовую гвоздичку. И продолжает:

– Когда мы с Джорджем только-только поженились, он сделал кое-что, что меня очень сильно расстроило.

Она делает паузу, словно вспоминая о прошлом.

– Ох. Это было так давно – даже не могу вспомнить, в чем было дело. Джордж даже несколько ночей спал на диване. А потом отправился в цветочный магазин и купил мне гвоздику, чтобы задобрить. С тех пор он повторял это каждую неделю. Говорил, что когда-нибудь точно ошибется снова, и хочет, чтобы наготове была свежая гвоздика.

Мэри Лу счастливо улыбается, возвращаясь к прилавку.

– Ох уж этот Джордж... Никогда не забывал купить гвоздику.

Мне очень неловко спрашивать, но удержаться не могу:

– А что, Джордж... умер?

Улыбка Мэри Лу становится немного грустной.

– Пока нет, хотя не думаю, что он долго протянет. Пять лет назад с ним случился инсульт, и с тех пор только хуже. Он не может ходить. У него проблемы с речью. Почти не встает с постели. Но по-прежнему хочет, чтобы каждую неделю в доме была свежая гвоздика, даже если покупать ее приходится мне. Джордж считает это напоминанием, что мы любим друг друга такими как есть, без прикрас.

Она протягивает мне цветок и достает кошелек.

– Вот о чем тебе нужно спросить у самой себя. *Он тебя любит?* И если да, тогда достаточно ли этого, чтобы простить его и снова полюбить?

Старушка стоит у прилавка напротив меня, ожидая, что я возьму деньги.

– Эта гвоздика за мой счет, – говорю я.

Мэри Лу улыбается:

– Спасибо, милая. Увидимся на следующей неделе.

Она идет к выходу, но оборачивается и указывает на ведро с гвоздиками возле двери.

– Если твой муж любит цветы, здесь еще куча гвоздик – для перемирия.

И Мэри Лу скрывается за дверью в лучах полуденного солнца.

День проходит неторопливо, а наш с ней разговор не идет у меня из головы. К тому времени, как я закрываю магазин и приступаю к доставке, чувствую, что вконец запуталась. Думая о Мэри Лу и ее муже Джордже, я размышляю, что было бы дальше со мной и Нэйтаном, если бы он не погиб. Остались бы мы вместе, как они? А если бы он со временем решил рассказать мне о своем первом браке и дочери, Зоуи? Я бы простила его? Смогли бы мы с этим справиться? Или эта его ложь перечеркнула бы все, что нас связывало?

Доставив заказы, я даю себе еще полчаса поколесить по городу, чтобы побыть в одиночестве и как следует обо всем подумать. Не случайно в конце концов я оказываюсь на кладбище, где похоронен Нэйтан. Темно, а фонарика у меня с собой нет, но на небе полная луна, и путь к его могиле виден хорошо.

Когда я подхожу к надгробию, лунный свет выхватывает из тьмы надпись, выгравированную на нем. Я уже знаю, что там написано, но в любом случае еле слышно произношу эти слова, прикидывая, верно ли все это после того, что узнала о муже за прошедшую неделю.

Нэйтан Стин. Прекрасный муж и любящий отец. Всеобщий друг.

Человек принципа.

У меня в руке букет из розовых и красных гвоздик. На улице непривычно холодно, и когда я начинаю плакать, слезы обжигают мое замерзшее лицо.

– Одна пожилая женщина сказала мне, что тебе, возможно, это понравится.

Смотрю я на могилу, но обращаюсь куда-то во Вселенную, надеясь, что Нэйтан меня слышит. Выжидаю мгновение – может быть, нужно дать моим словам время просочиться сквозь землю.

– Для нее эти гвоздики значили «Я тебя прощаю». Для меня... Думаю, они значат «Прости меня».

Я пытаюсь улыбнуться – знаю, что Нэйтану бы это понравилось. А потом кладу цветы рядом с надгробием.

– Я знаю, о чем ты думаешь. *За что она извиняется?* Ну, для начала за то, что злилась на тебя, когда ты погиб. Я обиделась, потому что подумала, что ты ставишь помощь другим выше собственной семьи. Это глупо, я знаю. И в глубине души уверена, все было совсем не так. Я знаю: если бы ты действительно видел угрозу, то придумал бы что-то другое. А как я могу винить тебя за то, что ты помогал людям? Иного я от тебя и не ожидала. И я делаю все возможное, чтобы поверить в то, что ты сказал мне в свой последний вечер. *Если предначертано умереть молодым, никакой доктор тут не поможет.* Должно быть, просто пришло твое время, – говорю я.

Поднимается ветер, шелестят листья на деревьях вокруг. Мне кажется, это Нэйтан так мне отвечает:

– И ты прости меня. Я тоже скучаю по тебе.

Но если ветер стих, то рыдания душат меня с новой силой. Всхлипывая, я продолжаю:

– А еще прости, что усомнилась в твоей преданности. Пока ты был жив, мне и в голову не приходило ничего подобного, но когда тебя не стало... Все, что я прочитала или услышала... просто не могло не заставить меня сомневаться. Но теперь все позади. В глубине души я твердо знаю, что между тобой и Мэделин ничего не могло быть, пока мы с тобой были женаты. Ничего, кроме переписки, уж точно. Да, мне было нелегко принять то, что ты не был со мной откровенен о своем прошлом, но я верю, что у тебя имелись на то веские причины. И, хоть я все еще не понимаю, почему ты скрывал это от меня, хочу, чтобы ты знал: я решила верить – ты знал, что делал.

Я вытираю лицо рукавом свитера.

– И наконец прости меня за то, как я вела себя перед нашими детьми.

Не нужно было рассказывать им о Мэделин. Прости меня, что подорвала их веру в тебя. Я очень плохо с тобой поступила.

На мгновение вечерний воздух становится недвижим. В этой тишине и темноте я вижу еле заметно освещенные луной строки на надгробном камне – любимая цитата Нэйтана из Библии: «И вот некто, подойдя, сказал Ему: «Учитель благий! Что сделать мне доброго, чтобы наследовать жизнь вечную?»»

– В своей жизни, милый, ты сделал много добрых дел, даже не придавая этому значения. Ты совершал добрые поступки каждый день, каждую неделю, не тяготясь этим, снова и снова, – говорю я.

Снова поднимается ветер и развеивает мои волосы. Я закладываю непослушные локоны за ухо и достаю из сумочки завязанный шнурком мешочек. В нем камешки, которые Нэйтан так долго носил в карманах. Я высыпаю их себе на ладонь, а затем, на одинаковом расстоянии друг от друга, кладу на надгробие.

– Думаю, будет справедливо, если они по-прежнему будут с тобой...

И жду, пока ветер стихнет, опасаясь, как бы он не унес мои прощальные слова, прежде чем мой муж их услышит. Борюсь с последними слезами, я шепчу:

– Ты всегда был для меня опорой, Нэйтан... и всегда будешь.

– Что-то ты сегодня поздно, – говорит Тай, услышав, как я вошла. – Были трудности с доставкой?

Да уж, труднее мне еще не было.

– Пожалуй, – отвечаю я и кладу сумку на край стола рядом с Таем. Он смотрит очередную серию «Американской семейки»^[8], записанную на видео, но ставит на паузу, когда я спрашиваю, где Элис.

– Кто ж ее знает? Наверное, пишет очередной пост в свой блог.

– А бабушка с дедушкой?

– Бабушка наверху. По-моему, принимает ванну. А дедушку я в последний раз видел, когда он шел в гараж.

– Ты не мог бы их позвать?

Тай смотрит на телевизор, потом на меня.

– Сейчас? – уточняет он.

– Ага.

– Всех?

– Да.

Он смотрит на часы. И бросает пульт на диван.

– Хорошо.

Три минуты спустя в гостиной собрались все члены семьи. Колин прибежала прямо с мокрыми волосами. Элис в пижаме. Тим весь в строительной смазке. А Тай просто смотрит на меня хмуро.

– Зачем ты нас всех тут собрала? – спрашивает он, прежде чем я успеваю поблагодарить их за то, что они пришли.

– Чтобы начать сначала, – говорю я ему.

Элис поджимает под себя ноги.

– Начать сначала что?

– Все, – отвечаю я. – Мы перемотаем все события назад, ко дню похорон вашего отца, и просто начнем все сначала. Будем вести себя по-новому, по-новому друг друга любить и хранить старые воспоминания о папе, чтобы у нас могли появиться и новые.

Колин наклоняет голову и улыбается. Она берет Тима за руку.

– Почему? – спрашивает Тай.

Замечательный вопрос.

– Почему нет?

Он окидывает меня взглядом а-ля «Капитан Очевидность»:

– Потому что мы не можем вернуться назад и каким-то магическим образом стереть то, что уже знаем об отце.

– Так ты мне веришь, мама? – спрашивает Элис с надеждой. – Что миссис Цукерман врет?

– Мне очень жаль, Эл, – говорю я ей мягко. – Я хотела бы верить, но нужно быть честной с самой собой – есть кое-что, чего никто от вашего отца не ожидал. То, что мы не хотели бы, чтобы было правдой, даже если в этом была не только его вина, как вчера сказала Мэделин. Впрочем, неважно. Сегодня одна очень мудрая клиентка напомнила мне, что иногда нас нужно простить, а иногда простить нужно нам. Полагаю, сейчас как раз второй случай.

– Замечательная клиентка, – говорит Тим. – Я с ней совершенно согласен.

– И все? Мы просто забудем об этом и будем жить дальше?

Тай по очереди оглядывает всех, но я знаю, вопрос его адресован мне.

Я встаю с места, беру сумку и сажусь на диван рядом с сыном.

– Почти. Мы простим и будем жить дальше. Забыть будет сложнее. Я хочу, чтобы мы помнили Нэйтана человеком, которого мы все знали и любили. Поэтому забудем все эти истории, не имеющие к нам никакого отношения. Был ли он идеальным? Нет. Совершил ли он множество прекрасных поступков? Безусловно, и это главное. Я больше не хочу тратить драгоценное время, ломая голову над тем, что произошло давным-

давно.

Я делаю паузу, пытаюсь понять выражение лиц моих детей. Элис, кажется, довольна, а Тай, похоже, старается виду не подавать.

– Я ни в коем случае не заставляю вас со мной согласиться. Вы оба достаточно взрослые, чтобы иметь свое мнение на этот счет. Но мне хотелось бы, чтобы вы знали, что по поводу всего этого думаю я и как я решила поступить.

– Я всегда говорила, Нэйтану очень повезло с женой, – шепчет на ухо мужу Колин.

– Это еще не все, – говорю я, обращаясь к Элис и Таю. – Я принесла кое-что из своего магазина.

Тай закатывает глаза.

– Дай угадаю. Цветы?

– Не совсем, – улыбаюсь я, открывая сумку и доставая три небольших кисета на молнии. – Хотя иногда я использую их для украшения букетов.

Я даю два кисета детям, третий оставляю себе.

– Камешки! – радуется Элис. – Прямо как у папы!

Для нее я выбрала камешки розового оттенка. Для Тая – сине-зеленые. А себе взяла красные, как были у Нэйтана.

– Сегодня я вернула вашему папе его «камни помощи». Но подумала, что он, возможно, будет рад, если мы продолжим его традицию. У вас в кисетах по семь камешков. Опять же, я ни в коем случае вас не заставляю, но для себя решила, что так я дольше сохраню хорошие воспоминания о Нэйтане. Это будет мое доброе дело для него – на всю мою дальнейшую жизнь.

– Мне нравится эта идея! – восклицает Элис. – Я последую твоему примеру. И хотя я не люблю большую часть тех, с кем учусь в школе, попытаюсь найти способ быть с ними добрее.

Я кладу руку Таю на колено:

– А ты что скажешь?

Тай подносит кисет к глазам, спокойно изучая его содержимое, но потом его взгляд мрачнеет.

– Я... Не думаю, что у меня получится, – бормочет он, вскочив с места и идя к лестнице.

Джеки Уорд

28 октября

Проработав помощником юриста 31 год, я решила уйти на пенсию 12/1/2011. Расстраивало меня только то, что Нэйтан, мой босс, и его жена Хэлли, которую я очень полюбила с тех самых пор, как Нэйтан

присоединился к нашей фирме, уехали в путешествие в честь годовщины свадьбы и не могли присутствовать на празднике в честь моего ухода. Так вот: не сказав никому ни слова, они сократили свою поездку, чтобы оказаться на этом очень важном для меня событии. Я невероятно тронута тем, как они поступили ради меня. Говорят, что работать приятно, когда коллектив состоит из хороших людей. Про Нэйтана лучше и не скажешь!

Глава 39

Тай

Я лежу на полу в своей комнате, подкидывая футбольный мяч в потолок. Раздается стук в дверь.

– Есть кто дома?

Голос дедушкин.

– Заходи, – приглашаю.

– Надеюсь, я ни от чего тебя не отвлекаю? – спрашивает он, просунув голову в дверь.

– Нет, я просто размышляю.

Он садится за мой письменный стол.

– В последнее время тебе есть над чем поразмыслить.

– Ага.

Дед молчит, наблюдает, как я бросаю мяч.

– Знаешь, мы с бабушкой улетаем очень рано утром. Наш рейс в семь утра.

– Да, я в курсе.

– Так вот, до отъезда я хотел бы кое-что тебе показать. Внизу. У тебя найдется минутка?

Мяч отскакивает от потолка, я ловлю его и, вздохнув, кидаю дедушке.

– Конечно. Пойдем.

Он ведет меня в гараж. Войдя, я вижу на папином верстаке какой-то непонятный предмет, похожий на кофейник. Только он жужжит и вибрирует, словно в нем есть моторчик.

– Что это? – спрашиваю я, хотя, в принципе, ответ уже знаю.

– Машинка для шлифовки камней, – с гордостью отвечает дедушка. – Новенькая. Я купил ее утром, пока вы с Элис были в школе.

С мгновение он смотрит, как работает машинка.

– Похоже, сегодня мы с твоей мамой на одной волне. По поводу камешков, – смеется он. – Только в этой штуковине камешки, конечно, шлифуются куда быстрее, чем в карманах.

– Зачем ты ее купил?

На лице деда появляется лукавая улыбка:

– Что ты мне там говорил на прошлой неделе, пока я делал блинчики?

Ах да: «Я отвечу на твой вопрос, но сначала ответь мне».

Не уверен, что хочу играть в эту игру, и все же неохотно, но

соглашаюсь.

– Хорошо. Один вопрос.

Дед достает из-под верстака стул и садится.

– Почему ты ушел из команды?

– Я говорил тебе. Не хочу играть, если папы нет на трибуне.

Ответ следует незамедлительно:

– Я помню, что ты сказал, но не верю тебе.

– И почему же?

– Потому что с самого твоего детства привык видеть тебя с футбольным мячом. И ты все время его то бросаешь, то ловишь. То, насколько сильно ты любишь футбол, даже смерть Нэйтана изменить не может.

Я беру еще один стул. Сажусь и провожу пальцем по наружной стороне шлифовальной машинки, скользя по холодному металлу.

– Потому что так мне было проще заставить всех перестать от меня чего-то ждать, – отвечаю я, не отрывая взгляда от своего пальца.

– Ждать чего?

Мне становится смешно.

– Да всего. Что бы я ни делал, я обязательно кого-то разочарую. Ну и зачем тогда мучиться?

Чтобы привлечь мое внимание, дедушка выключает машинку. Мотор со скрипом останавливается.

– Поясни.

– Нечего тут пояснять. У меня никогда не было таких шикарных результатов, которых все от меня ждут. Возьмем, к примеру, мои оценки. Я учусь нормально. Но не лучше всех в классе. А папа с мамой учились на одни пятерки. И Элис. Та вообще просто гений. Я терпеть не мог показывать папе дневник – когда он смотрел на мои оценки, в его глазах я всегда видел разочарование.

– Ты никогда с ним об этом не говорил?

– Нет. Из этого вряд ли бы вышло что-то хорошее – он просто стал бы проявлять свое недовольство открыто.

Дед настораживается.

– А что с футболом? Разве ты не лучше всех играешь?

У меня снова возникает желание расхохотаться.

– Только тогда, когда мы выигрываем. А когда нет, я «недостаточно хорош» – слишком мало удачных бросков, плохо обращаюсь с мячом или не умею правильно перехватить подачу. А я терпеть не могу, когда всех подвожу.

Он кивает.

– Это все? Только оценки и футбол?

Наверное, мне не стоит продолжать. Я уже сказал более чем достаточно, но, кажется, останавливаться слишком поздно. Я качаю головой и вытаскиваю из кармана мешочек с сине-зелеными камешками, которые дала мне мама.

– А еще – вот...

– Но тебе ведь их дали только что, – усмехается дед. – Разве от тебя уже ждут чего-то?

Я наконец поднимаю голову и встречаюсь с ним взглядом.

– Я сын Нэйтана Стина. Знаешь, что это значит? Значит, что половина людей в этом городе знают, каким он был классным парнем, и того же самого ждут от меня. Так что в какой-то степени для меня даже было облегчением узнать, что он не... то есть был не без греха. Но для всех остальных он все тот же герой-благодетель. Посмотри его паблик на Facebook. Там какое-то нереальное количество комментариев про папины подвиги. И теперь он мученик – повторил подвиг Иисуса. А мне как теперь жить? Всю жизнь я старался быть на него похожим, потому что действительно им восхищался. Но иногда начинал задумываться: я совершаю хорошие поступки, чтобы помочь людям или чтобы угодить папе?

– Понимаю, – хмурит брови дед.

– А сегодня еще и мама с этими камнями – теперь-то мне уж точно не отвертеться. Она ожидает от меня такого же благородства, на какое был способен отец. Предполагается, теперь его место займу я. Вот только мне не кажется, что я смогу. В смысле, посмотри, что было на том футбольном матче... Я ничего не сделал в защиту Элис, а ведь она – моя родная сестра!

Дедушка долго молча глядит на меня. Обдумывает. В конце концов я устаю от тишины.

– И? Зачем ты купил машинку для шлифования?

Он тут же достает из кармана большой камень с зазубренными краями размером со все мои семь камешков.

– Для тебя, – говорит дедушка. Он открывает крышку машинки, кладет туда камень и закрывает крышку. – Чтоб ты увидел, как много нужно усилий и времени, чтобы сгладить острые углы.

– И что? – Я не вполне понимаю, что он имеет в виду.

– Смотри, машинка ведь всего лишь ускоряет процесс, верно? Например, если говорить про этот булыжник, – рано или поздно силы природы сделают его гладким, как стеклышко. Через много тысячелетий он

будет выглядеть совсем иначе. Он станет ровным и блестящим. И проявится его внутренняя красота. А мой пластиковый «кофейник с мотором» только ускоряет это превращение.

– И почему для меня это так важно?

Дедушка улыбается, случайно касаясь пальцем машинки в том месте, где я касался ее.

– Потому что, нравится тебе или нет, ты тоже подвергаешься шлифовке, так что тебе стоило бы понять суть процесса – и принять его, – если сможешь. Вся наша жизнь – один сплошной шлифовальный станок, Тай, а мы все – камешки, которые кто-то туда положил.

– А как шлифуют меня?

Дедушка вскидывает брови, как будто я задал глупый вопрос.

– В основном с помощью испытаний. Людей подвергают испытаниям, которые на первый взгляд кажутся слишком тяжелыми. Болезни, смерти, голод и стихийные бедствия – вот лишь немногие из этих бед. – Он делает паузу. – Или смерть любимого отца.

– Или сына...

– Да, – вздыхает дед. – Или потеря сына... Но это большие испытания. А есть ведь еще масса маленьких, с которыми мы сталкиваемся каждый день. Проходя через них, мы становимся чище и лучше.

– Например?

– О, они для каждого свои. Зависит от обстоятельств. Но они есть у каждого.

Дед снова делает паузу. Убирает палец с «кофейника».

– Когда я смотрю на Элис, мне кажется – и, думаю, ты со мной согласишься, – что ей трудно жить с ее ростом, она такая маленькая, и это, несомненно, влияет на ее самооценку. И, конечно, нелегко все время терпеть насмешки.

– А я?

Дед улыбается мне улыбкой человека, умудренного жизненным опытом.

– Думаю, свои испытания ты уже назвал, Тай. Получается, тебе трудно соответствовать ожиданиям, реальным или выдуманным.

– О, боюсь, что они реальны, дед. Поверь мне. И чем старше я становлюсь, тем они выше.

– Хорошо. Допустим, ожидания и правда есть. Можешь ли ты что-то с ними сделать?

– Да, уже сделал. Я ушел из команды, потому что, когда не играешь в футбол, от тебя ничего и не ждут в этом смысле. – Я поднимаю мамин

кисет с камешками. – А если не помогаю другим людям, то никто не будет ожидать от меня повторения папиных «подвигов».

– А как же учеба? От нее ты тоже собираешься отказаться? Если не можешь учиться так же хорошо, как твоя сестра, надо завалить экзамены, чтобы учителя от тебя ничего не ждали?

– Нет, это было бы глупо. Я ведь хочу в колледж.

– Вот видишь. Пытаться избежать трудностей – все равно что пытаться вынуть камешек из шлифовальной машинки. Но даже если ты пытаешься избежать трудностей и думаешь, что тогда жизнь тебя не тронет, ты ошибаешься. Только тогда, когда мы принимаем вызов и пытаемся решать жизненные проблемы, мы замечаем в себе перемены. В таких обстоятельствах мы быстро избавляемся от неровных углов. Когда же мы стараемся уйти от проблем, нам удается лишь слегка замедлить скорость вращения шлифовальной машинки. Природные силы не прекращают на нас действовать, но это происходит иначе, и это «иначе» не всегда оказывается лучшим.

– Например?

– Допустим, ты действительно решил не стараться в учебе и завалил экзамены. Из-за этого не смог получить хорошее образование и найти хорошую работу. Но потом шлифовальная машинка под названием «жизнь» начнет обтесывать тебя с других сторон. Это неизбежно. И лучшее, что мы можем сделать, – изо всех сил стараться стать лучше.

Я на секунду задумываюсь.

– То есть ты думаешь, я должен вернуться в команду?

– А ты сам как считаешь?

Я пожимаю плечами.

– Все еще не знаю – папы ведь больше нет рядом.

Дед улыбается.

– Первый плей-офф через полторы недели, так?

Я киваю.

– Не хочу быть навязчивым, но я тут подумал, что все эти годы проводил с вами слишком мало времени, и хотел бы это исправить. И в день игры, неважно, останешься ты в команде или нет, я буду здесь. Конечно, твоего отца я заменить не смогу, но буду очень рад увидеть тебя бегущим по полю в свете прожекторов.

Я уже чувствую бремя ответственности.

– Я подумаю, – отвечаю. – Но ничего не обещаю.

Дед улыбается:

– Хорошо. А что насчет камешков? С ними ты что-нибудь сделаешь?

Я на секунду задумываюсь обо всех, кому мог бы помочь в школе. Смогу ли я стать для них «благодетелем»? Их ведь так много... как протянуть руку помощи каждому?

– Не знаю. До сих пор не уверен, что у меня получится.

– Ну, об этом тоже подумай. Но если решишь вдруг, что будешь продолжать дело отца, не считай это своей попыткой соответствовать чьим-то там ожиданиям... Пусть это будет потому, что ты сам так захотел.

Я молча смотрю на машинку, слушая, как в ней крутится камень.

– И как папе это все удавалось?.. – в задумчивости роняю я. – Как он стольким успел помочь?..

– Способ единственный, – отвечает дедушка тихо. – Один человек – одно доброе дело.

Линдси Бил Бергнер

28 октября

Мне сделали операцию на запястном канале обеих рук. Мой двоюродный брат, Нэйтан, вместе с семьей потратили три часа на дорогу, чтобы навестить меня. Нэйтан привез поесть, его жена подарила мне восхитительный букет, а дети вместе со мной сели смотреть кино и смешили меня. Этот поступок я не забуду никогда.

Глава 40

Хэлли

Сложив в карман камешки, я стою перед зеркалом в коридоре, проверяя, не видно ли их. Интересно, каким образом я должна помочь семерым? Впрочем, это ведь может быть мелочь... Я часто иду людям навстречу... Так что какие сомнения?

Я продолжаю крутиться у зеркала. Из гаража возвращаются Тай с Тимом.

– Прекрасно выглядишь, мама, – с ходу говорит Тай. – Если, конечно, мое мнение тебе интересно.

Голос его звучит убедительно.

– Ничего себе, мой взрослый сын – и вдруг ни с того ни с сего комплименты. Чудеса – да и только! – недоверчиво хмыкаю я.

– Ну... ты ведь рассматриваешь себя в зеркале...

– Комплимент принимается. Благодарю. – Я улыбаюсь ему. – Можешь смело переложить один камешек в другой карман.

Тай отводит глаза.

– Нет, спасибо.

И тут вдруг раздается звонок в дверь. Я стою к ней так близко, что подпрыгиваю от неожиданности. Тим и Тай глядят на меня, а я делаю шаг к двери и смотрю в глазок. Когда вижу, кто пришел, что-то обрывается у меня внутри. Я быстро оборачиваюсь и шепотом докладываю:

– Мэделин Цукерман! Открыть?

– Пошли ее куда подальше, – советует Тай.

– Нет! – Это Тим. – Надо узнать, что она хочет.

– Но я не хочу с ней разговаривать, – говорю я.

Тим смеется.

– Уверен, Мэделин уже поняла это. Равно как то, что мы дома. А что, лучше погасить свет и ждать, что она уйдет?

– Да, в самом деле. Так было бы куда лучше, – отвечаю я. Но знаю, что так нельзя. С тяжким вздохом я открываю дверь. – О, привет, Мэделин. Какой... сюрприз.

На щеках Мэделин дорожки от слез, но в целом она держится неплохо.

– Я уже полчаса круги выписываю вокруг вашего квартала, – говорит она. – Я себя убедила, что все уже рассказала. Но почему-то... не могу... так что я... должна была зайти, чтобы увидеться... с Элис.

– С Элис? Это еще зачем? – недоумеваю я.

Колин и Элис были на кухне, но, должно быть, вышли посмотреть, кто пришел, потому что я вдруг вижу в коридоре обеих.

– Элис! – Мэделин на глазах краснеет. Слезы стоят у нее в глазах. – Вот ты где! – Она проходит в дом, позабыв, что я вообще-то ее не приглашала. – Как ты догадалась? Я знаю, что ты знаешь, но не знаю, как ты поняла это. Больше никто не знает, так что скажи мне: что тебе подсказало?

Моя дочь расплывается в блаженной улыбке. Конечно, я не берусь прочитать ее мысли, но по выражению лица могу сказать безошибочно, что она чувствует: ну вот наконец справедливость восторжествовала.

– Детский альбом, который вы нам показывали, – отвечает Элис для одной Мэделин, пока остальные судорожно пытаются осознать, что происходит. – Третья страница. Я увидела и все поняла.

– Что подсказало – что? – не выдерживаю я.

– Правду, – говорит Мэделин Цукерман совершенно убитым голосом. – О Нэйтане. Ваш муж, Хэлли, много кем был для меня: другом, соперником в учебе, защитником и самым близким другом. Кем угодно, но только не отцом моей дочери.

Все в прихожей одновременно выдыхают. Все, кроме меня. Может быть, и мне стоило выказать большее удивление, но после того, что Мэделин сказала нам вчера, я склонна считать ее просто сумасшедшей интриганкой. А интриг с меня уже хватит.

– Вы уверены? – спрашиваю я скептически. – Или это очередной способ сыграть на наших чувствах?

– Хватит с меня вранья, – заявляет наша гостья решительно. Затем, почти про себя, добавляет: – Я устала врать.

– Сейчас она говорит правду, мам, – шепчет Элис. – И я могу доказать это.

– Пожалуйста, – просит Мэделин, – позвольте мне рассказать самой. Мне еще нужно столько всего объяснить...

Она смотрит на Тима и Колин. Те оба в прострации.

– Всем вам...

Шерил Мехари

28 октября

Однажды Нэйтан и его сын Тай пожертвовали субботним утром, помогая мне почистить ковры. Они принесли с собой средство для мытья ковров, пропылесосили там, где я не смогла, и помогли мне переставить последние несколько вещей из гостиной и прихожей. У меня больное

сердце, и без них я бы просто не справилась. Глядя на то, как изменилась обстановка в моей квартире, я почувствовала себя намного лучше.

Глава 41

МОЯ ЛИЧНАЯ СТРАНА ЧУДЕС

29 октября

Дорогой Блог, это я, Элис.

Ха, ха и еще раз ха! Я была права! Мой папа оказался именно тем, за кого себя выдавал. Не вруном, не изменщиком, не чьим-то чужим отцом, а моим! Ладно, и Тая тоже... но в основном моим.

Вчера я прогуляла школу, чтобы найти его «первую жену» (пропускать школу плохо, я теперь до Нового года под домашним арестом), потому что не поверила тому, что все говорили про папу. Знаю, все это могло быть правдой, но тот человек, которого мне описали, имел мало общего с тем, кем был мой папа. В любом случае, надо было все выяснить.

В общем, пока я была в гостях у этой женщины, Мэделин, к ней вдруг заявила моя семейка в полном составе. Когда они пришли, Мэделин рассказала нам эту грустную историю о своем прошлом [примечание: история была действительно жутко грустной... и вообще ни разу не смешной], но продолжала гнуть свое, что, мол, отцом ее ребенка был мой папа (и тогда получалось, что у меня есть старшая сестра). Да, все это напоминало сюжет из мыльной оперы. НО... и важное «но»... Мэделин показала альбом детских фотографий своей дочери – бабушка с дедушкой хотели взглянуть на свою якобы внучку – и тут-то я и поняла, что она врет.

Пока дедушка листал альбом, я подглядывала, и на третьей странице была справка из больницы, что у девочки первая группа крови. Сначала я не обратила внимания, но по мере того, как Мэделин рассказывала свою историю, я поняла: что-то насчет ее группы крови было не так. И вдруг, как раз перед тем, как мама нас забрала, я вспомнила домашнее задание по биологии, которое нам как-то задали, – там надо было указать группу крови у трех поколений моей семьи, и я точно помнила, что у папы четвертая отрицательная группа. Почему это так важно? Ох... Да потому что четвертая отрицательная *всегда* перекрывает первую! Ни у одного из папиных детей просто не могло быть первой группы крови, понимаете? И тут вдруг... *вуаля!*.. Мэделин объявилась сегодня вечером и во всем призналась!

Все оказалось очень грустно. Правда. Оказывается, когда Мэделин

забеременела, она была влюблена в лучшего друга моего отца, тренера Роулинза... Но и он не был отцом ребенка. Я не буду вдаваться во все подробности, потому что они просто... *гадость*. Излишне говорить, что теперь я еще больше благодарна судьбе за своих прекрасных родителей, которые любят меня и никогда бы не причинили мне боль, пусть одного из них уже нет в живых.

Когда Мэделин ушла, бабушка с дедушкой, по-моему, все еще не могли переварить то, что она рассказала. Они думали, что знали о своем сыне правду, а все оказалось ложью: папа всего-навсего взял на себя чужую вину, чтобы уберечь от стыда своего друга. И, на мой взгляд, поступил как нельзя более благородно. Полагаю, мама и Тай тоже гордятся им. Бабушка и дедушка согласились, что папа преследовал благородную цель, просто им было очень жаль, что он так долго от них это скрывал.

Мэделин честно сказала, что ей нужно было поступить иначе. Если приводить дословно, то: «Ложь на короткое время облегчила положение вещей. В то же время с годами врать становилось все тяжелее, уж лучше бы мы с самого начала сказали правду, ее последствия были бы куда менее тягостными». Я поняла, что она имела в виду, и уверена, что она права, но от этого поступок моего папы не становится хуже. Он просто сделал доброе дело.

Еще одна крутая новость раскрылась, когда мама спросила Мэделин, почему папа никогда не упоминал про свой первый брак. «Потому что, – объяснила она, – брака как такового не было. Документы были оформлены, но мы только делали вид, что поженились, но так никогда и не вступили в супружеские отношения. Поэтому так просто оказалось «развестись»: все, что надо было сделать, – попроситься. Если бы Нэйтан рассказал вам, что у него были жена и ребенок, это тоже была бы серьезная ложь, хотя все бы думали, что это правда. Он как раз не хотел врать жене. Поэтому и решил не говорить вообще ничего и попросил родителей не упоминать об этой истории никогда».

Но самым клевым, впрочем, было то, что в своем комментарии на Facebook Мэделин написала чистую правду: не требуя ничего взамен, папа, не колеблясь, спас ей жизнь. Ей и ее дочери Зоуи.

Думаю, сегодня я буду спать гораздо крепче. Мама тоже. Бабушке с дедушкой, конечно, еще во многом предстоит разобраться, но, мне кажется, они испытали облегчение, когда все прояснилось. Последнее, что дедушка сказал, когда все разошлись по своим комнатам спать, было: «Нэйтан вырос как раз таким, каким мы его воспитали». На что бабушка ответила: «Нет, гораздо лучше!»

Что ж, вот и все. Уже поздно, поэтому мне пора заканчивать. С вами прощается Элис Стин... ЕДИНСТВЕННАЯ дочь Нэйтана Стина и его младший «камешек».

Рэй Портер Билли

29 октября

Никто из вас меня не знает, но я работаю на автозаправке в Меските. Услышав, что Нэйтан Стин погиб, я должен сказать, мне очень жаль. Вся эта шумиха по поводу «добрых дел» – я слышал, как люди переговаривались, подъезжая на заправку, и полез на Facebook посмотреть. Так знаете что? Я всегда считал его своим хорошим другом – мы сразу поладили. Нэйтан всегда вел себя дружески. Многие из вас запоминают имена сотрудников автозаправки? Немногие, готов поспорить. Правда, теперь я ломаю голову: он со мной так хорошо общался, потому что я ему нравился как человек или потому что он со всеми всегда хорошо общался. Прихожу к выводу, что он относился ко всем так, как ко мне. Я не знаю, расстраиваться ли из-за того, что он не был моим хорошим другом, или радоваться, что наши пути пересеклись. Думаю, надо радоваться. Нэйтан был отличным парнем, и я буду скучать по нему. Он и для меня сделал пару добрых дел – оставлял щедрые чаевые без всякого повода. Но лучшим его поступком было то, что он общался со мной на равных. Я знал: он большая шишка и все такое, но он никогда не смотрел на меня сверху вниз. Это было чертовски здорово, я это ценю.

Глава 42

Тай

– Есть минутка?

Я стою в дверях кабинета тренера Роулинза. Сегодня нет уроков, и в раздевалку за моей спиной набиваются члены футбольной команды, которые спешно натягивают форму.

Тренер отрывает взгляд от блокнота.

– Привет, Тай. Конечно, заходи.

Когда дверь за мной закрывается, он спрашивает:

– Ты ведь не про то, что было в понедельник, нет?

– И про это тоже.

– Оу. Слушай, прости, если я чего-то не того наговорил там, у Мэделин. Эта история с ней и Нэйтаном... всегда была для меня большой темой.

Я сажусь за стол напротив него.

– Вы ведь ее любили, правда?

– Это тебе дедушка с бабушкой рассказали?

– Нет, – отвечаю я. Мне рассказала сама Мэделин, но я не хочу, чтобы Рэнди знал это. Поэтому добавляю: – Но не думаю, что вся история так выбила бы вас из колеи, если бы вам было на нее наплевать.

Пожав плечами, он говорит:

– Думал, что да, люблю. Когда-то. Слушай, это было давно и неправда. Ты об этом хотел поговорить?

– Не совсем. Я просто хотел извиниться от имени моего отца за все, что тогда произошло. Как бы там ни было, не думаю, что он хотел причинить вам боль.

Роулинз окидывает меня подозрительным взглядом.

– Хорошо... Наверное. Это все?

– А еще я хотел бы спросить... каковы мои шансы воссоединиться с командой?

Его губы начинают расплываться в улыбке, но он вовремя останавливается.

– Ох... Я не знаю. Ты уверен?

За секунду я освежаю в памяти свой вчерашний разговор с дедом.

– Уверен.

– Готов ли ты приложить все усилия и доказать товарищам по команде,

что правда хочешь этого?

– Да. Чего бы мне это ни стоило.

Тренер проводит ладонью по подбородку, пытаюсь придать себе серьезный вид.

– То есть ты настроен на победу? Готов ли ты в следующие полторы недели посвятить все свободное время тренировкам? Хороший выйдет плей-офф, если ты и правда решил вернуться.

– Я не могу обещать, что мы выиграем, – честно признаюсь я. – Но обещаю сделать все, что смогу.

– Ну что ж, – медленно произносит тренер, – полагаю, мы можем что-то придумать. Конечно, ребята наверняка захотят взглянуть, не растерял ли ты навыки. Чтобы ты наверстал упущенное, я готов провести две-три тренировки. Пробежишь пару кругов, а?

Я даже не пытаюсь спрятать улыбку.

– Пробегу столько, сколько нужно. Сегодня?

– Ага. Но время не ждет. Так что иди переодевайся.

– Спасибо, тренер!

И я ухожу, чтобы как можно быстрее сообщить Диллону хорошие новости. Но на полпути вспоминаю вдруг про бумажку в кармане. И пулей мчусь в кабинет Роулинза.

– Погодите. Чуть не забыл. К вопросу про то, что мой папа не хотел сделать вам больно. Думаю, вам нужно зайти вот на этот сайт, – выпаливаю я, кладя листок на стол перед тренером.

– Почему? Что это?

– Блог моей сестры.

Роулинз смотрит на меня как на идиота.

– Элис?

Я улыбаюсь еще раз.

– Просто пройдите по ссылке, тренер. Поверьте, то, что вы прочитаете, вас не разочарует. Моя сестра большая умница. – Поколебавшись пару секунд, я добавляю: – Особенно хорошо ей дается естествознание. И история.

Каролин Бостик

28 октября

Шерил, спасибо огромное, что дала мне ссылку на эту страницу! Не могу поверить, что Нэйтана больше нет, но, читая все эти комментарии, я понимаю, что он каким-то образом все еще с нами: он живет не только в нашей памяти, но и во всех добрых поступках, которые мы совершаем для других в ответ на те добрые дела, что Нэйтан сделал для нас. Расскажу для

тех, кто не знает: больше 4 лет назад мне пришлось на некоторое время уйти с работы по личным причинам. Мы с Шерил были коллегами (она недавно писала) и работали под началом Нэйтана. У него была потрясающая традиция дарить сотрудникам на день рождения огромные корзины с конфетами. И даже несмотря на то, что я не приходила на работу, Нэйтан не пропустил ни одного моего дня рождения! В праздничный день у меня на крыльце всегда оказывалась корзинка. Люблю тебя, Нэйтан.

Глава 43

Мэделин

Такая сложная штука – жизнь.

Сейчас только половина седьмого вечера, но я уже в пижаме, сижу у окна, пью чай и гляжу на огни города подо мной. Наблюдая за суетой на улицах, я каким-то необъяснимым образом успокаиваюсь – как будто мысленно переносусь в другое измерение, подальше от мирских забот. Я могла бы сидеть так бесконечно, смотреть, как едут машины, а пешеходы спешат по своим делам.

Интересно, есть ли среди них кто-то, в чьей жизни все настолько же запутано, как в моей?

Глядя в окно, прокручиваю в голове мысли и вопросы, которые снова всплыли с момента гибели Нэйтана. С тех пор как я вывалила весь свой запас скелетов в шкаф на семью Стин, прошла уже целая неделя, так что подумать мне есть о чем.

С одной стороны, теперь мне так легко, как не было за последние лет десять, – я впервые почувствовала себя свободно, раскрыв все тайны прошлого. С другой стороны, есть еще кое-какие отдельные фрагменты головоломки, с которыми я пока не разобралась, как быть. Во-первых, Элиза. Моя сестра до сих пор помнит Гранта как замечательного отца, который трагически погиб, разбившись на машине. Да, были времена, когда он и вправду был замечательным отцом, но не заслуживает ли она того, чтобы знать о другой его стороне? Разве не моя обязанность – ей об этом рассказать? Она уже взрослая, у нее свой ребенок – должна ли я взвалить на нее эту ношу и испортить счастливые воспоминания? Поможет ли ей правда, или только причинит боль? Обманываю ли я ее, скрывая некоторые вещи? Хотела бы я знать правду, окажись я на ее месте?

Нет, серьезно, почему жизнь – такая запутанная штука?

К тому же есть Зоуи. Родители моей дочери воспитывали ее, уверенные, что тот смазливый юноша у моей койки в роддоме и есть ее отец. И я никогда не стремилась этот миф опровергнуть. Когда она стала старше, то при каждом моем визите принималась задавать вопросы, и я прилагала все больше усилий, чтобы ответить на них возможно более кратко. А теперь, когда Зоуи выходит замуж, она и вовсе заявила, что хотела бы с ним встретиться. Конечно, я пыталась уговорить ее, но Зоуи во что бы то ни стало хочет, прежде чем заводить собственную семью,

познакомиться с человеком, благодаря которому она появилась на свет.

И что мне ей на это ответить?

Ошибкой было просить Нэйтана лететь со мной в Калифорнию, чтобы встретиться с ней, но я обещала Зоуи его спросить. А что я скажу ей теперь? Тут та же проблема, что и с Элизой: нужно ли ей знать правду? Да и вообще, захочет ли она? Или гуманнее будет продолжать притворяться?

А тут еще Рэнди Роулинз... С ним я поступила просто по-свински. О, если б можно было отмотать время назад, я бы сделала все иначе. А теперь? Я противна ему. И это чувствуется. Стоит ли мне набраться наглости и рассказать ему все, что неделю назад рассказала Стинам? Поверит он мне – или сразу решит, что я захотела таким способом его вернуть? Думаю, это неважно. Я не смогу даже взглянуть ему в глаза, особенно если учитывать, с каким презрением он на меня смотрит.

Я так углубилась в мысли, что не сразу замечаю еле слышный стук в дверь. Но, услышав его повторно, вся обращаюсь в слух. Пару мгновений сижу тихо, ожидая, что стук повторится. Но нет. Тишина. Я ставлю чашку на стол и иду на разведку.

– Эй? – зову я, подойдя к двери. – Кто здесь?

Ответом – лишь звук моего дыхания.

Я проверяю глазок. Никого. Хорошо, потому что посетители обычно звонят в домофон, а не стучат в дверь.

Тем не менее, не желая признать, что это мое воображение решило спасти меня от очередной ночи, проведенной в полном одиночестве, я распахиваю дверь в холл.

Мне не показалось. У порога маленькая белая коробочка. На ней логотип «Бархатные лепестки».

Дрожащими руками я поднимаю с пола коробку, оглядев холл в поисках того, кто оставил подарок. Убедившись, что никого нет, я закрываю дверь, открываю коробочку... и *замираю*. Весь мир останавливается. Мое сердце, мои легкие, мои мысли и даже само время – все замерло...

Наверное, так себя чувствуешь, когда умираешь. Вот только... я вдруг, наоборот, оживаю! Сердце выскакивает из груди, пульс зашкаливает, дыхание перехватило.

В коробочке – роза. Одна-единственная, но какая... Голубая роза, вплетенная в браслет. Из глаз моих льются слезы. Только один человек во всем мире догадался бы послать мне голубую розу. На дне коробочки я вижу сложенный листок бумаги. Осторожно вытянув его, читаю вслух:

«Возможно все, Мэдди. Даже голубые розы. У меня есть подходящий синий браслет, и я был бы счастлив провести остаток вечера с тобой и

снова тебя узнать. Готова ли ты поужинать со мной? Если да, то я прямо за дверью».

Когда одна дверь закрывается, открывается другая. Так говорят люди, и думаю, так оно и есть. Иногда нам хочется, чтобы дверь оставалась закрытой. Но иногда, вот как сегодня, мы несказанно благодарны за возможность дрожащей рукой повернуть ручку и открыть эту дверь.

Часть IV

Эпилог (и)

Яичница-глазунья

8 ноября

Мне пришлось зайти под другим ником, чтобы рассказать эту историю. Вот она: недавно я сообщила своему сыну новость, что через пару недель мы с его отцом разъедемся. Это его настолько расстроило, что у него жутко разболелась голова и он был не в состоянии сделать домашнее задание. Тогда я написала e-mail его преподавательнице и попросила дать чуть больше времени на подготовку. Она ответила очень быстро. И в числе прочего написала, что обычно не рассказывает родителям, но каждый август, когда готовит класс к приходу новых учеников, протирая парты, она произносит молитву за каждого новенького, потому что хорошо знает – жизнь порой преподносит нам такие сюрпризы, с которыми мы не в состоянии справиться сами. Меня очень тронул ее рассказ. А потом вот что выяснилось: после смерти Нэйтана я узнала, что преподавательница моего сына замужем за человеком (он министр), который двадцать лет назад ходил в церковь в Рокуолле, где пастором был отец Нэйтана, Тим Стин. У него-то будущий министр этому и научился: каждый новый год Тим начинал занятия в воскресной школе с того, что раздавал своим прихожанам щетки и ведра, и пока они наводили порядок в церкви, произносили короткую молитву – чтобы следующий год был удачным. Удивительно, не правда ли, как тесно одно в этом мире связано с другим, как добрые дела передаются от одного человека к другому... В конечном счете и для моего сына учительница сделала доброе дело, дав ему еще немного времени на домашнее задание. Храни Господь семью Стин. И всех тех, кому не жалко времени на помощь другим людям, даже если эта помощь совсем незаметна со стороны.

Глава 44

Тай

Лично я считаю, что виноват сериал «Хор». Ну, знаете, где школьные «отбросы общества» поют и танцуют, а крутые детишки над ними издеваются. Так вот, обливать людей соком со льдом стало модно именно после выхода этого сериала. Видимо, из-за бешеной популярности «Хора» в моей школе новой забавой для старшаков стали «ледяные ванны». Сам я никогда не издевался над «изгоями» таким способом, однако, стыдно признаться, других не останавливал.

Но узнав, на что пошел мой отец, чтобы помочь Мэдди, я пообещал себе, что, если увижу, как над кем-то издеваются, тут же вмешаюсь.

Это касается и моей сестры Элис, хочет она того или нет.

И, как ни странно, так и случается... Вот каким образом.

До конца плей-офф всего две минуты, и наша команда опережает команду противника. Кажется, пока у нас получается следовать всем указаниям тренера. Если так же продержимся до конца игры, место в четвертьфинале, который состоится на следующей неделе, нам обеспечено.

Элис не ходила на матчи с тех самых пор, как какая-то идиотка засунула ей в капюшон хот-дог (а другой балбес все это видел, но ничего не сделал). Сегодня, однако, она решила, что пора прекратить позволять другим указывать ей, куда идти и что делать. Перед тем как сесть в машину, чтобы ехать на стадион, Элис все время твердила, что уж если даже Мэдди смогла пережить все то, что с ней произошло, то уж ей-то и давно не страшно: подумаешь, пара пятен от кетчупа и горчицы! Однако забавно, что место она все же выбрала подальше от остальных, рядом с боковой линией поля, откуда мне ее хорошо видно.

Я перебрасываю мяч нашему фланговому защитнику. Роулинз знаками показывает нам, что делать. Его стратегия? *Мяч у нападающего*. У меня есть два варианта – либо бежать с мячом к центру поля, либо по левой стороне. В любом случае дальнейшая судьба нашей команды в сезоне зависит от того, смогу ли я пробежать нужное расстояние с нужной скоростью.

Какая-то ерунда – и победа наша!

Конечно, парни из «Арлингтона», наши соперники, уже просекли, что, если у них получится остановить меня, их шансы на победу резко возрастут.

Поскольку в центре поля собралась группа защитников, я решаю пойти по левой стороне. Перехватив мяч, крепко зажимаю его в руке^[9] и устремляюсь к цели. Я вижу, как Диллон, который находится в конце линии, блокирует двух полузащитников команды противника. Блок он выполняет блестяще, и таким образом у меня появляется пространство для маневра. Я проверяю расстояние по боковой линии и замечаю Элис – она стоит одна около скамьи игроков. Сестренка не сводит с меня глаз и следит за ходом игры.

И вдруг я вижу за ее спиной девчонку с пластиковым стаканчиком с соком в руке.

Я близок к тому, чтобы успеть пробежать оставшееся расстояние и тем самым принести команде победу.

Но девчонка за спиной Элис уже замахнулась.

Не сбавляя шаг и не колеблясь, я прицеливаюсь в стаканчик и запускаю в девчонку мячом.

Как только мяч отрывается от моей руки, весь стадион замирает от ужаса. Элис пугается. И уворачивается, хотя мяч бы в нее не попал...

Спустя полсекунды мяч попадает прямо в стаканчик – и обидчица обливается соком.

С поля за моей спиной доносится свист. На трибунах разочарованный рокот. Судья показывает штрафной. Я даже не смотрю на табло, потому что и без того знаю, что все это значит: *запрещенный прием – выход за границу поля*. Пенальти – и профуканный период...

Да, тысячи людей сейчас рвут на себе волосы из-за того, что я только что сделал, но единственный зритель, который меня в данный момент волнует, – это моя сестра возле скамьи игроков, выпрямившаяся во весь рост и сияющая улыбкой.

Тренер Роулинз стоит неподалеку от Элис, в недоумении глядя на кричащую от ужаса Эшли Симмонс, всю мокрую и в кусочках льда. Он смотрит на меня, потом переводит взгляд на обидчицу Элис, затем оборачивается к моей сестре. И, кажется, понимает, в чем дело. И тогда поворачивается ко мне и еле заметно кивает: «Отличный бросок!»

Минуту спустя, когда на табло пошел обратный отсчет до конца матча, подающий «Арлингтона» сравнивает счет и приносит своей команде победу.

Сезон закончился, и в том, что мы так бездарно продули, виноват один я. Все ждали, что с моим участием мы победим, а я облажался.

Жалею ли я об этом? Да нет, конечно! Потому что знаю: где-то там, наверну, мой папа сейчас глядит на меня и широко улыбается.

Потом, уже переодевшись в раздевалке, я как бы между делом достаю из кармана джинсов небольшой зеленовато-синий камешек и перекладываю его в противоположный карман.

Через секунду в раздевалку заходит Диллон. С того момента, как мы продули, он единственный из команды, кто перекинулся со мной хоть словом. Но я вижу улыбку на его лице и знаю, что зла он на меня не держит.

– Ну, так что, – говорит Диллон, – зачем ты это сделал?

– Сделал что?

– Хватит строить из себя дурака, братан. Зачем ты запустил мячом в свою сеструху?

Я думаю об отце, затем об Элис, а потом о семи камешках, которые лежат в карманах моих джинсов.

– Все просто, – отвечаю я. – Делай добро – и получишь добро в ответ.

Дженнифер Питчер

9 ноября

Несколько лет тому назад я оказалась на несколько месяцев прикована к постели. В то время у меня на руках был малолетний сын, которого я воспитывала одна. Но Бог послал мне удивительных соседей, Нэйтана и Хэлли Стин, которые всю округу объездили, чтобы достать для меня все необходимое, и все время были рядом. А как-то Хэлли даже подстригла мне ногти и сделала педикюр! Вот это подарок! Нэйтан и Хэлли, я благодарю Господа за то, что вы у меня есть. Хэлли, я знаю, Вам очень больно... только скажите, и я помогу, чем только смогу...

Глава 45

Элис

МОЯ ЛИЧНАЯ СТРАНА ЧУДЕС

11 ноября

Дорогой Блог, это я, Элис.

В минувшую пятницу случилось чудо! На своем последнем матче Тай эффектно слил игру, запустив мячом прямо в Эшли Симмонс, когда та собиралась облить меня соком со льдом. Мяч угодил прямо в стаканчик, и стерва облилась с ног до головы!

Никогда не была так благодарна за то, что у меня есть старший брат.

При этом знаменательном моменте присутствовала большая часть школы. Но даже те, кого не было, тут же узнали, что произошло, потому что в местных «Новостях спорта» об этом рассказывали все выходные. Один из операторов заснял всю сцену с идеального ракурса, и они несколько раз показали в замедленной съемке, как содержимое стакана брызнуло Эшли прямо в лицо. Один из дикторов окрестил это «ледяным взрывом».

ОБ-ХО-ХО-ЧЕШЬ-СЯ!

В Интернете уже тысячи просмотров, и я даже слышала, что этот эпизод показали в рубрике «Самые запоминающиеся моменты»!

Я в одночасье стала знаменитостью – не только из-за видео, но и потому, что я сестра того парня, который бросил мяч. Теперь, когда о поражении нашей команды уже почти забыли, все реально считают, что Тай поступил круто.

Что насчет Эшли? Ну, сегодня в школе ее все дразнили. Все те, кого она считала своими друзьями – даже те, кто ее и подговорил вылить на меня сок, – вдруг оставили ее. И теперь никто не хочет быть ее другом. Новая фишка «крутых» ребят – изобразить лицо Эшли в тот момент, когда она облилась. По правде говоря, выражение ее лица в тот момент и правда

было забавным, и все же мне не понравилось, что над ней издеваются, хоть она и сама заслужила.

Но сегодня были вещи и похуже. Двое ребят во время перерыва на ланч тайком сбежали на заправку напротив школы и купили две большие порции сока со льдом. А третий стоял с телефоном на стреме, чтобы заснять, как его приятели обольют Эшли.

К счастью, я оказалась рядом, когда все это должно было произойти. Сначала я заметила, что парень с телефоном тычет в сторону Эшли, которая шла одна немного поодаль. А потом увидела еще двоих, приближающихся к ней с другой стороны с мерзкими улыбочками. Каждый уже прицелился.

Какой-то внутренний голос говорил мне, что Эшли получит по заслугам.

Но потом я подумала о Мэдди. И о папе. И о том, что есть вещи, которые не должен испытать никто.

Поверьте мне, уж я-то знаю.

Итак, что же мне было делать? Ну, я сделала единственное, что смогла: закричала.

Закричала так громко, что парни со стаканами сока в руках остолбенели. А я подошла к Эшли и взяла ее за руку.

– Ну же, вперед! – кричала я этим парням. – Если так вы хотите показать, что крутые, давайте, облейте нас! И пусть все ржут!

Парней моя речь явно не тронула, и они сделали точно так, как я и сказала.

И тут Эшли крепко меня обняла и извинилась за все. Мы пошли напрямик в кабинет директора и все ему рассказали. Можете называть меня стукачкой, но эти ребята поступили гнусно и получили по заслугам – к счастью, третий все заснял, и у директора было достаточно улик, чтобы всех троих отстранили от занятий.

Когда мы с Эшли обсохли, я, как только выдалась удобная минутка, вынула из левого кармана один из маленьких розовых камешков и переложила в правый.

Не могу знать наверняка, но думаю, папа бы мной гордился.

Дженелль Кристенсен

11 ноября

Эту историю можно назвать «лучшим добрым делом, которое кто-нибудь когда-нибудь сделал для меня». Я была беременна своей дочерью Самантой и вела школьный кружок танцев. В общем, была жутко занята, настолько, что у меня даже не было времени прибраться в доме. На носу был очень важный танцевальный конкурс, и тут мой гинеколог сообщил мне, что ребенок развивается не так, как должен. Врачи обеспокоились и назначили на следующий день после конкурса УЗИ, чтобы в случае необходимости сделать мне кесарево сечение. Известие об этом привело меня в ужас – я боялась не только потерять ребенка, но и принести его из роддома в тот кавардак, который был у меня дома. В довершение всего мне прописали постельный режим, и я не могла сделать уборку. А мой муж Тодд в те дни проводил почти все время на работе, в суде. Нэйтан и Хэлли Стин прознали про мои проблемы и напросились к нам домой, пока мне делали УЗИ (что заняло большую часть дня). Стины пришли всей семьей, и к тому времени, когда мы с мужем вернулись, в доме царила идеальная чистота. Нэйтан и Хэлли даже принесли кое-какие вещи для детской, о которой я совсем забыла. Когда я вошла, то от радости тут же расплакалась. И слов не найти, чтобы выразить, как они мне тогда сильно помогли и как я им за это благодарна!

Глава 46

Мэделин

Прошло полгода с тех пор, как я написала Нэйтану письмо по электронной почте, в котором спрашивала его, не согласится ли он вместе со мной съездить на свадьбу дочери. Я знала, шансы невелики, но посчитала своим долгом по крайней мере спросить. К тому же я обещала Зоуи, что спрошу его.

Вы скажете, мне должно быть очень стыдно, что я поощряла этот обман. Мне и правда стыдно. Нечестно было с моей стороны просить Нэйтана и дальше поддерживать тот миф, который и без того стоил ему так дорого. Но его внезапная смерть и моя дальнейшая ложь, которая едва не разрушила семью Нэйтана и светлую память о его поступках, заставили меня изменить свое мнение. И теперь, зная, какую боль могу причинить многим людям, если стану утаивать факты, я решила рассказать Зоуи о ее настоящем отце.

Единственная проблема – как?

Я пробовала писать ей – написала штук двадцать писем, в которых описывала события и так и эдак, но все меня не устраивали и оказались поочередно в мусорной корзине. Я и по телефону ей несколько раз звонила, но, как только Зоуи снимала трубку, мой энтузиазм рассказать ей правду начисто улетучивался, мы разговаривали на любые другие темы, но к «своей» я так и не смогла приступить.

Так что сейчас, когда Рэнди везет меня в аэропорт, я решаюсь раз и навсегда.

– Я скажу ей при встрече, – говорю я, – сама.

– Да брось, – отмахивается он. – Тоже мне свадебный подарок получится... Подумай-ка!

– Но я больше не стыжусь этого, Рэнди, и хочу, чтобы она все знала. Зоуи замечательная девушка, и ее ждет прекрасное будущее, но пока оно еще не наступило, думаю, будет справедливо, если она узнает все о своем прошлом.

Рэнди пару секунд молчит, глядя вперед на дорогу.

– А если бы ты оказалась на ее месте, ты – захотела бы знать?

Я сама задавала себе этот вопрос уже тысячу раз, но еще не нашла ответ, так что молчу.

Через несколько минут мы подъезжаем к зданию аэропорта. Рэнди

обходит автомобиль спереди, открывает передо мной дверь и достает из багажника мой чемодан. Поставив его на тротуар, он обнимает меня и тихо шепчет, наклоняясь ко мне:

– Не надо, Мэдди. Пусть прошлое остается в прошлом. Время двигаться дальше. Те из нас, кто должен был знать правду, знают. Нет ничего постыдного в том, что с тобой было, и нет ничего постыдного в том, как родилась Зоуи, но оставь ты эту правду в покое, дело тебе говорю!..

– Не уверена, что правду можно оставить в покое... И не тогда, когда человек верит в ложь...

– Хотела бы ты сама на ее месте знать правду? – повторяет Рэнди вопрос.

Чтобы избежать ответа, я встаю на цыпочки и целую его на прощание.

Ах... как волшебюно! Я не знаю, как это произошло, но каким-то необыкновенным образом, когда между нами не осталось тайн, мы с Рэнди снова стали встречаться. Официально мы вместе уже четыре месяца, но, клянусь, каждый раз, когда я к нему прикасаюсь, мы словно снова оказываемся там, на танцполе, сливаясь в поцелуе.

– Я пойду, – выдыхаю я. – Через полчаса объявят посадку.

– Что ж, хорошего полета и прекрасной свадьбы! – говорит Рэнди, еще раз чмокнув меня в губы. – И подумай обо всем этом.

– Спасибо. И да, я подумаю.

– Подумаешь о том, что надо бы об этом подумать? – улыбается Рэнди.

– Ага.

Тоже улыбнувшись ему, я подхватываю чемодан за ручку и иду к терминалу.

На следующий день, за два дня до свадьбы, я жду Зоуи и ее жениха Грэга в вестибюле гостиницы. Мы собираемся вместе пообедать, чтобы успеть какое-то время провести наедине до того, как начнется вся эта свадебная кутерьма. Я смотрю на входящих, и у меня дрожат колени. Я много думала о том, что сказал Рэнди, и теперь разрываюсь на части. С одной стороны, хотя я только родная мать Зоуи и воспитанием ее не занималась, мне не хочется ей лгать. Потому что сама видела, к каким последствиям приводит ложь, и это повергло меня в ужас. А если много лет спустя она обнаружит правду и возненавидит меня за то, что я ей соврала?

С другой стороны, а не испортит ли эта правда наши с Зоуи отношения? Как она воспримет то, что я ей скажу? Ей ведь наверняка будет больно осознавать, почему я отдала ее в приемную семью...

Я тереблю бусины на своем ожерелье, прокручивая в голове все эти

мысли, как слышу вдруг голос Зоуи.

– Мэделин?

Я не возражаю, что она называет меня по имени. В конце концов, это ее мать по праву заслужила называться «мамой», а не я.

Я поднимаю голову и вижу высокую стройную девушку, которая идет в мою сторону. Рядом с ней молодой человек еще выше ростом, он держит ее за руку. Они такие красивые и так здорово смотрятся вместе, что у меня сердце ёкает.

– Зоуи! – вскакиваю я с места и обнимаю ее. Мои объятия по-техасски широки и размашисты. – Я так рада! – Отступив на шаг, еще раз оглядываю ее и приветствую молодого человека: – А вы, конечно же, Грэг! – Я обнимаю его, приговаривая: – Я так много о вас слышала!

– Все, что она вам обо мне наговорила, неправда, – отшучивается он.

– Какая неприятность, – весело улыбаюсь я.

Едва я собираюсь добавить пару слов о том, каким прекрасным человеком описала его Зоуи по телефону, кто-то снова произносит мое имя. Только теперь это не Зоуи или Грэг.

Мое сердце подпрыгивает, как только я понимаю, чей это голос. Оборачиваюсь – и вижу мужчину. Высокий, крупный, лысый...

– Рэнди! А ты что тут делаешь? – вырывается у меня.

Рэнди нужно всего полшага, чтобы оказаться рядом и поцеловать меня:

– Скучала?

– Да, но... ты же должен быть в Далласе. – Я кратко представляю Рэнди моей дочери и ее будущему супругу: – Мой дорогой друг из Техаса.

Рэнди улыбается мне, но эту его улыбку я не узнаю.

– Ну что, ты им рассказала? – спрашивает он чуть тише.

Я делаю вид, будто не понимаю, о чем он.

– Что?

Я надеюсь, он поймет, что я не хочу говорить об этом прямо сейчас, но не тут-то было.

– Ты знаешь, о чем мы говорили по дороге в аэропорт, – упорствует Рэнди.

Я на секунду оглядываюсь на Зоуи и Грэга. Они все еще улыбаются, но им явно любопытно, что происходит.

Черт его побери!

Лучше бы он держал язык за зубами. По крайней мере, не стоило говорить об этом сейчас. Всему свое время, особенно в таких вопросах, и время Рэнди выбрал наихудшее.

– Нет, – цежу я, надеясь, что мои стиснутые зубы подскажут ему, что не стоит затрагивать эту тему. – Пока нет.

– О, хорошо, – говорит он, все еще улыбаясь. – Поэтому я и приехал. Подумал, мне нужно быть рядом, когда ты скажешь Зоуи правду.

– Правду? – Зоуи совсем заинтригована. – О чем?

Я смотрю на Рэнди угрюмым взглядом.

Ух, дождется он у меня! Рэнди не имеет никакого права совать свой нос в мои дела! Если бы я и собиралась все рассказать Зоуи, то тогда, когда сама решу, в правильный, точно подобранный момент. И уж никак не во время непринужденной беседы на отвлеченные темы. А теперь Рэнди прямо-таки загнал меня в угол.

– Ммм... давай поговорим об этом позже, – предлагаю я Зоуи. – После ланча.

– Нет, – настаивает Рэнди. – Скажем сейчас. Именно сейчас правильный момент.

Я вновь пронзаю его злым взглядом. Надеюсь, теперь этот упрямец поймет наконец мое послание: *Не вмешивайся, это не твое дело!*

В смятении снова поворачиваюсь к Зоуи с Грэгом и говорю:

– Ну... наверное... Хотя я не думаю, что время подходящее.

– Конечно, подходящее! – Рэнди тверд. – Зачем ждать?

– Мэделин, – говорит Зоуи, – что бы это ни было, скажи мне.

Все это так нелепо: вокруг куча людей, а от меня требуют подробностей прямо тут, перед Грэгом, с которым мы едва успели познакомиться. Я-то рассчитывала побеседовать с дочерью тет-а-тет. И хотя я могла бы настоять на своем – откреститься и просто отложить на потом, но из-за настойчивости Рэнди теперь у всех впечатление, что я что-то скрываю.

– Хорошо, – бормочу почти по слогам, пытаюсь сохранить самообладание.

Последнее, чего бы мне хотелось в этой ситуации, – преподнести все так, словно мне стыдно за события моей юности. Ведь в том, что произошло, моей вины нет. Я всего лишь жертва, но не хочу, чтобы меня в этой истории так воспринимали. Если уж рассказывать Зоуи, то так, чтобы она видела: я сильная и горжусь тем, что смогла родить такую прекрасную дочь.

– Зоуи, – снова собираюсь я с духом, – не знаю, как лучше начать.

И вижу тревогу на ее лице.

– Просто скажи, – мягко подталкивает она меня.

Я делаю еще один вдох и продолжаю:

– Я знаю, как сильно ты хотела познакомиться со своим отцом.

Она улыбается:

– Да.

– Правильно. Так вот, что я хочу тебе объяснить... ммм... Я уже несколько месяцев хочу тебе рассказать: человек, от которого я забеременела...

– Погиб в автокатастрофе, – внезапно слышу я.

Резко поворачиваю голову в ту сторону, откуда раздался голос, и встречаюсь взглядом с Рэнди, который смотрит на меня решительно. Не могу поверить, что эти слова произнес он.

– Вот, – говорит Рэнди, – теперь она знает.

Он поворачивается к моей дочери, которая смотрит на него широко распахнутыми глазами.

– Знаю, момент неподходящий. Мы с твоей мамой много думали, стоит ли рассказать сейчас или после медового месяца. Но решили сейчас – ведь вы с Грэггом должны знать, почему твой родной отец не смог прийти к тебе на свадьбу.

– Ой... ничего себе, – со вполне ожидаемым удивлением роняет Зоуи. – То есть, я имею в виду, да – лучше я узнаю сейчас и уже не буду искать его в каждом прохожем. Так ведь?

– Так, – соглашается Грэг.

– Прости, Зоуи, – говорю я. – Мне очень жаль, что я тебя расстроила.

Зоуи грустно улыбается и отвечает:

– Все в порядке. Я ведь его даже не знала.

– Но хотела познакомиться.

Она кивает:

– Но у меня же по-прежнему есть моя семья. И все, кто меня любит. – Зоуи расправляет плечи и обнимает Грэга. – У меня слишком много поводов для счастья, чтобы меня расстроила потеря кого-то, кого у меня никогда не было. – Она немножко колеблется. – Спасибо, Мэделин, что рассказала.

– Ну что ты, – лепечу я.

И вздыхаю с облегчением, мысленно благодаря Рэнди за то, что не рассказал ей всего. Для начала вполне хватит. *Твой отец погиб. В автокатастрофе.*

Может быть, больше ей ничего и не нужно знать.

Я смотрю на часы.

– Нам, пожалуй, уже нужно двигаться, если хотим успеть в ресторан. Как вы думаете, у них найдется местечко для Рэнди?

– Всегда можно поставить еще один стул, – улыбается Зоуи.

Рэнди плотоядно улыбается.

– Ура. А то я чертовски проголодался.

Крепко держась за руки, Грэг и Зоуи отводят нас к своей машине. Я позволяю будущим супругам уйти немного вперед, чтобы они не слышали, как я, обняв Рэнди одной рукой, шепчу ему на ухо:

– Не то чтобы я не хотела поблагодарить тебя за все это... но какая муха тебя укусила – заставить меня рассказать все прямо в гостинице?

– Просто решил сделать доброе дело, – усмехается Рэнди. И после паузы добавляет: – Ну, я подумал, если твой первый муж так любил помогать людям, то второму ведь тоже положено?

– Ты прекрасно знаешь, что никакого первого мужа... – мгновенно завожусь я.

И вдруг останавливаюсь, чтобы прокрутить еще раз в голове конец фразы.

– Что ты только что сказал? – переспрашиваю.

Рэнди внезапно начинает нервничать, и я вспоминаю долговязого юношу, который когда-то боялся признаться, что влюблен в меня...

– Я сказал «муж», – понижает он голос. – Если ты, конечно, согласна выйти за меня замуж.

Я запросто могла бы закричать от радости (меня распирает), но я кладу руки на его широкие плечи и встаю на цыпочки, чтобы дать ему мой ответ – блаженно целую его.

– Это будет самое-самое доброе дело в моей жизни.

Гейл Райзинг

14 ноября

Не помню, где слышала эту фразу, но она мне очень нравится: «Сегодня, этот самый момент, и есть будущее, самое далекое, какое только возможно». Для меня она означает, что не стоит тратить время, волнуясь о том, что еще не произошло, – нужно жить настоящим мгновением. Может быть, я не была знакома с Нэйтаном Стином так хорошо, как большинство из вас, но я хотела бы считать его своим другом. Этот человек был для меня примером для подражания – потому что он лучше всех знал, как жить настоящим мгновением. Только посмотрите на все, что он сделал для других! Нэйтан Стин постоянно совершал добрые дела. Мы любим и скучаем по тебе, Нэйтан. Спасибо тебе и твоей семье за то, что вы есть в нашей жизни.

От автора

Во время работы над романом «Шесть камешков на счастье» я написал пост на Facebook, в котором просил всех желающих рассказать о «случайных добрых поступках», совершенных ими в своей жизни (хотя, конечно, никакое доброе дело случайным быть не должно). Истории, о которых написали люди, были просто невероятными! Так что в основе постов на Facebook в конце каждой главы книги – реальные комментарии, оставленные моими подписчиками. Я слегка изменил их, чтобы они больше сочетались с сюжетом романа, но в основе их реальные добрые дела – пусть совершенные и не Нэйтаном Стином, а кем-то еще. Спасибо всем за вдохновение! Все эти посты на Facebook прекрасно подтверждают ту мысль, которую я вложил в свое произведение: возможностей делать добро, быть бескорыстным и любящим, поддерживать других в беде – бесконечное множество, если ты готов открыть свое сердце и протянуть руку помощи ближнему.

Хотя книга закончена, я бы по-прежнему хотел видеть ваши рассказы о том, как вы кому-то помогли или как кто-то помог вам в вашей жизни. Если вы готовы рассказать о своем «добром деле», любого масштаба, с радостью прочитаю ваши комментарии на моей странице в Facebook. Ссылку на нее можно найти на моем веб-сайте www.kevinamilne.com.

С нетерпением жду ваших историй!

Кевин Алан Милн

Автор выражает свою благодарность...

Недавно я услышал, как кто-то из моих младших детей, произнося молитву перед сном, сказал: «Спасибо за все плохое». Признаться, я засмеялся, хотя не должен был. Размышляя потом над этим, я понял, что на самом деле ребенок подал мне прекрасный пример, напомнив о многом, за что я должен быть благодарен, и о том, как важно благодарить тех, кто делает добрые вещи. Так вот, есть несколько людей, которых я хотел бы поблагодарить за помощь в работе над романом «Шесть камешков на счастье».

Во-первых, мою жену Ребекку. У меня ничего бы не вышло, если бы не ее мудрость, проницательность, любовь, поддержка и терпение. Спасибо, Бек! Я очень сильно тебя люблю.

Во-вторых, моих детей – уже за то, что позволили мне заниматься тем, чем нужно было. Спасибо, Микайла, Кэмри, Мэри, Эмма и Кайлер, за то, что не жаловались, когда я запираю дверь на замок и отвечаю: «Не сейчас... Папе нужно работать». Ваши улыбки заставляют меня радоваться, я смеюсь, слыша ваш задорный смех, – в этот миг меня не пугают даже сжатые сроки, в которые нужно сдать книгу. Я так вами горжусь!

Я хочу сказать спасибо Кристине Бойз, которая редактировала все пять написанных мною книг (ммм... по-моему, она себя совершенно не жалеет). Она большая умница и профессионал своего дела, и я очень благодарен ей за труды. То же самое касается издателя Рольфа Зеттерстена и всей его команды на Хэшгетт/Сентер-стрит, талантами которой я искренне очарован.

Особой благодарности заслуживает моя мама, которая вычитывала и производила первую правку, причем делала это очень быстро. Я не против того, что не все ее комментарии были развернутыми – они так или иначе сыграли огромную роль. Мой отец также участвовал в процессе создания романа – он тоже вычитывал рукопись, и ему досталось всего на пару глав меньше. Как же мне повезло, что мои родители так меня любят и поддерживают!

Отдельное спасибо хотелось бы сказать владельцам и персоналу кафе «Loor» в Уилсонвилле: бесплатный вай-фай, мягкие кресла и молочный коктейль – идеальные условия для работы над книгой за ланчем.

Также хочу поблагодарить семью Метцгеров, которые сумели превратить детский летний домик в идеальное убежище («писательскую берлогу», как я его окрестил).

Несколько лет назад, когда я работал над «Выздоровлением Чарльза», Джейсон Райт мне очень помог. Так что спасибо, Джейсон, что сподвиг меня написать новую книгу!

Я хотел бы выразить свою искреннюю благодарность всем издателям, работающим со мной в других странах, – за ваши восхитительные переводы и потрясающие обложки. Надеюсь, что наше сотрудничество на этом не закончится.

Еще раз спасибо каждому, кто поделился своими историями на Facebook. Пишите еще!

И – последнее по списку, но далеко не последнее по значению – спасибо всем читателям, которые нашли время на то, чтобы прочитать все написанные мною буквы и слова. Конечно, я обожаю сам момент работы над книгой, но весь мой труд был бы напрасен, если бы некому было ее читать. И, конечно, если вам понравилось, то позвольте мне заранее поблагодарить вас за то, что порекомендовали мою книгу друзьям!

Возможно, кого-то из вас я забыл упомянуть в этом разделе. Если из-за этого вы чувствуете себя самым плохим человеком на свете, не волнуйтесь... Я благодарю Бога за то, что мои самые плохие люди на свете такие замечательные!

К размышлению

1. Какие темы затрагиваются в романе «Шесть камешков на счастье»? Какая из этих тем кажется вам наиболее важной?

2. Будучи уже взрослым, Нэйтан предстает перед нами удивительным человеком, который только тем и занимается, что делает добрые дела. Однако по мере развития сюжета мы понимаем, что он такой же человек, как и все мы, не лишенный недостатков. Что сподвигло Нэйтана превратиться из мерзкого мальчишки, который плюется в окружающих слюнявыми шариками, в человека, считающего долгом своей жизни помогать людям? Считаете ли вы, что он правда изменился?

3. Какой главный урок Тай извлек из того, что узнал о прошлом своего отца?

4. На протяжении всего повествования затрагивается тема издевательств. Можно ли сравнить жизнь Элис с детством Мэделин? Чем они похожи, а чем различаются?

5. Заступались ли вы когда-нибудь за другого человека, даже зная, что придется туго? Проходили ли вы когда-нибудь мимо, когда стоило бы прийти на помощь?

6. В начале книги мы узнаем, что Тай не в состоянии защитить свою сестру от насмешек. Как то, что он узнал об отце, повлияло на его решение прийти Элис на помощь в конце романа?

7. Оправдывала ли «ложь» Нэйтана его жене и детям то, что он защищал Мэдди? Как вы считаете, хорошо ли обернулось для семьи Нэйтана его решение сдержать данное в юности обещание?

8. Как вы думаете, справедливо ли, что Хэлли злилась на своего покойного мужа, считая, что он ее предал? Было ли у вас так, что вы злились на кого-то за что-то и только потом узнавали истинную причину его поступка?

9. Многие думают, что причинить боль можно только буквально. Есть ли иные формы издевательств? Насколько далеко могут зайти подростки, издеваясь над одноклассниками?

10. В художественном произведении антагонистом является персонаж с противоположными качествами, за счет которого более явно проступают качества главного героя. Кто из персонажей романа антагонист?

11. Как чтение романа «Шесть камешков на счастье» повлияло на вас как на личность?

12. Из книги мы узнаем, что совсем незначительные события могут полностью изменить человека. Какие ваши повседневные поступки могут изменить жизнь ваших близких?

13. Расскажите о самом добром поступке, который кто-либо для вас совершил.

notes

Примечания

1

Размер 6 в Америке соответствует 40-му в России.

2

Первый и один из самых известных романов канадской писательницы Люси Мод Монтгомери, опубликованный в 1908 году в Канаде. Роман неоднократно экранизировали (*прим. ред.*).

3

Игра слов – Jesus на испанском и на английском языках имеет одинаковое написание.

4

Игра слов: в переводе с английского crimson – пунцовый, бордовый.

5

Игра слов: McFatty от англ. fat – «жирный».

6

Игра слов: англ. mad – злой, разъяренный, и имя Maddy созвучны.

7

Аллюзия на Happy Meal в ресторанной сети McDonald's.

8

Популярный американский комедийный телевизионный сериал (*прим. ред.*).

9

Речь идет об американском футболе, где мяч овальный, а правила игры частично взяты из регби.

Table of Contents

[Кевин Алан Милн Шесть камешков на счастье](#)

[Пролог Нэйтан](#)

[Часть I Камни и кости... И Стины](#)

[Глава 1 Элис](#)

[Глава 2 Тай](#)

[Глава 3 Хэлли](#)

[Глава 4 Элис](#)

[Глава 5 Тай](#)

[Глава 6 Хэлли](#)

[Глава 7 Мэделин](#)

[Глава 8 Тай](#)

[Глава 9 Элис](#)

[Глава 10 Элис](#)

[Глава 11 Тай](#)

[Глава 12 Хэлли](#)

[Глава 13 Тай](#)

[Глава 14 Хэлли](#)

[Глава 15 Тай](#)

[Глава 16 Хэлли](#)

[Глава 17 Тай](#)

[Глава 18 Мэделин](#)

[Часть II Правдивая история Мэдди Мак Фэтти](#)

[Глава 19 Мэделин](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Глава 25](#)

[Глава 26](#)

[Глава 27](#)

[Глава 28](#)

[Глава 29](#)

[Глава 30](#)

[Глава 31](#)

Часть III Шлифовка

Глава 32 Элис

Глава 33 Хэлли

Глава 34 Мэделин

Глава 35 Элис

Глава 36 Хэлли

Глава 37 Мэделин

Глава 38 Хэлли

Глава 39 Тай

Глава 40 Хэлли

Глава 41

Глава 42 Тай

Глава 43 Мэделин

Часть IV Эпилог (и)

Глава 44 Тай

Глава 45 Элис

Глава 46 Мэделин

От автора

Автор выражает свою благодарность...

К размышлению

Примечания

1

2

3

4

5

6

7

8

9